

18+ ВЛАДИМИР КАРАКОВСКИЙ

Ода русской деревне

КНИГА ПЕРВАЯ

Владимир Караковский

Ода русской деревне.

Книга первая

Караковский В. В.

Ода русской деревне. Книга первая / В. В. Караковский —

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга посвящена истории развития русской деревни, ее становлению в России, тяжелой судьбе в XX веке, перспективам современного развития. Также разбираются все основные заблуждения, связанные с русским крестьянством. Материал книги снабжен обширным списком используемой и цитируемой литературы (более 1400 источников). Но заметное место отведено и личным переживаниям автора и цитируемых очевидцев событий.

Содержание

Введение	6
Часть I. Становление русской деревни	9
Глава 1.1. Человек – Персть	10
Глава 1.2. Времена изначальные	12
Глава 1.3. Расселение славян	16
Глава 1.4. Формирование культуры восточных славян	20
Глава 1.5. Общественное устройство Древней Руси	26
Глава 1.6. Особенности исторического развития человечества	30
Глава 1.7. Феодалная раздробленность и монголо-татарское нашествие	34
Глава 1.8. Возвышение Московского княжества	39
Глава 1.9. Смутное время и правление новой династии	53
Часть II. Жизнь русской деревни	59
Глава 2.1. Различные категории крестьян XVII – XIX веков	61
Глава 2.2. Развитие общественной мысли в XVIII – XIX веках по отношению к крестьянству	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ода русской деревне

Книга первая

Владимир Владимирович Караковский

*Посвящаю книгу всем своим предкам-крестьянам, матушке
Феодосии и своей семье, без чьей поддержки она бы не была написана.*

© Владимир Владимирович Караковский, 2026

ISBN 978-5-0069-8568-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-8569-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Я не зря использовал в названии слово «ода». Для поднимаемого вопроса подходит форма не научная, а лирическая. В нашей жизни случаются события, которые человек стремится описать не деловым языком купца или отстраненным повествованием наблюдателя, а плачем матери, торжественным величанием празднику, заунывной песней вдовы.

Докучивый критик может сказать: Обоснуйте! И будет несомненно прав, в том случае если сей труд воспринимать как научный. Но данный труд – лирический (хотя справедливости ради замечу, что книга содержит в себе обширную доказательную базу). Как можно обосновать картину или стихотворение?! Критик еле заметно кивнет и потеряет всякий интерес, так как субъективное мнение его не интересует, он считает истинным только математический анализ, эмпиризм и научный опыт, а всякая «метафизика» для него лишь приятное и легкое времяпрепровождение на досуге.

Но действительно ли наука играет определяющую роль в нашей жизни? Почему же тогда люди ходят в театры и картинные галереи, читают и сочиняют стихи, поют песни и слушают музыку, творят сами и постоянно обращаются к творчеству других? Неужели это просто досуг? Человеческую жизнь невозможно заключить в тесные рамки науки, которая к тому же имеет свойство постоянно менять подходы и методы, доктрины и теории. Какой-либо анализ, затрагивающий внутренний мир человека с научной точки зрения всегда будет выглядеть необоснованно. Поднимаемую тему также невозможно воспринимать отстраненно, исключительно с научно-технической точки зрения, ибо все мы произошли из деревни, из земли рождены и в землю отойдем. Она представляет личный кровный интерес.

Все жизненные силы человека всегда устремлялись к идеалу, к красоте, что так ярко отражается в культуре любого народа. Не научные исследования формировали мировоззрение человечества, а произведения искусства, его душевные потребности и духовный опыт. Способность восхищаться божественным творением, природой и создавать столь же восхитительные произведения самому – важнейшее свойство человека, отличающее его от остального животного мира. Даже в науке есть некоторая образность, своя красота: например, красота математических формул и геометрических фигур. Без теоретических идеалов невозможно было бы получить практических результатов даже в науке. Если физики в будущем окончательно победят лириков, то человек не просто обеднеет, он перестанет быть человеком.

Прежде всего хочется понять, что такое есть русская деревня, и действительно ли она исчезает. Надо определить сам предмет разговора. Для кого-то это просто сельская местность, аграрный тип хозяйствования, для кого-то прошлое страны. Но большинство (я в этом убежден) воспринимают деревню гораздо шире и глубже. Для меня русская деревня – это Родина. Именно так, когда я представляю родину, то вижу перед собой деревенские домики, речку, березки. *Вот моя деревня, вот мой дом родной...* Я родился в Москве, всю жизнь прожил в городе, но все равно родина ассоциируется с деревней.

Можно сказать, и более научно: русская деревня – это экосистема, самодостаточная, саморегулирующаяся. Устойчивость и надежность ее определяется самим временем: тысячелетие наша страна не знала другого типа устройства жизни. Деревня состоит из материальной части: природные ресурсы (пахотная и пастбищная земля, леса, пруды и реки), жилище (хозяйственные и жилые постройки), орудия труда, домашние животные и т. д. И состоит из нематериальной (культурной) части: взаимодействие человека с окружающей средой (особенности быта в различных условиях, общение с природой, формирующий жизненный опыт и знания о мире), творчество и искусство (народные промыслы, фольклор, различные традиции и обряды, религия). Комплексное взаимодействие всех этих факторов формирует определенное мировоззрение, понятие о Родине.

Русская деревня – это заповедная территория, источник и начало нашей культуры, нашей цивилизации. Гармоничное преобразование и взаимодействие человека и природы.

Дав такое определение, кажется очевидным ответ на второй вопрос – происходит ли исчезновение русской деревни? Однозначно да, и многие люди воспринимают этот процесс как национальную трагедию. Тем более важно понять, чем же является для нас деревня, что ценного в ней было и есть, и есть ли шансы на ее возрождение? В глобальном плане именно этим двум предметам и посвящена книга: чем ценна русская деревня и есть ли у нее будущее?

Зачем поднимать эту тему? Естественно, что ее уже не раз поднимали как ученые, так и поэты. Но мне хотелось, прежде всего, самому себе разъяснить накопившуюся информацию, проанализировать ее и пережить. Именно пережить, потому что здесь недостаточно просто выдать некоторый результат расчета, важно прислушаться к себе. Я ждал этого вдохновения несколько лет, специально останавливал торопливый разум, чтобы он подождал сердце... Любое творчество требует вдохновения. Чем более грандиозен замысел, тем больше требуется для его осуществления душевных сил. Вот сейчас в глазах стоят три грандиозные картины: Александра Иванова «Явление Христа народу», Михаила Нестерова «Святая Русь», и несостоявшаяся картина Павла Корина «Русь уходящая». Приступая к теме книги, чувствуешь подобную грандиозность поставленной задачи. Я вовсе не претендую на славу и таланты перечисленных выше художников. Однако ограниченные личные способности не должны быть предлогом для отказа: надо стремиться к идеалу и достигнуть своего максимума. Пускай эта ода будет незаконченной «Русью уходящей», пускай это будет только эскиз, но все же и он имеет право на существование...

Еще один важный вопрос: как правильно описать русскую деревню? Мне кажется, описание должно лежать на трех следующих «китах»: историческом, этнокультурном и религиозном. Такая сложная социальная структура, как деревня должна состоять из трех частей, подобно человеку (тело, душа и дух). Историческая летопись включает в себя научный анализ и относится к материальной стороне. Данная форма не может вполне удовлетворить и полностью справиться с поставленной задачей, хотя исторические описания визуально будут занимать большую часть повествования. Этнокультурное описание относится к идеальной картине, душевной и эмоциональной сфере. Считаю, что без душевного участия, переживания, симпатии и, в целом, любви к русской культуре и русской деревни невозможно правильно понять данную тему. Наконец, не будем забывать, что на русскую деревню оказало несомненное влияние христианство, и не только в культурном и историческом аспекте, а непосредственно в религиозном. Предки наши были верующими людьми и теперь взывают к нам, чтобы истина не была забыта и правда восторжествовала. Труд этот – еще и память или лучше сказать поминовение всех наших усопших предков. Важно не просто описать религиозные убеждения крестьян, но поверить им, встать в один ряд с праотцами-исповедниками. Поэтому следует относиться к данной теме с должным христианским чувством и пониманием. Верующему открываются многие истины, находящиеся за гранью материального мира. Следовательно, в оду будет включена летопись, любовь и молитва.

Несколько слов о структуре текста. Произведение разделено на четыре части. В первой части говорится о становлении русской деревни с древности до XVII века. Она предваряет основные части книги, описывая те условия в которых развивалась деревня. Вторая часть посвящена крестьянскому быту и событиям ближайших веков, которые изучены гораздо лучше, в том числе из-за множества сохранившихся свидетельств и фактов. Начиная с конца XVIII века, русская деревня стала предметом изучения науки. Одновременно с этим деревня, по моему мнению, в XVIII – XIX вв. достигла своего наивысшего расцвета и окончательно сложилась, как отдельный мир (на фоне сильно изменившегося города). Зафиксированы наиболее важные аспекты жизни дореволюционной деревни. Третья часть посвящена катастрофическим и трагическим событиям XX века, которые во многом определили нынешнее положение

ние деревни. Четвертая часть посвящена настоящему и будущему положению. Предлагаются свои предложения по решению накопленных проблем по различным направлениям.

Из-за масштабности основной идеи будет затрагиваться много параллельных тем, прямо не связанных с деревней. Автор не имеет цели оскорбить кого-либо, поэтому заранее просит прощения. Книга несет только развлекательный характер, все материалы взяты из открытого доступа и использованы в допустимых формах. Автор не несет никакой ответственности за материал, процитированный из сторонних источников и высказывает исключительно личную точку зрения, не претендующую на объективность.

Как писал летописец *«аще и груб есмь умом, но молитвою Богородица... начаток положю»*.

Часть I. Становление русской деревни

Тебя называю по имени-отчеству,

Святая, как век, деревенька моя.

Тебя называю по имени-отчеству,

Святая, как хлеб, деревенька моя.

(отрывок из песни «Деревенька моя», слова В. Гундарева)

«Ты земля еси и в землю отыдеши...»

(Бытие 3, 19)

Глава 1.1. Человек – Персть

Начну с азов, с общего представления о земле. В книге Бытия слово земля встречается много раз, при этом имеет несколько значений. Это очевидно, когда смотришь на оригинал, написанный на древнееврейском языке, где в разных местах написаны совершенно разные слова. Однако это не говорит о бедности славянского языка, просто некоторые слова, имели очень важное значение, затрагивая разные сферы жизни человека. Такие, например, как: земля, мир, свет, небо и др.

Книга Бытия начинается с описания сотворения Богом неба и земли (1.1). В данном случае имеется ввиду земной видимый мир (все наше пространство, включая нашу галактику и вообще весь космос) и мир небесный невидимый (где обитают ангелы). Во второй день уже была сотворена твердь – то есть наша планета. Далее шло постепенное преобразование Земли. Сначала твердь разделилась на воду и сушу. Затем, на третий день, земля стала плодородной и на ней произросли растения. Создав на шестой день человека, Бог сказал: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею* (1.28). То есть Бог специально создал землю для человека.

Притом сам человек был создан из земли! *«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни»* (Быт.2,7). Отметим, что первоначальный еврейский текст Библии говорит не о дикой степной земле, стихийно приносящей плод (*sadeh*), и не просто о всей земной поверхности (*eres*), но об *adamah* – обработанной земле. То есть земле, прежде обработанной Творцом, готовой принять «дыхание жизни», что аналогично понятию плодородной почвы.

Роль земледельца особо подчеркивается в святом Писании. Можно считать первым земледельцем самого Творца, который *насадил* (так и написано, не сотворил, а именно насадил) рай в Эдеме. И человек просто пользовался плодами этого сада. Но после первородного греха ситуация изменилась. Земля была проклята, в мир пришла смерть. Адаму же была дана новая заповедь: *в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт.3.19). Задача человека, как земледельца еще раз упоминается в конце третьей главы: *И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят* (Быт.3.23). Так Адам по завету Бога стал земледельцем, вторым после Творца. Адам, возделывающий землю, является прообразом Бога-земледельца, не только сотворившего все сущее, но и подготовившего почву для создания главного плода труда и любви – человека. Теперь человек должен сам стать земледельцем, производить потомство и питать его плодами своего труда. В этом просматривается невероятный и премудрый замысел Бога и его любовь: через проклятие приблизить человека к Богу, уподобить его себе, несмотря на совершенный грех. Человек, таким образом, должен был пройти сложный путь от наивно-детского понимания Творца к осознанному взрослому. Его любовь к Богу должна была стать более зрелой, через страдание и смерть. Ради этого Бог не пожалел принести в жертву и себя.

В земледелии соединяются три основополагающих жизненных понятия: земля, воля и труд. Дикое поле по воле творца и благодаря труду человека преобразуется в плодородную землю, являющуюся источником питания. Земледелие по сути своей есть богообщение. Через него устанавливается новая связь между Богом и человеком. Вспомним, что и жертвы, приносимые Творцу в Ветхом Завете, были земледельческими плодами.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что человек имеет как физическую, так и сакральную связь с землей, он не только ею обладает, но и состоит из нее! Что наглядно показывает нам как Библия, так и собственный язык, где слово «персть» означает и землю, и прах (остатки плоти). Это подтверждается и научно, т.к. тело человека, как

и тела других живых существ, разлагается на органические вещества из которых состоит почва. А в русской культуре есть еще и подобное общественное понятие: земля – народ (например, такой устойчивый фразеологизм – «как земля решит»).

Брошенная земля, как некогда проклятая, зарастает сорняками, и задача человека преобразить ее, чтобы земля могла произвести плод, об этом прямо сказано в Ветхом Завете, причем несколько раз. Земледелие – первое жизненно необходимое дело человека. Но если человек имеет власть преобразять землю, сам являясь землей, можно предположить, что влияние это взаимное. Сама по себе земля безличностна, но человек не может не испытывать ее влияния будучи ей сродни. Человек без земли тоже пустеет, зарастает сорняками и перестает приносить плод, как бы теряет один из образов своих. *«Как без пахаря-хозяина и добрая земля горькая сирота – так и он без земли – что без живой души в своём богатырском теле»* – говорится в русских былинах.

Даже когда человечество отошло от Бога и обратилось в язычество, заповедь эта неукоснительно исполнялась. Люди наделили землю божественными и человеческими качествами, поклонялись ей наряду с солнцем и луной, водой и лесом. Земля имела первостепенное значение, только она могла обеспечить жизнь людей, почва производила плод, вода удерживалась твердью, даже солнце без земли переставало иметь какое-либо значение, так как солнце могло произрастить только то, что уже посажено в землю! Это хорошо понимали наши пращурь.

Поэтому и после принятия христианства оставалось уважительное отношение к земле, большинство праздников было связано с земледелием, многие из них органично вписались в церковные праздники. Хотя если подумать, христианство и не могло в данном случае войти в противоречие с народными традициями, т.к. почитание земли, как это видно из книги Бытия, было предусмотрено самим Богом. А утверждения будто язычество имеет гораздо большее почтение к земле и окружающей среде, т.к. наделяет ее божественными качествами – в корне неверно. Во-первых, не все «боги» были хорошими, наделяя предметы личностными качествами, люди придавали им и человеческие страсти: гнев, жестокость, жадность и т. д. Неблагоприятные явления природы расценивались, как кара. Поэтому почтение богов основывалось на страхе перед наказанием. А иногда приводило к борьбе или негласному сопротивлению. Так, например, лес, как место обитания всякой нечисти, старались вырубать. Тут решались сразу две задачи: высвобождение пахотных площадей и борьба с нечистой силой. Во-вторых, христианство, обезличивая творение, открыло Творца, а как же можно не чтить то, что сотворил всеблагий и всемогущий Бог? В итоге почитание природы перешло на иной, более осознанный и глубокий уровень, основанный не на страхе прогневать капризных богов, а на любви Творца, заботящегося о своем творении. Узнавши и возлюбивши Творца, возлюбили и творение.

Глава 1.2. Времена изначальные

Постепенно после принятия христианства языческое почитание природы сохранилось только в народном фольклоре, хотя и там христианское мировоззрение стало доминирующим. Одним из самых важных героев сказаний являлась сама земля, или как ее уважительно называли Мать-Сыра-Земля – славянская богиня земли и плодородия. Удивительно, что наши предки подчеркивали важность именно сырой земли, т.к. только такая земля является плодородной: «*Мать-Сыра-Земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает*» (что соответствовало понятию *adamah* в книги Бытия).

У Матери-Сырой-Земли был любимый сын Микула Селянинович, орайт-богатырь, обладающий нечеловеческой силой. Образ Микулы, пронесенный нашим народом через столетия, был очень важен для понимания всей славянской культуры. Микула одновременно являлся крестьянином и богатырем (то есть дружинником, т.к. в средние века была кардинальная разница между крестьянином-ополченцем, не имеющим воинского снаряжения и не умевшим им пользоваться и профессиональным воином-дружинником, сподвижником князя), сыном земли и народа (в его лице заключен родовой союз между Матерью-Землей и «селом», народом, что видно по отчеству Микулы, это полностью согласуется с книгой Бытия (2:7, 3:19)), наконец, он обладает всеми христианскими добродетелями: помощь ближним, жертвенность, почтение к старшим и др. (само его имя напоминает о святителе Николае, который всегда особо почитался на Руси). Это собирательный образ, народное представление об идеальном герое. Удивительный синтез язычества и Православия. Микула – крестьянин, богатырь и святой, преодолевающий все земные преграды и общественные законы.

Очень важным моментом здесь является не только наличие самой земли, но человека, способного ее обработать. Труд пахаря ставится выше, чем ратоборство и не каждый способен и главное достоин крестьянствовать. Несомненно, это была собственная оценка крестьян своего тяжелого труда и пример для подражания. Через такие народные предания, у людей формировалось представление уже не просто о земле, а о земле-кормилице, о Родине.

Понятие Родины включала в себя все земное существование человека: рождение, поддержание жизни путем возделывания земли, защита территории от врагов, место смерти и погребения. Это земля рода, где жили предки и будут жить потомки (интересно, что выражение «пустить корень» у славян означало не только родиться, но и умереть в определенном месте).

Оба этих понятия Мать Сыра-Земля и Родина (Родина-мать) стали одним целым. Интересно, что в русском языке сохранился и «мужской вариант» – Отечество (отчина, отчизна), то есть земля отца, а также «избранная страна», «родовая, наследственная земля».

Итак, понятие Родины постепенно модифицировалось в связи с развитием и расселением славянских племен на востоке Европы. Говоря о таких древних дописьменных временах, необходимо помнить, что осталось очень мало свидетельств того, как жили и как думали (ощущали) наши предки. Опираясь на научные факты (уцелевшие летописи более развитых соседей, имеющих письменность, археологические раскопки, фольклор и другое), надо все-таки исходить из того, что люди мало меняют свой бытовой уклад, как и психику. Ученые до сих пор спорят, что первичнее: быт, обстановка или психика, сознание. Вопрос сложный. Мне кажется, что это взаимозависимые процессы, но сначала все-таки было сознание, представление об идеале, теория, которая сильно менялась с получением жизненного опыта, попадая в реальные условия жизни, вносящей определённые ограничения и соответствующие корректировки идеала.

Адам имел представление об идеале, как житель сада Эдемского. Выполняя Божественные заповеди, очищая землю от сорняков, облагораживая пространство, устраивая свое хозяйство, он стремился воссоздать свою прошлую жизнь в Эдеме. Понятно, что это было невозможно, но все же пространство вокруг него было изменено, превратилось из дикого

в культурное. Неспроста слово «культура» в русском языке имеет несколько значений. Глобальная культура человеческой цивилизации произошла от возделывания земли, от агрокультуры, произрастающей на полях.

Заметим, что земледелие возникло до грехопадения и не только в виде райского сада, но и в виде нивы! Уже в первой главе книги Бытия говорится: *И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу* (1.29). *И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его* (2.15). Поэтому засеянное поле – это образ не проклятой (хоть и обработанной), а райской земли, где человек возделывал ее, еще не борясь с сорняками. Значит труд – это не результат Божьего проклятия, а явление вполне райское. В самом деле, если серьезно задуматься, то странно было бы отождествлять райскую жизнь и полное безделье. Думаю, любой человек через несколько дней после такой райской жизни стал бы страдать от скуки.

Позже, у потомков Адама, отошедших от Бога, представление об идеале основывалось уже на плодах труда прародителя – на домашнем хозяйстве. При этом помимо земледелия люди стали осваивать и другие виды хозяйствования: скотоводство, рыбная ловля, охота, собирательство, которые также имели свои аналоги в Эдеме, через обладание животным миром, данным человеку Богом до грехопадения. Сам Адам также активно занимался их освоением. Вспомним, что его сын Авель уже был скотоводом и приносил в жертву Богу не плоды земледелия, а животных.

Бытовые условия в тех или иных культурах напрямую зависели от природных условий. Отметим только, те, которые имели важное значения для России. Условно их можно разделить на три типа хозяйствования: североευропейский тип (относящейся к умеренной климатической зоне), собственно русский и степной. Первые два типа очень похожи, однако есть причины их разделять. Чтобы разобраться в этом вопросе, придется погрузиться в историю раннего средневековья.

Несомненно, у русской и североευропейской культур было много общего: оседлый принцип хозяйствования, в котором земледелие и приселищное скотоводство играло преобладающую роль, породы животных и виды растений, способ возделывания земли и многое другое. Более того славяне раньше жили в центральной Европе, соседствуя с немецкими и иными племенами. Так что, фактически эта была одна культура. Оседлость влияла на представление о Родине, как земле предков, своей земле. Эта было пространство, ограниченное проживанием соседней родовой общины, а позже более крупного объединения людей – племени. Такая территория характеризовалась наличием достаточного количества ресурсов, для существования без смены места проживания. Внешне можно себе представить деревянное поселение на взгорье, обычно на высоком берегу реки, расчищенное от леса пространство, занятое пашней и пастбищем. Окраина проживания окружена нетронутым лесом. В лесу границы с соседней общиной размыты, лес используется совместно, как место охоты и собирательства, источник древесины и защита от врагов. Первостепенное значение в такой экосистеме имеет река. Ее роль невозможно переоценить – это источник чистой воды, рыбы, даже плодородия («заливные луга» – низкий берег реки, который в весеннее половодье затапливается и заливает землю, на таких лугах круглое лето произрастает густая и сочная трава, используемая как корм скоту).

Расселение людей происходило из Месопотамии, именно там и находился Эдем, что подробно описано в книге Бытия. Но точного местоположения узнать нельзя, так как позже произошел всемирный потоп, который сильно изменил земное пространство. О существовании такого потопы есть множество свидетельств – летописи и сказания совершенно разных народов и, наконец, геологические и археологические исследования. Первые люди расселились в благоприятных для проживания местах – с теплым климатом, плодородной землей, неда-

леко от источников пресной воды. Постепенно, при увеличении численности, люди уходили все дальше, в различных направлениях. Главными причинами миграции древних людей были увеличение плотности населения, которая стала серьезно ограничивать использования ресурсов и климатические изменения.

Судя по всему (в том числе и по научным исследованиям), климат серьезно менялся с течением времени. Периоды потеплений сменялись похолоданиями. Но в целом на заре человечества, он был гораздо суровее, чем сейчас. Северная и восточная Европа была покрыта вечной мерзлотой. Средиземноморье, междуречье, северная Африка и средняя Азия обильно снабжались влагой (как в виде осадков, так и в виде полноводных рек), почвы, имея достаточное увлажнение были плодородными. Именно в этом поясе сформировались все древние человеческие цивилизации, достигнувшие удивительного культурного развития.

Но со временем ситуация стала меняться – климат теплел, ледники отходили на север, снабжение влагой (гетерохрония) юга стало недостаточным. Параллельно из-за высокой плотности населения, стал происходить процесс вытаптывания почвы домашним скотом. Уменьшение осадков и вытаптывание стали приводить к опустыниванию, почва засолялась и превращалась в пыль. Появилась реальная угроза голодной смерти и разросшимся племенам пришлось искать более благоприятные места для проживания. Данные процессы происходили постепенно и не везде. Это не было какой-то экологической катастрофой. Глядя на африканские пустыни, мы видим лишь итог, «верх исторического айсберга», который формировался многие сотни лет, за исключением, конечно, тех пустынь, которые сложились в последнее безумное столетие, серьезно нарушившее баланс сил в природе.

Поэтому и переселение народов было процессом постепенным. Переселение в любом случае – это некий кризис, стресс психологический и бытовой. Освоение севера шло трудно и медленно. И все же северная Европа была заселена, а с ростом численности снова встала проблема нехватки ресурсов.

Речь идет не о великом переселении народов, которое началось с 1—2 в н.э. германскими племенами. А о времени более раннем. Следует заметить, что оседлая культура считается более развитой, чем степная, т.к. такие племена обладали более совершенными орудиями труда и способами обработки земли, позволяющими долго использовать одну и ту же землю. Но и земля на севере не была столь плодородна, поэтому локальная миграция все равно происходила.

Интересным остается вопрос народообразования (этногенеза). Почему, проживая в одной местности, имея одинаковые способы хозяйствования, люди не только объединялись, но и разъединялись. Возможно, здесь влияла родовая память – миграция для разных народов происходила в разное время. Поэтому пришедшие раньше, воспринимали пришедших позже уже не своими, а чужаками. Но загадка в другом, в различие языка. Вспомним, что это главное отличие одних народов от других. С церковнославянского слово «язык» и переводится как «народ». Одной неравномерностью миграции, бытовыми особенностями и природой нельзя объяснить происхождение различных языков.

В науке есть две теории на этот счет: «Примордиалистская концепция этногенеза представляет этничность как нечто изначально (примордиально) данное и естественное, порожденное «почвой и кровью». Этому взгляду противостоит «конструктивистский» (или «реалистический») подход, в котором этничность рассматривается не как данность и «фиксированная суть», а как исторически возникающее и изменяющееся явление, результат творческого созидания. Одним словом, явление культурное, а не биологическое, что больше похоже на правду. Об этом писал известный социолог С. Кара-Мурза:

«Биологически человек наследует лишь структуры мозга, гортани и языка, позволяющие младенцу обучаться у окружающих его людей логическому мышлению и членораздельной речи. Именно в этом смысле Хомский писал, что в человеке (в отличие от обезьян) есть

«врожденная грамматика». Но она вовсе не этническая, а именно «универсальная» для всего человеческого рода т.е. рассчитана на все языки.

Когда ребенок рождается и слышит, как говорят окружающие его люди его народа, то его мозг уже в первые несколько месяцев жизни настраивается на структуры этого языка, и он становится для него родным. Ст. Пинкер даже ввел метафору «джамперы» (самый близкий к контексту смысл слова jumper – появляющаяся мишень). Эти «джамперы» в мозгу ребенка ставятся в положения, соответствующие языку окружения [1]. Но эта настройка мозга на определенный язык есть процесс освоения культуры, а вовсе не «голос крови». Ребенок, попавший в стаю волков и выросший в этой стае, не проявляет потом никаких этнических архетипов и никакой врожденной способности к языку своих родителей». [цитата по 2]

Следовательно, для людей, некогда проживающих на одной территории не было никаких биологических и социальных предпосылок говорить по-разному и разделение произошло под внешним воздействием, иначе говоря по разумной воле Творца.

Образование народов описано все в той же книге Бытия, когда люди решили строить Вавилонскую башню. Это событие очень важно для дальнейшей истории человечества. Начнем с того, что сама способность говорить была дана Богом, только человеку. Это свойство подобно Богу. Обладание им дает человеку возможность нарекать всех живых существ и утверждать над ними власть, по заповеди Божьей (Быт.1.26; 2.20). Как и власть высшего Бога-Слова утверждается над подобием его – человеком («В начале было Слово...» Ин.1.1). Язык человечества был единым долго, вплоть до столпотворения.

Решение строительства Вавилонской башни противоречило Божественному замыслу, т.к. преследовало цель уподобиться Богу чисто механическим путем, не через духовный труд (как и вкусить плод) – это путь не богопочитания, а самообожествления. Этот сектантский принцип оказался удивительно живуч и используется до сих пор (Вы – Боги, для этого надо только вместе спеть, взяться за руки, принять этот «божественный напиток» и т.д.). Был и еще один скрытый смысл – предотвратить дальнейшее расселение людей на Земле, которое пугало потомков Хама угрозой потерять власть и оказаться в рабстве у потомков своих братьев, что было предречено Богом. То есть опять попытка избежать небесную кару и даже пойти против заповеди «плодитесь и размножайтесь» (ибо без расселения этот закон выполнить невозможно, так что под словом «размножайтесь», можно понимать и «расселяйтесь»).

Такое лукавое объединение людей могло привести только к допотопному нравственному падению, где единство достигалось в поклонении самым низшим влечениям. Бог не мог допустить повторения трагедии и, исходя из любви к своему творению, разделил людей на народы. Тогда этот дар языка был получен человеком второй раз, что несомненно доказывает, что у Бога есть теперь свое особое отношение не только к каждому человеку, но и к каждому народу и судьба у этих «языков» разная. Только в таких условиях со временем мог появиться и народ подходящий (избранный Богом) для пришествия Спасителя. Хотя для этого все равно нужно было пройти сложный путь разделения и очищения даже внутри одного народа. Много раз в Библии подчеркивалось, что божественная сила проявлялась не в абсолютном единении, унификации и слиянии, а в многообразии и разделении: в сотворении мира, разделении народов. И в Новом завете Христос пришел не объединять, но разделять... («Не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека» Мф.10.35—36), ибо чтобы сберечь урожай нужно постоянно очищать поле от плевел.

Есть еще одно доказательство того, что образование народов происходило по воле Творца. Та же сила, которая изменила язык во времена Вавилонского столпотворения, снова даровала человеку способность понимать и говорить на разных языках для распространения благой вести по всему миру – при сошествии Святого Духа на Апостолов на пятидесятый день после Воскресения Христова.

Глава 1.3. Расселение славян

Оговоримся, что данная часть книги лишь предваряет последующие более близкие события, о которых речь впереди. Когда дело касается древней истории абсолютно уверенным в правильности выводов быть нельзя. Здесь автор коснулся только наиболее общепринятых положений позитивной истории, стараясь обойти разные нестандартные гипотезы.

Для великого переселения народов севера на юг и востока на запад, продолжавшегося несколько столетий с 1—2 века до 7—8 века н.э. было несколько причин. Это и очередная волна похолодания, заставившая искать более благоприятные условия проживания, и увеличение численности северных народов, и постепенная деградация Римской империи, и как следствие, обезлюдивание южноевропейских плодородных земель. Однако, мне кажется, что первопричиной могла быть и некая духовная составляющая. Известный ученый Лев Гумилев считал, что у каждого народа есть свое эволюционное развитие, характеризующееся разной степенью пассионарности (духовности). В какой-то момент происходит пассионарный толчок или взрыв, как наивысший уровень развития этноса, когда люди, наделенные единой духовной силой, становятся способны к самопожертвованию ради некоего идеала. Они начинают действовать ради достижения этой идеи, создавать свое государство, свою империю, значительно расширяя или меняя ареал обитания. Возможно именно поэтому готы стали переселяться на юг, а гунны на запад. Ведь если бы похолодание было настолько невыносимым, то переселились бы все народы и север Европы опустел. Но переселились лишь некоторые и позже 4 века, этот поток варваров волнами прокатывался по Европе еще не раз (например, нашествия викингов 8—11 вв.).

Теория Гумилева осталась недоказанной, т.к. с научной точки зрения ее невозможно обосновать. Проблема современной науки в том, что она признает только естественно-научный принцип познания мира. Ученые-скептики часто неверно интерпретируют религиозные мотивы различных исторических процессов. Крестоносцы воспринимаются ими как фанатики, т.к. религия, духовность – это в глазах ученого фанатизм, философское учение, психика, но не Откровение. Присутствие Бога в человеческой истории игнорируется. Гумилев попытался описать Божественную силу, постоянно воздействующую на человечество, научным языком. Самое слабое место этой теории в объяснении причин эволюционного развития народов (да и в целом этногенеза). Он объяснял всплески пассионарности какими-то природными явлениями (мутацией, солнечной активностью, климатическими колебаниями) или внутренними чисто человеческими процессами, опираясь на труды Вернадского, называя их биогеохимической энергией живого вещества биосферы (ну да, это конечно проще представить, чем Святой Дух).

Мне кажется Гумилев был заложником своего времени, фактически являясь представителем еще дореволюционной богемной интеллигенции (которая отличалась поразительной духовной близорукостью, почитая Рериха, Блаватскую и Толстого), пережив сталинские лагеря, являясь воспитанником советской науки, замусоренной атеистическими марксистско-ленинскими теориями. Несмотря на то, что Гумилев очень обижался на коллег-критиков, со многими разругавшись, сам порой признавал несовершенство своей теории. [3]

В свете теории Гумилева по-другому видится и история древнего Израиля, который пережил свой короткий взлет (время правления царя Давида и Соломона) и последующее падение (Вавилонское и Римское пленение). Падение было связано с гордыней царей, потерявших моральные ориентиры и единство с собственным народом, как это часто было и в других государствах. Спаситель застал Израиль угнетенным и поверженным, давно пережившим славу свою и упрямо чающим вновь обрести ее. Обрести именно земную славу, а не небесную. Поэтому Христос был отвергнут еврейскими лидерами. История Израильского государства

в Библии непосредственно связана с Божественной волей. Бог имел свои личные отношения со своим народом, гневался на него, переживал его падение, благоволил и награждал при раскаянии. Но если в историческом развитии Израиль ничем не отличается от других государств, то значит свои отношения у Бога есть и с другими народами. Конечно оговоримся, что такой вывод напрашивается только у верующего человека, ибо атеист решит наоборот – историческая схожесть государств, доказывает отсутствие Божественной воли.

А может ли народ вновь пережить взлет? Вопрос серьезный. Наверное, это случается редко, при условии полного перерождения, на фоне каких-то глобальных катастроф. Русь, не раз испытывавшая потрясения, являет нам такой пример. Тем более, для верующего человека допустимо полагать, что любой физический, как и исторический закон, может быть нарушен своим Создателем. Если Богу угодно, он возродит. Но обо всем по порядку.

Когда появились славяне, как отдельный народ (язык) доподлинно сказать сложно, вопрос этот изучается лингвистами, археологами, генетиками и другими учеными до сих пор. Можно с уверенностью сказать, что славяне относятся к индоевропейским племенам, которые населяли центральную Европу еще во втором тысячелетии до н.э. (бронзовый век). Процесс выделения происходил постепенно. Примечательно само значение слова «славяне» (словене) – знающие слово, то есть разговаривающие на понятном языке. В этом древнем названии подчеркивается главная отличающая черта одного народа, от другого.

Первые летописные упоминания говорят о появлении славян-антов в 4—5 веке на границе с Византийской империей. Но это были уже переселенцы, вытесненные готами из Висло-Одерского региона. Однако в причерноморском регионе еще ранее (3—4 вв.) существовала Черняховская культура, возникшая на стыке различных миграционных потоков, которая включала в себя различные этносы: степняки-скифы (сарматы), славяне (или их предки венеты), и готы. Считается, что славяне, многое тогда позаимствовали у соседей: например, военное дело у степняков скифов. Черняховская культура исчезла под ударами орды мигрирующих степняков-гуннов. После ее уничтожения начинают формироваться первые антские самостоятельные союзы. Но доподлинно никто не может сказать имеет ли вообще отношение данная культура к славянам, которые, возможно, пришли сюда позже. Более точно можно утверждать только о Пеньковской (антской) культуре 5—8 вв. Данная культура значительно уступала Черняховской в уровне развития из-за уничтожения культурных и ремесленных центров гуннами и была уже всецело славянской. С 5 века начинается движение славян в разные стороны: так вскоре возникли южные славяне, занявшие Балканский полуостров и даже часть Пелопоннеса, западные славяне, частично вернувшиеся на прежние места проживания и восточные славяне, ушедшие на север и северо-восток, занятый балтскими и финно-угорскими племенами.

Продвигаясь с юга на север вверх по течению крупных рек (Днепр, Десна и т.д.) восточные славяне основывали свои города-центры обособленных племен. Видимо, численность славян-переселенцев значительно превышала местное балтское и финно-угорское население. Нет точных данных о том, существовали ли какие-то конфликты и локальные войны между местным и пришлым населением. Скорее всего они были незначительны, т.к. плотность населения была небольшой, ресурсов хватало на всех. Тем более славяне обладали более совершенной культурой, о чем говорят археологические раскопки (появляются более совершенные по форме серпы, каменные ручные жернова, появляются рожь и овес из Висло-Одерского региона). [5]

Местные племена стали перенимать культуру славян и смешиваться. Но процесс этот растянулся на сотни лет, а некоторые угорские племена (в основном волжского бассейна) продолжили жить обособленно, возможно потому что до Волжского бассейна славяне добрались позже, возможно численность угорских племен здесь была гораздо выше, что могло быть связано и с локальной миграцией тех, кто не захотел жить с пришельцами на Днепре и Десне. И это были вовсе не дружественные славянам племена. О столкновениях говорят не только летописи, но и русские пословицы: «Мордва, да меря – хуже зверя».

В византийских летописях славяне стали упоминаться с 6 века (летописец Иордан). Воюя одновременно с аланами и с регулярной армией империи, они стали постепенно расселяться по Балканам и Пелопоннесу. На этом фоне совершенно абсурдными выглядят утверждения, что у древних славян не было организованной власти. Без племенных вождей и военизированной дружины (то есть не крестьян-ополченцев, а воинов-профессионалов, выполняющих оборонительные функции) невозможно было успешно спорить с регулярными войсками развитой Византийской империи. А в успешности сомневаться не приходится, т.к. в 6—7 веке оборона византийцев пала, границы были прорваны и Ромеям пришлось пойти на союз с «варварами», задолго до походов Рюриковичей. Только к началу 9 века Византийской империи удалось вновь установить власть над потерянными территориями. Но справившись с балканскими славянами (которые, впрочем, еще не раз беспокоили империю, даже после принятия христианства), на Константинополь в 907 году напал варяжский князь Олег во главе с восточными племенами славян. [4]

Скорее всего изначально у славян был распространен вечевой (выборный) принцип управления, князья и вожди избирались народом или ее самой уважаемой частью. Постепенно стало формироваться высшее сословие, вышедшее из наиболее богатых, воинственных и влиятельных родов, которое стало передавать свою власть по наследству. Но вечевой принцип не был упразднен полностью (как известно, он существовал еще в Новгородской республике до ее уничтожения в 15 веке, а в казачестве до 17 века и позже). Сам факт призыва варяжского конунга на службу говорит о том, что славянские племена имели представление о государственном устройстве. В самом призыве не было ничего необычного – приглашения князя на службу – элемент вечевого управления. Необычность состояла в том, что призывался чужестранец, который устроил все противоборствующие стороны, имеющие своих ставленников-родовичей. Видимо, зная варягов, как опытных управленцев и хороших воинов, славяне решили заключить с ними договор.

Выбор оказался удачным, человек, не имеющий личных счетов, кровной мести с окружающими его племенами или отчего наследства, сумел их объединить (Рюрику не удалось это вполне, при нем объединены были только северные, новгородские славяне, а вот Олег уже действительно смог создать мощное государство, перенеся столицу в Киев). Хотя, как видно из истории, объединение славянских племен сначала строилось на военной силе и личности Олега. Стоило появиться менее талантливому вождю и союз племен начинал рушиться. Приходилось постоянно проводить карательные рейды, объединённые со сбором полюдья. Как известно, закончилось это трагично – князь Игорь был убит древлянами. Его жена Ольга сделала первые шаги для реального укрепления государства. Между властью и племенами были установлены договорные отношения, определялись время и места сбора дани и ее количество, обязанности и ответственность сторон. Теперь в городах племенных центров постоянно присутствовали представители княжеской власти. [4]

Как уже говорилось реки выполняли очень важную функцию, для расселения и существования общин. Все древние города, были основаны вблизи крупных водных объектов. Для древне Руси реки были не только источниками ресурсов, но и порой единственным способом коммуникации и передвижения на огромном пространстве занятой территории. Почти все военные, торговые и хозяйственные связи осуществлялись через реки. Известный путь «из варяг в греки» был речным. Этим же путем славяне нападали и на Византию.

Первые приречные поселения росли и превращались в города. От них уже шло расселение людей вглубь территории, тоже, впрочем, ориентированное на реки-притоки. Здесь начиналась сложная борьба с лесом за плодородную территорию, за право жить как предки, ежегодно возделывая злаковое поле. Города тогда отличались только тем, что были крупнее и защищались острогом и земляным валом. При нашествии врага, население ближайших деревень уходило в город под защиту крепостных стен. В мирное время город заметно пустел, кре-

стьяне приезжали только для обмена товарами, уплаты налогов и для других временных дел. Население города, помимо представителей власти (князя, бояре, дружина и их слуги), состояло из людей, которые хлеб не производили, а покупали, зарабатывая на него средства: купцы и ремесленники. Также города стали просветительскими центрами. Именно через них св. Владимир продвигал христианство по Руси. Именно в них стали строиться первые церкви и монастыри. Монастыри, основанные отшельниками в глухих местах (пустынях), были характерны все-таки больше для 14—15 вв., времен преп. Сергия Радонежского, который ввел новые принципы хозяйственного быта и духовной жизни монастырей. Надо сказать, что функция городов, как центров культуры и общественных настроений, никогда не исчезала. Через них, в деревню проникало и христианство, и атеизм, и революция.

Итак, время массовой миграции славян было прекращено к 8—9 веку (хотя на север и восток расселение никогда не прекращалось, даже во времена ига). Расселение племен, объединенных в молодое и надо сказать довольно активное (а порой и агрессивное) государство под названием Русь, было ограничено: с севера неблагоприятными малолюдными территориями с суровым климатом, с запада – славянскими, готскими и иными племенами, образовавшими свои державы, с юга Понтийским (Черным) морем и Византийской империей, с востока – агрессивными степняками-кочевниками, периодически нападающими на русские города и веси, и поволжскими племенами, объединенными в свои недружественные славянам союзы.

Глава 1.4. Формирование культуры восточных славян

Чем же стали отличаться восточные славяне от своих европейских соседей и соплеменников, некогда живших на одной территории?

1. Природные условия. Климат на востоке оказался суровее: продолжительная холодная зима, короткое лето, преобладание хвойных и мелколиственных пород деревьев, кислая и малоплодородная почва. Переувлажненная территория отличалась широким распространением речной сети, ледниковых озер и огромными заболоченными пространствами.

Все это влияло на ведение хозяйства, которое стало сильно отличаться от европейского. Лес и река стали играть огромную, даже определяющую роль в быту. Из леса делали все: дом, посуду, мебель, предметы быта, даже обувь (лапти). Лес стал важным источником ресурсов: дрова, дичь, ягоды, грибы и т. д. Река – источником пресной воды и рыбы. В зоне рискованного земледелия, когда вырастить хлеб и овощи даже при обладании довольно совершенных способов возделывания, было сложно, люди не могли выжить без охоты. Лесные ресурсы были и важным источником торговли, в частности Русь славилась поставками борти (меда и воска), смолы, ягод и мехов (а меха вообще фактически стали национальной валютой, ценившейся в Европе как золото много веков).

В низовьях Днепра, где стоял стольный град Киев, климат был мягче, почвы плодороднее, здесь начиналась лесостепь. Однако, облик киевской земли в древности был иным – лесным, терема и дома здесь также изначально делали из дерева. За сотни лет эксплуатации, нерегулируемой рубки, при том, что плотность населения была здесь значительно выше, принципы хозяйствования изменились, дома стали делать из глины, а открывшаяся степь сделала город уязвимым для кочевников. Но зима также была продолжительна и сурова и в целом, как на севере, так и на юге славяне жили сходно.

Особенности ведения хозяйства, как и другие факторы, связанные с природными условиями, влияли на поведение и характер славян. Борьба с неблагоприятными условиями вырабатывала огромную силу воли, изворотливость и смекалку (задний ум), неприхотливость к условиям жизни и взаимовыручку. Долгая зима приучила русских к терпению, бережливости и обдумыванию поступков. А короткое лето – к быстрой реакции и мобилизации своих сил, способности к тяжелому и упорному труду.

Малоплодородные земли вынуждали общину вести полукочевой образ жизни с периодической сменой хозяйственных площадей, к предприимчивости и подвижности, к экстенсивному принципу земледелия.

2. Восприятие пространства. Неравномерность и контрастность характера людей во многом определялась и окружающим пространством. С одной стороны, оно было замкнутым – взгляд всегда натывался на препятствие в виде кромки леса, который воспринимался и как источник зла (злые духи, дикие звери, боязнь потеряться), так и источник земных благ (природные ресурсы и защита от врагов). Это приводило к созерцательности и усидчивости. С другой стороны – из-за огромных и малонаселенных территорий в условиях сурового климата люди привыкли преодолевать огромные расстояния, а пространственная и количественная мера сильно отличалась от европейской. До сих пор поражает, как на таком огромном малонаселенном пространстве с болотами и лесами, свободно и быстро передвигались наши предки. Совершенно иначе вели себя русские, попавшие в степь, где «глазу не за что уцепиться», где нет рек, а значит мало воды и передвигаться можно только на коне или пешком. Открытое пространство наводило тоску и пугало.

Малолюдность на фоне суровых климатических условий формировала бережное отношение к человеку, выраженное в частности в удивительном гостеприимстве, т.к. не принять путника, значило подвергнуть его смертельной опасности.

3. Влияние соседей. Не будем говорить о соседях европейских, т.к. их влияние было безоговорочным, если вспомнить, что и родина у нас была когда-то одна. Однако, славянские племена, очутившиеся на холодных и огромных пространствах восточной Европы, столкнулись здесь с совершенно другой цивилизацией – степными тюркоязычными народами. Буквально все было иным – хозяйствование, менталитет, внешность, социальные связи. Несомненно, что чужое пугало, к чужому относились враждебно. Но это тоже были люди, с одинаковыми желаниями и страстями.

Война, столкновение – это тоже связь, социальное явление и обмен информацией. У врага, тем паче врага сильного и опасного, учились в любую эпоху (что у гуннов, что у фашистов). Перенять более совершенные и эффективные методы ведения боя было не просто разумным, но и жизненно необходимым, кто не учился – погибал, попадал в рабство, смешивался. Поэтому обмен боевым опытом было важным и, возможно, первым контактом со степью. Не знаю происходило ли это в Черняховской культуре, считающейся неким анклавом разных народов, в том числе и степных, но гунны уж точно поучили уму-разуму славян. А то, что после нашествия степняков, славяне не только сохранились, но и смогли занять территорию всех других народов Черняховской культуры, говорит о том, что урок пошел на пользу, хотя это и стоило многих жертв при общем культурном падении.

Несомненно, и то, что степняки, обладая эффективными военными технологиями, считали себя чужаками вне степи. Да, они стремительно захватывали другие цивилизации оседлых народов, неся ужас и разрушение, но не могли долго задерживаться на одном месте. Постоянная миграция не позволяла полностью уничтожить оседлую культуру. После стремительного набега, поработанный народ облагался данью, становился улусом, но не уничтожался, не пытался быть превращенным в степь. Это хорошо понимал князь Александр Невский, усмотревший настоящую угрозу исчезновения с запада, а не с востока. В культурном плане оседлые и степные народы, даже находясь в одной империи, жили обособленно. Хотя культурный обмен происходил всегда. Половецкая, печенежская и татарская знать связывалась с русской через межэтнические браки. Шла оживленная многолетняя торговля, были совместные походы на «ромеев» (Византию) и много еще чего.

Это пограничное, лесостепное существование восточных славян со временем серьезно обогатило их культурное восприятие. Степь стала постепенно включаться в мировоззренческую структуру русских. Этому способствовали и вышеперечисленные факторы – суровый климат и огромное безлюдное пространство, вынуждающее вести полукочевой образ жизни. В нашей истории даже встречаются похожие на степняков правители – неугомонный Святослав Игоревич, постоянно с кем-то воюющий, живший по сути в походах, питающийся сырым вяленным мясом, пропитанным конским потом.

Привычка к миграции, поиску лучших мест сформировала особую богатырскую удаль (кстати и само слово «богатырь» происходит от тюркского «богатур, батыр», то есть герой, воин), определяемую академиком Дмитрием Лихачевым как «храбрость в пространстве» [1438]. Экстенсивное мировоззрение формировало и такой распространенный способ решения различных жизненных проблем, как уход на другую территорию. Эта тяга к походам, к поиску лучшей земли проявляется во многих сказаниях и представлениях: Беловодье у старообрядцев, Ирья у Владимира Мономаха (страна откуда прилетают птицы), царство попа Ивана, град Китеж, остров Спасения – все это поиск рая на земле.

Богатырская удаль, прерванная татаро-монгольским нашествием, проявилась позже в освоении Русского севера, Сибири, Азии, Дальнего востока и Аляски землепроходцами и казаками («охочими людьми» имеющими пассионарную волю к свершению подвигов).

Это восприятие степного бытия удивительным образом смогло ужиться в нашем народе с европейской оседлой культурой. Такой симбиоз позволил русским освоить огромные пространства (в том числе и степные), при этом не превращаясь в местных степняков, утверждая

свой метод оседлого хозяйствования и разумно используя опыт аборигенов, приспособляясь к природным и культурным особенностям.

4. Религия. Это самое противоречивое понятие. Как я уже говорил, современные «исследователи» стараются быть беспристрастными. Говоря о религии, нельзя сказать и о внутреннем устройстве человека. Для ученого-атеиста человек – это только физическое тело. Отсюда исходят и все остальное – сходство с животными позволяет предполагать, что человек – животное, эволюционировавший примат. А все непонятное – совесть, фантазия, разум, память, язык, сознание и многое другое – это биохимические реакции, работа нервной системы и мозга, психика, вторая сигнальная система и т. п. Человека уравнивают с окружающей средой, описанием которой и занимается собственно наука. Религию, как понятие метафизическое невозможно подвергнуть какой-либо верификации и обоснованию.

С точки зрения верующего – человек состоит из трех частей: тела, души и духа. Тогда всё встает на свои места и не приходится придумывать сложные и туманные термины, которыми наука закрывает пробелы обоснования. Но признавая дух, силу свыше, уже нельзя допустить и каких-то компромиссов. Приходится либо признать Бога и постоянно действующую силу его воли на человека, либо полностью отвергнуть Бога, ограничив себя только научными знаниями и теориями.

Чтобы избежать такого выбора, ученые стали либо замалчивать эту тему, либо искусственно ее усложнять, замуровывая истину в малопонятные термины и ложные понятия. А ведь этот фактор должен стоять на первом месте, т.к., по правде говоря, он самый главный. Представление об идеале меняло судьбу человечества. Только идеализм мог сподвигнуть человека к самопожертвованию. А что такое осознанный риск и смерть – это значит для человека есть нечто большее, чем просто материальное существование.

Если даже абстрагироваться от библейской истории, обратиться к давно отошедшему от Бога человечеству – Древнему Риму, варварским народам раннего Средневековья – религия и вера была всегда. Самая элементарная религия – это вера в собственный род, вера в его бессмертие. Жизнь и здоровье родителей уходит на рождение и воспитание детей, которые продолжают род, сохраняют твой образ в вечности. Таким образом, самопожертвование заложено в человеке изначально, в самом прямом физическом смысле. Если человек отказывается от этой жертвы – наступает родовая смерть и жизнь теряет всякий смысл. В таком случае, нет сомнений, что все древние народы были религиозны. И именно вопросы веры имели для них определяющую роль в жизни, а часто и в политике.

Говоря об истории, да и вообще о человечестве, надо всегда держать в голове одну важную мысль: не надо считать других людей дураками, в том числе и древних. К сожалению дарвинская теория сильно влияет на наше представление о древности. Готы, вандалы и гунны нам представляются чуть ли не обезьянами, недавно спустившимися с деревьев. На самом деле древние люди просто не обладали теми знаниями и технологиями, которыми обладаем мы. А логика, разум, религиозные запросы были такими же. Изучая ту или иную древнюю культуру, жилища варваров, хозяйство, орудия труда, скульптуры языческих богов, приходишь к мысли, что все что можно было придумать при тех знаниях и условиях жизни, было придумано. Аналогично и в религии – язычество это был религиозный максимум древних людей, и только когда на землю пришел Бог и сам сказал о себе, тогда религия перешла на новый уровень.

Религия, как связь с потусторонним, как попытка утолить жажду веры и прийти к своему идеалу, несомненно связана с Божественной волей. Не только появление народов, но и создание различных религий – это Божий промысел. Каждая из них несет свой сакральный и исторический смысл.

Русь приняла христианство в 988 году. Если проигнорировать описанные в летописях чудеса, связанные с этим событием, то выбор религии все равно окажется вполне логичным. Во-первых, сама христианская церковь к тому времени обрела цельный и окончательный образ.

Уже отгремели вселенские соборы, уже иконоборческая ересь была побеждена как 100 лет, уже давно были известны, приняты и почитаемы великие создатели литургии (Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов). И славяне в таких обстоятельствах оказались «работниками одиннадцатого часа», узревшими славу Православия во всем блеске.

К тому же, несмотря на политические разногласия и культурную разницу христианство Рима и Константинополя было еще единым. Соперничество за крещение Руси могло вестись между разными епархиями, но не церквями, то есть это соперничество скорее политическое, а не идеологическое, а потому и не столь драматичное, как это было, например, в Литовском княжестве. Так что глобально, выбор мог происходить между христианством, исламом и иудаизмом.

Во-вторых, Византийская империя была в то время еще на пике своего развития. По сравнению с раздробленной территорией бывшей западной Римской империи, Византия была достаточно большой державой, обладающей высокой культурой и самыми совершенными технологиями, и поражающими воображение произведениями искусства. Отдельно стоит выделить, как объект искусства – архитектуру. Константинополь, бессменная столица империи, был крупнейшим городом мира, прославленный своими архитектурными шедеврами – храмом святой Софии 6 века (настоящим чудом света, самым крупным христианским храмом на протяжении 1000 лет), Влахернским дворцом, ипподромом, крепостными стенами, Золотыми воротами и многим другим, что не могло не восхитить русских.

В-третьих, Древняя Русь и Византия имела тесные политико-экономические связи. Само географическое положение устанавливало эту связь: русские реки Днепр, Днестр, Южный Буг, как основные транспортные пути, впадают в Понтийское море, на территорию греческой империи. Добраться из Киева в Константинополь было довольно просто даже на древнерусских ладьях, что осуществил князь Олег в 9 веке. Тогда же были установлены тесные торговые и экономические связи. Католический мир тогда еще не оформился в отдельную самостоятельную единицу, а ислам присутствовал в виде нескольких поволжских государств-соседей, которые, впрочем, были уничтожены Святославом Игоревичем. На этом фоне культурное и религиозное заимствование у более развитого соседа было делом времени. И выбор князя Владимира, как талантливого и дальновидного политика, старающегося укрепить свое государство, был закономерным. Выбор пал на лучшее, что тогда было. Но в этом был и промысел Божий! Никто не знает, как повернулась бы судьба Руси, если бы выбор пришлось делать позже. Вспомним, что долго колебавшаяся Литва в самом конце 14 века выбрала более влиятельную в Европе Католическую религию, а ордынский хан Узбек в начале того же века выбрал Ислам. Впечатлила бы так же святая София русских послов после разграбления крестоносцами Константинополя в 1204 году?

После принятия христианства образ Матери-Земли органично вписался в почитание Богородицы. Все то, что просили у земли, теперь стали просить у Богородицы. Это, прежде всего, связано с плодородием (вспомним образы Богородицы-Млекопитательницы, Спорительницы хлебов, Живоносный источник и др.). Последний яркий пример: почитание Божией матери, как истинной правительницы России, после отречения императора в 1917 году, через явление ее иконы Державная.

Некоторые функции перешли и на христианских святых, память которых приходилась еще на языческие праздники, связанные с важными этапами сельскохозяйственных работ: день Акилины (13 июня) – сев гречихи (гречишница), день Анастасии – овечий праздник, дни покровителей скота – св. Власия, Флора и Лавра, Макария, Егория и т. д. Вообще христианство полностью преобразило жизнь славян, давшей новую систему координат бытия. Это легко доказать, вспомнив многочисленные народные пословицы и приметы, отмечание бытовых, семейных и общественных праздников. Это настолько трогательная сторона народной

культуры, что здесь как в жизни появлялись свои любимцы, имеющие всеобщее признание: святитель Николай, святой Георгий, святая Параскева Пятница и другие.

Конечно, далеко не сразу и не везде христианство распространилось на Руси. Как и в древнем Риме, христианством сначала были охвачены города (как это видно и из летописей, где сказано, что сначала князь Владимир крестил жителей Киева). До деревни религия добиралась дольше. Еще тяжелее христианство распространялось у порабождённых Русью финно-угорских племен. Процесс просвещения растянулся аж до 14—15 века и то не везде успешно. Самый успешный пример – это крещение зырян и пермяков святым Стефаном Пермским, другом и сподвижником преподобного Сергия Радонежского. Но после его смерти еще почти сто лет приходилось бороться с мстительными волхвами-вогуличами, самоуправством местной власти (земскими дьяками) и соседней негодующей Новгородской епархией, считающей эти земли своими. Только благодаря самоотверженности святителей-последователей Стефана: Герасима, Питирима и Ионы (два из которых были убиты!) христианство к концу 15 века наконец утвердилось и на севере. Что уж говорить о временах последующих, когда в стране с трудом нашлись герои-просветители Сибири, Китая, Аляски и Японии. [5]

Тем не менее, христианство преобразило Русь. Несомненно, то было время пассионарного взлета – страна обладала огромными территориями, богатела экономически, культурно и духовно. Сын Владимира Ярослав Мудрый активно занялся дальнейшим просвещением, в чем и преуспел. Открывались новые монастыри, как хранилища веры, грамотности и культуры новообращенной страны. Не только высшее сословие, но и обычные граждане, особенно горожане, становились грамотными.

Показателен один из первых письменных трудов того времени (середина 11 века): «Слово о законе и благодати» святителя Иллариона Киевского. Этот глубокий по своей мысли трактат определил все дальнейшее устройство политической жизни на Руси (вплоть до 17 века). Неслучайно до наших дней дошло 52 древних списка этого произведения, что говорит о его чрезвычайной популярности. Для сравнения «Поучение Владимира Мономаха» сохранилось в одном списке, как и «Слово о полку Игореве». Автор противопоставляет две силы «закон» и «благодать». Закон – лишь тень истины, тогда как определяющую роль играет именно благодать, пришедшая в мир со Христом. Закон оправдывает племя Авраама, а благодать все народы спасла («вся языки спасе»), открывая им «пакибытие». Это как раз, то, о чем говорил Гумилев. Только пассионарный толчок, энергия действия здесь называется «благодатью». Видимо, Илларион сам ощущал этот расцвет собственной родины (а он, кстати, был первым русским митрополитом на Руси). Из этого текста видно, что Русь, хоть и признавая культурное превосходство Византии, считала себя самостоятельным государством, оправдывая это и божественным промыслом о каждом народе (к тому же в то время шла русско-византийская война).

Но прослеживается и другая, более глубокая мысль: что помимо земной власти (по закону), есть власть небесная (власть Бога). То есть помимо князя, есть митрополит. Не это ли первая мысль о симфонии власти духовной и земной? Власть земная теперь с одной стороны благословляется Богом, возвышается в глазах крещенного народа, но и ограничивается властью церковной, которая следит теперь за нравственностью князей, опекает и просвещает все стадо христово.

Великие блага получила наше государство от этой двойственности власти. Князья не были последней инстанцией, не могли позволить себе ничем неограниченный деспотизм, всегда оглядывались на Церковь, учитывали ее интересы и моральную оценку. Кризис власти (как церковной, так и княжеской) всегда наступал, когда эти два столпа государственности вступали либо во вражду, либо в слепую любовь, смешивая свои функции. И только четкое понимание, что кесарево, а что богово, давало необходимую гармонию власти. Яркий пример вражды – это трагичный конец митрополита Филиппа, попавшего в опалу из-за критики опричнины. Но не менее трагичен и пример «любви» – церковных реформ, проводившихся

по инициативе патриарха Никона и царя Алексея Тишайшего, окончившегося религиозным расколом.

Церковь значительно повлияла и на социальные лифты древней Руси. Во-первых, положение самых низших слоев населения – холопов и смердов несомненно улучшилось, т.к. перед Богом все слои общества уравнивались. Во-вторых, при ущемлениях и насилии земной власти, можно было обратиться к власти духовной. У человека расширился выбор жизненного пути, теперь можно было посвятить себя служению Церкви, образованию, искусству и духовному совершенствованию. Любой желающий мог стать монахом вне зависимости от его происхождения и при этом строить церковную карьеру. В этом отношении многое сделали великие святые 14 века (Дионисий Новгородский, Сергей Радонежский, Федор Симоновский, митрополит Алексей Московский и другие), которые установили новую форму общежительного устройства монастырей, где жизнь монахов, имеющих разное происхождение, уравнивалась, а имущество становилось общим.

Итак, все перечисленные выше факторы значительно повлияли на менталитет восточных славян и, говоря о русской деревне, я еще не раз буду возвращаться к ним. Для того, чтобы прийти к главной теме повествования, необходимо снова окунуться в историю. История развития земельных, имущественных и социальных отношений могут дать общее представление, каким образом формировалось у людей отношение к Родине, к своей земле, а русскую деревню нельзя рассматривать отдельно от того богатого исторического наследия, от общего представления о мире, в котором жили наши предки. Убежден, что только историческая память может объяснить нынешнее тяжелое положение русского села.

Глава 1.5. Общественное устройство Древней Руси

В целом, христианство имело огромное влияние на преодоление рабовладельческого строя. Процесс этот оказался очень трудным и долгим, в Европе, например, рабство вновь расцвело при открытии Нового Света и все большего обмирщения католичества. Но на Руси, где ценность человеческой жизни из-за сурового климата и огромной малонаселенной территории была выше, Церковь смогла добиться значительных успехов. Это хорошо видно при изучении древнерусских законов. Уже в новой Русской Правде (основной свод законов, утвержденный в 1072 году сыновьями Ярослава Мудрого), отменялось право кровной мести, замененное уплатой штрафа. Определялось два вида холопства: насильное (плен, как законная добыча в бою, как вид наказания за преступление, за долги и по рождению) и добровольное обельное (поступление на службу тиуном или ключником, брак с холопом, продажа себя и всей семьи, как единственный способ избежать смерти от какого-либо бедствия: голод, война, болезни).

Однако, в данном законе холоп, еще не обладал правами человека, он не субъект, а объект права (как имущество, что-то вроде коня, за угон холопа и коня ответчик платил одинаково 3 гривны). Ответственность свободный человек нес только за убийство чужого холопа (как порча чужого имущества). Древняя Русь еще имела во многом формы рабовладельческого строя. При постоянных войнах с соседями (позже с соседними русскими княжествами), Русь имела множество полоняников (пленников), стоивших недорого. Их труд имел широкое применение в домашнем хозяйстве князей, бояр и дружинников. Для средневековья это была нормальная практика во всех, в том числе христианских, странах мира.

С другой стороны, господин нес ответственность за все действия своего раба. Холопы не воспринимались как скот, т.к. могли занимать высокие должности при господине (тиун, ключник, позже от них произошли важнейшие государственные должности), обучались ремеслам, имели имущество (в той же Русской правде допускается предоставление кредита холопам, что доказывает их платёжеспособность).

И еще один важный момент – никакой нормальный человек не будет портить собственное имущество, а скорее наоборот постарается его сохранить и приумножить для своих потомков. Это же касается и в целом княжеской власти по отношению ко всему населению княжества. Казна и сила князя зависела не от рискованных военных походов, требующих серьезных расходов, а от того как потрудится местное население: сколько вспашет смерд и какой получит урожай, с прибытком ли останется купец, избежав ограбления, сколько наработает кузнец, бортник, каменщик и так далее. Князю было выгодно, чтобы население росло и богатело, тогда он мог рассчитывать на большие и постоянные поступления в казну, а значит содержать дружину для защиты своей земли или снарядить поход на врага.

Поэтому при любой беде: ратном нахождении, море, неурожае, власть жертвовала почти всем своим имуществом: раздавала продовольствие, отдавала лошадей для земледельческих работ, разрешала бесплатно рубить лес и предоставляла много других льгот, лишь бы население смогло быстрее восстановить свое порушенное хозяйство, не уйти, не погибнуть, а ожить землю, обогатить княжество плодами своих трудов. Тогда власть была еще очень близка к земле, к нуждам своих людей, ее сила напрямую зависела от благополучия населения.

Конечно, ограничение свободы человека, такое рабское состояние противоречило христианскому видению мира. Но в то время сами носители христианского мировоззрения, в том числе церковные иерархи, еще не имели представления о гражданских свободах современного мира. Гражданское право развивалось постепенно, заслуга же Церкви состояла в том, что это развитие шло в правильном направлении. Период Средневековья был неизбежен. Если бы не Православие, современность выглядела бы совсем иначе. Но и тогда православная Церковь пыталась бороться со сложившимся строем. Так, благодаря видным церковным деятелям, пра-

вила содержания холопов и наказание за их убийство, стали проникать в русское законодательство (например, Белечский устав митрополита Георгия). Существовал такой благочестивый обычай, как отпущение челядина на волю «на упокой души», то есть по духовному завещанию. Отпустить могли и за изнасилование (Новгородский договор 1195 г). [6]

Церковь оказывала активное содействие холопам, стремящимся выкупиться, запрещая изгойство (надбавку за выкуп). Часто задушевные холопы и изгои (холопы, которые себя выкупили) состояли под прямым покровительством Церкви, служили при монастырях и богадельнях. Так формировались целые «села со изгой». Однако, это не значило, что холопы просто переходили к другому хозяину – монастырю. Сравнивать таких работников с боярскими холопами или с католическими индейскими и африканскими рабами некорректно. Дело в том, что это были взаимовыгодные отношения. Освобожденный холоп был безземельным и не имел средств к существованию. Поэтому расселение на монастырских владениях на льготных условиях (а зачастую и бесплатно) – это было спасение. В конце концов, люди они были уже вольные и могли уйти. В принципе, у освобожденных холопов было три варианта дальнейшей жизни: купить землю и жить независимо, перейдя в категорию людина (ясно, что такое позволить себе мало кто мог), обрабатывать чужую землю на договорных условиях (большая часть так и делала, переходя из холопов в смерды), жить грабежом и разбоем (часто такие молодцы собирались в ватаги и уходили на окраину страны подальше от закона) или просто уйти подальше (однако это все равно было рискованно, т.к. в неизвестных краях можно было столкнуться и с теми же грабителями, дикарями или пострадать от сурового климата). Так что обработка монастырских земель считалась надежным и спокойным способом выжить. [7]

На протяжении всего существования Руси было два самых важных и тесно взаимосвязанных вопроса: о земле и о свободе. Чем большей землей обладал человек, тем более он был свободен и независим. Право на владение землей давалось властью, но в связи с обширными территориями государству было сложно регулировать земельные отношения населения. Наш народ много лет упрекали в том, что у нас рабская идеология, что мы всегда были подчинены деспотической власти и не приучены к самостоятельности. Это не так. Обширное пространство всегда позволяло человеку уйти от закона, от любого надзора, наоборот, люди были вынуждены принимать самостоятельные решения либо индивидуально, либо миром (вечем). Власть в силу своей слабости, зачастую подчинялась таким решениям. У власти существовал негласный союз с вольными людьми (казаками), которые осваивали периферию, оплачивая собственную свободу ясаком (распространенный вид дани пушниной и другими натуральными товарами). История сохранила нам множество трагичных примеров, когда такая казачья вольница, не знавшая законов, оборачивалась против самого государства. О земле и воле еще много будет сказано впереди.

По-другому относились к рабам в западной Европе, где суд феодала считался равен королевскому и холопов могли вешать прямо у себя на дворе. При многолюдности и постоянных войнах (а значит и притоке новых рабов) холопов не жалели. Многолюдство объяснялось более благоприятными условиями проживания людей: мягким климатом, развитыми аграрными технологиями. В Европе можно было себе позволить вести постоянные войны с разорением крестьян, угоном холопов, насильственным переделом земли. На Руси это происходило значительно меньше: разорение хозяйства было смертельно опасно в зоне рискованного земледелия, а затяжное весенне-осеннее распутье не позволяло перебрасывать войска и вести боевые действия.

Категории низших слоев общества имели свою градацию. Однако, нельзя утверждать с уверенностью, что одна категория всегда жила лучше другой (например, смерды и холопы). Ясно, что обельные холопы (закупы и рядовичи, которые уходили в холопы только на время отработки долга) жили лучше вчерашних пленников, потерявших родню и родину. Сложнее дело обстояло со смердами. Даже само это определение сильно менялось в течение времени.

В целом смердами называли всё крестьянское население страны, всех вольных земледельцев. Однако в Русской правде смердами именовались именно зависимые от князя крестьяне, приравненные к холопам. Но там же упоминается и людин (человек свободный), жизнь которого оценивалась в 8 раз выше.

Таким образом, крестьяне уже в те древние времена делились на зависимых (смердов) и свободных (людин, крестьянин-общинник, имеющий право голоса на вече). Зависимость также различалась, она могла быть княжеской или республиканской (т.е. государственной, смотря какой вид государственного устройства был в стране: княжество или вечевая республика), боярской (при увеличении численности бояр и удельных мелких князей, вотчинная зависимость только укреплялась), монастырской (земли монастыри могли купить у князя или бояр, а часто представители высшего сословия сами одаривали и завещали волости Церкви «за упокой души», иногда вместе со смердами,).

Зависимые смерды имели землю, передающуюся по наследству, но не имели свободы: не могли переселяться, имели различные повинности (платили дани натуральными продуктами, обрабатывали землю хозяина, участвовали в ополчении (если княжеские), выполняли иные поручения), подчинялись княжескому или епископскому суду. Если наследников не было, земля переходила вотчиннику. Очевидно, что вотчинник забирал под себя самую лучшую землю. Вот и непонятно, кто же жил лучше смерд или обельный холоп? Но не будем забывать, что благополучие крестьян заметно влияло на благополучие землевладельцев и нищета первых была невыгодна последним.

В ином положении находился свободный крестьянин-общинник. Он также имел свою землю, но не имел никаких повинностей перед властью (кроме общепринятых даней). Однако его свобода ограничивалась общиной. Оговоримся, что понятие свободы в Древней Руси и в нынешнее время отличалась. В условиях тесных родоплеменных отношений между людьми, невозможно было представить крестьянина вне общины. Любое личное или семейное (хуторское) хозяйство неизбежно с ростом численности перерастало в общину. Именно община обеспечивала человеку независимость от князя, позволяла участвовать в политической жизни родной земли на вече, иметь свое почетное место в строгой иерархии, согласно роду, возрасту, богатству и личным качествам. Существовали и городские общины, мастеровые и купеческие гильдии и чем больше людей вовлекалось в них, тем большей властью они обладали. Из таких городских союзов выросли сильнейшие древнерусские государства: Псковская и Новгородская республика.

Это была настоящая власть народа (демократия), которая, впрочем, имела свои границы в плане численности и территории. При увеличении этих двух составляющих происходило неконтролируемое обогащение вечевой власти, которая неизбежно для удержания наверху превращалась в олигархию, власть богатых и влиятельных кланов. Когда говорят о «варварском» захвате Москвой господина Великого Новгорода, как последнего оплота «свободной демократии», забывают, что это было следствие глубокого многолетнего политического кризиса вечевой республики, в которой не прекращалась война за власть различных концов (кланов) и нещадно угнеталось все остальное провинциальное население (Двина, Вятка, Пермь и другие земли). По сути народной власти на государственном уровне не существует и существовать не может. Управляет всегда меньшинство. Представители народа, взявшие власть, автоматически перестают быть частью народа.

А деревенская, как и казацкая община пережила еще не одну сотню лет, доказав этим свою устойчивость и надежность. В родоплеменных отношениях определяющую роль играла родовая связь, опознавание «свой-чужой». Общины постоянно увеличивались в численности, рождались с соседними общинами, образовывалось племя, отличающееся своим ареалом обитания, языком или наречием, традициями, управляющееся советом старейшин. Само формирование родовой общины, как простейшей формы социальной организации – абсо-

лютно логично и естественно, т.к. семья, расширяясь, должна была осваивать все большее пространство, решать все большее число задач сообща, учитывая интересы всех родственников. Разумно и то, что в общине, как и в семье у каждого было свое место, свое значение и функция, «свой ряд», который сначала определялся по старшинству. Старейшина получал власть, как самый опытный и мудрый, знающий жизнь, тем более, что в те времена до старости доживали немногие. Древняя и средневековая община – это в основном люди среднего и младшего возраста и небольшая горсть стариков.

Позже, когда первичные родовые связи стали слабеть из-за огромного числа родственников, а племена объединились в государство, первобытная родовая община деформировалась в сельскую. Многие сотни лет деревенская община сохранялась в первоначальном виде, как наиболее естественная и простая форма организации малого общества (при чем подобные общины со своими региональными особенностями были характерны для всех народов оседлых земледельческих культур). А с принятием христианства, появился еще один способ маркирования общества по принципу «свой-чужой», не только по роду, но и по вере. Чужими стали «латины» на западе и «бесермены» на востоке и юге (и различные более мелкие религиозные группы: жида, несториане и т.д.).

Конечно, с течением времени в связи с изменением земельно-имущественных отношений менялись и отношения внутри сельских общин. О сельской общине, сыгравшей значительную роль в жизни русской деревни, будет сказано еще не раз.

Глава 1.6. Особенности исторического развития человечества

Прежде чем продолжить историческое повествование, необходимо выделить некоторые важные особенности развития глобальных исторических процессов, которые всегда следует держать в голове, когда дело касается прошлого. Постараюсь дать им краткую трактовку и соответствующее словосочетание, чтобы при необходимости в процессе повествования учитывать те или иные особенности.

1. Первая особенность уже упоминалась в главе 1.4. – это **иллюзия прогресса**. Теория прогресса, как и теория эволюции занимает в науке и в общественном мнении настолько важное место, что люди уже перестают замечать, как безоговорочно доверяют этим «очевидным» идеям. Однако, стоит напомнить, что эволюционная теория Дарвина, до сих пор в научном мире не доказана и имеет ряд существенных недостатков. Но для общества это не имеет значения, т.к. мы приучены доверять только «науке», как единственному источнику объективных знаний. Человечество в целом одурманено эволюционизмом – идеей прогресса, постепенного и последовательного развития как всего человечества в целом, так и каждого человека в отдельности. Порой удивляет как смело и уверенно некоторые люди рассуждают о сотворении земли и человека, основываясь на сомнительных исследованиях, когда ученые до сих пор спорят о причинах распада СССР, произошедшего всего 35 лет назад.

Этот принцип прогресса действительно существует в определенных аспектах, но его пытаются сделать всеобщим и универсальным. А в итоге все упирается в мировоззрение отдельной личности. Атеист, полагающий, что человек состоит только из тела, естественно применяет этот принцип к телу. Постепенное превращение обезьяны в человека. Или же применяет в более широком плане ко всему обществу, как формированию более совершенной модели общества (от архаичного к индустриальному).

Человек верующий видит настоящий прогресс только в духовно-нравственном отношении. Как отдельной личности, так и всего общества. Синайские заповеди сделали израильский народ совершенней остальных, нагорная проповедь сделала христиан совершенней иудеев. Прогресс человечества возможен только в приближении к Богу, регресс – в удалении.

В понятие прогресса вкладывают повышение комфорта и безопасности жизни человека, что вполне успешно достигается научно-техническими средствами. Но делает ли это человека совершенней? Логика и принцип мышления и развития человека остался тот же. За все эти тысячелетия человек остался таким же. Это не прогресс, а лишь раскрытие потенциала человеческого разума, заложенного изначально. Научные открытия, совершенствование и освоение технологий, создание все более удивительных плодов научно-технической революции – это накопление знаний и способность человеческого мозга анализировать эти процессы. Убежден, что, если переместить «древнего» человека в современный мир, он сможет достаточно быстро освоиться, т.к. его «архаичный» мозг ничем не хуже мозга современного человека. Как говорил американский антрополог Ф. Боас *«ум первобытного человека был столь же совершенной машиной, что и сегодня»* [цитата по 8].

Поэтому еще раз повторим: для правильного понимания истории нужно освободиться от иллюзии прогресса. Не надо никого считать глупее себя! Это касается не только менее культурных соседей по планете, но и наших пращуров. Логика, социальные отношения, смекалка, жизненные установки – все осталось прежним, изменились технологии, повысился уровень знаний.

2. Эффект исторической инерции. История – процесс сложный и глобальный, состоящий из совокупных действий и воле отдельных личностей. Важной задачей здесь является правильная оценка роли личности и общества, их баланса и взаимодействия в исторических

процессах. Такая оценка может определить более объективную меру ответственности личности и общества (власти и народа) за совершённые действия. Здесь возникает целый ряд особенностей. В такой сложной структуре как государство, различные процессы в силу разных причин, протекают с разной скоростью. Глобальные культурологические процессы, решающие глобальные задачи, как правило затягиваются на десятки и сотни лет. Порою на эти процессы влияли какие-то случайности (для верующего человека это проявление воли Божьей).

Следовательно, причину каких-то исторических катастроф или расцветов надо искать порою в глубоком прошлом. Приведем пример: 1) Изменение принципа престолонаследия в Московском княжестве в 1360-х, привело к положительному результату только при Иване III через 100 лет. При этом решения, принятые в то же время соседями Москвы: Литовским княжеством (Кревская уния) и Новгородской республикой (вечевой принцип) оказались не эффективными. 2) План ГОЭЛРО 1920 года – это переработанный план царского времени. А новые виды вооружения РФ в 1990-х годах – это советские разработки.

В культурном плане этот принцип также действовал. Интеллигенция, как наиболее образованная и влиятельная прослойка общества, в которую почти всегда входили представители власти, естественно опережала в своих идеях и действиях остальное общество. Важным моментом следует считать переход от мысли, накопления каких-то идей, к их осуществлению, то есть к действию. Не всегда действия приводили к нужному эффекту, однако в любом случае воздействовали на народ, который воспринимал данные идеи по-своему. В результате образовывался разрыв между слоями населения. «Отставание», а лучше сказать иное восприятие народом идей интеллигенции приводило к культурному расслоению. Это ярко проявилось в Российской империи и стало отчасти причиной ее развала.

3. Значение личности в истории. Неразрешимым вопросом в истории является роль личности в глобальных процессах. Вот вопрос: известные герои – они сами по себе и даже вопреки воле народа действовали или являлись плодами героического общества, выдвинувшего их на первый план, как прочих среди равных? Мне кажется, что взаимодействие личности и общества равно положительно сказывалось на их жизни.

Несомненно, Александр Невский был сильной волевой личностью, обладающий военными и административными талантами, сумевший привлечь к себе народ. Но нельзя забывать и о статусе и личности его отца, его дружине, о всех тех сложившихся за сотни лет отношениях между князем и боярами, приученных к послушанию, приученных не из-за силы власти, а по родовым, земельным, личным причинам, по причинам естественной взаимовыгодной иерархии общества. Все это сформировало средневекового героя и влияло на принятия решений. Без народной воли он не мог править, не мог со своей малой дружиной справиться с врагом. Но и действия князя воодушевили народ, заставили поверить в него. Однако не всегда общество единодушно. Существует множество важных аспектов жизни, по которым мнение граждан разнится. Тогда власть неизбежно поддерживает лишь одну из сторон, что порою приводит к катастрофе.

Вот как об этом писал Дмитрий Балашов: *«Решает судьбы народов всегда сравнительно узкая кучка власть имущих, иногда всего два-три лица. Но вот успешливость исполнения их замыслов зависит уже от множества. Решение, принятое вопреки интересам большинства, „не проходит“ или трансформируется так, что даже его творцы пугаются полученного результата. Напротив, хорошо угаданные замыслы тотчас как бы намагничивают, собирают вокруг себя до того разрозненные и мешавшие друг другу силы (...) Всегда есть „мнение народное“, точнее – и не мнение вовсе, а труднообъяснимая внутренняя доминанта действия, отношения к делу, к событиям, приятие или неприятие нисходящих „сверху“ устремлений (...) Неотделимы от нации герои ее, и, будучи на подъеме, она и рождает, и поддерживает героев, и сама идет вослед им, вослед их пламенному слову и мужеству».* [цитата по 9]

Все знают, что Петр Первый был неординарной личностью, но, если посмотреть в каких обстоятельствах он рос и развивался, перестает удивлять его тяга к Европе. И еще – а исполнители его воли, одинаково и аналогично воспринимали идеи императора или действовали с учетом своих убеждений и интересов? Конечно, каждый отдельный исторический момент надо разбирать индивидуально, но можно выделить какие-то общие особенности и совершенно очевидно, что на личность всегда влияло сформировавшее его общество, как и эта личность, затем влияла на общество, своими действиями. Так что историческая роль, всегда должна быть поделена между личностью (личностями) и обществом.

4. Моральная оценка эпохи. В сложных процессах всегда присутствуют положительные и отрицательные стороны. У каждого человека, как и у группы людей есть свои определенные цели и средства их достижения, а также их разумное оправдание. В глобальном плане власть почти всегда имеет благие намеренья. Другое дело, оказывают ли эти действия благоприятный эффект на государство и общество. Поэтому у любой власти можно найти как положительные, так и отрицательные результаты правления. При чем в сложных системах часто один положительный эффект может поддерживаться только за счет другого отрицательного. А земельные отношения, развитие и поддержка деревни, это процесс несомненно сложный, требующий подробного рассмотрения.

Яркий пример созидательной стороны власти – это приход большевиков к власти. Вплоть до 25 октября 1917 года они боролись со властью, разрушая, терроризируя, раскачивая страну. А после 25 октября стали срочно укреплять свою власть, действуя ровно наоборот, заново создавая институты управления. И насколько теория стала отличаться от практики? Троцкистско-Ленинские идеи мировой революции уступили более реальным и привычным идеям укрепления государства. Это естественно, так как человек не рубит сук, на котором сидит. Чтобы удержаться у власти, он будет делать все, что доступно его пониманию, чтобы укрепить государство. Даже Лжедмитрий I отказался от многих обещаний, данных полякам, посадившим его на московский престол. Само государство, народ, обязывала его исполнить свою созидательную роль. Этот антианархистский принцип действует также неумолимо, как закон притяжения.

Но при этом не будем забывать, что власть всегда применяет насилие для поддержания порядка. То есть, чтобы нормально выполнять созидательную функцию, приходится применять отрицательную силу, что является обратной стороной данного принципа, также неизбежного. Моральное состояние власти влияет на представление о дозволенной степени насилия. Чем более безнравственные люди стоят у власти, тем больше насилия позволяют применять. Безнравственность, это еще и слепота, глупость. Деспотизм глуп своей недалечностью, не видит отдаленных последствий, и всегда старается найти простые решения с помощью насилия.

5. Принцип субъективизма. Нам легко судить о действиях ушедших правителей, мы видим к чему привели те или иные реформы, войны, гонения. Но мы совершенно забываем, что люди всегда действуют в слепую, они не могут точно знать последствия. Так и мы можем лишь предположить к чему приведут наши усилия в будущем. Известная каждому школьнику история являлась для наших пращуров неизвестным будущим. Поэтому действия человека всегда субъективны. Да, обладая более полной информацией, можно надеяться на более объективную оценку и принятие правильных решений, но нельзя игнорировать массу мешающих факторов: характер личности, особенности эпохи, взаимодействие с другими личностями и т. д. Роль участника событий сильно отличается от роли стороннего наблюдателя. Это хорошо видно по революционным событиям 1917 года, где в критических ситуациях многие опытные политики и целые партии терпели поражения, не сумев правильно оценить обстановку и предугадать последствия.

6. Ложная терминология. В 19 веке стали активно разрабатываться различные политико-философские идеи, базирующиеся в основном на позитивистских атеистических уче-

ниях. В 20 веке от теории перешли к практике, идеи переросли в государственную идеологию, определяющую глобальное планирование и политику отдельных стран и общественных движений. Для такой идеологии было характерно применение определенных искусственно созданных терминов, за которыми скрывался важный смысл. Такие термины явились результатом глобальной унификации языка в рамках технократизма (идеологии, основанной на представлениях о доминировании научно-технического прогресса) индустриальных и постиндустриальных стран. Проще говоря за ложными терминами скрывались сложные неоднозначные процессы, часто имеющие безнравственный и аморальный характер, при этом первоначальный смысл искажался. Враждующие идеологические течения также широко применяли такой язык против друг друга. Делалось это для усыпления совести и морального оправдания безнравственных действий как общества, так и власти. Навешанные ярлыки, негативно характеризующие конкурента, как бы обезчеловечивали его, разрешали беспощадно расправляться с ним.

Хитро лгать не разучились и в веке 21. В современном мире стало уже совершенно привычным делом называть вещи не своими именами, меняя их смысл в свою пользу. Речь насыщена ложными терминами, которые часто скрываются за заимствованными иностранными словами, аббревиатурами, фразеологизмами, словами, взятыми из профессионального языка и искусственно созданным сленгом. По сути сформировался новый ложный язык, аналогичный профессиональному – юридическому, медицинскому и т. д.

Можно привести множество примеров, как исторических, так и современных: продразверстка, экспроприация, национализация, приватизация, секуляризация – часто скрывали за собой грабеж и воровство. А такие популярные в наше время термины как тоталитаризм, расизм, демократия, толерантность, свобода слова, человеческий фактор и многие другие трактуются вообще по-разному, в зависимости от конкретных обстоятельств и намерений. По ходу повествования такие «скользкие» термины еще будут встречаться, по возможности будем их избегать или объяснять, т.е. раскрывать их истинный смысл.

Надо заметить, что все эти особенности перераспределяют меру ответственности между властью и народом. Это приводит к более трезвой оценке, избегающей эмоциональных всплесков, окрашивающих одни эпохи в черный цвет, а другие в белый. Нельзя демонизировать те или иные эпохи, история всегда многоцветна. В конце концов, мы всегда должны осознавать, что без воли Божьей и волос не упадет с головы человека, что уж говорить о глобальных исторических процессах. Все было нужно, все в мире происходит для главного события: второй и окончательной встречи человека с Богом.

Глава 1.7. Феодалная раздробленность и монголо-татарское нашествие

Итак, продолжим историческое повествование. Киевская Русь, как и Европа, как позже и Орда, начала дробиться на отдельные княжества, началась затянувшаяся феодалная раздробленность. Ничего не помогало, ни съезды князей, ни увещевания духовных лиц, ни героические поступки отдельных правителей. Изменились не только князья, но и народ. Чувство общей родины в какой-то момент стало исчезать. Общая вера, язык и культура не мешала княжествам вести настоящую войну, с выжиганием деревень, захватом пленных, разграблением имущества. От длительного благополучия, устранения внешних врагов, люди стали звереть и делить собственную территорию. Причин было множество. Помимо всего прочего весьма запутанным оказался закон о престолонаследии. На Руси аналогично с Византией действовало лествичное право, по которому управление страной переходило от брата к брату по старшинству, а потом к их сыновьям по очереди. С течением времени и накоплением все большего числа родственников право на престол становилось все более запутанным и спорным. Не приходилось надеяться и на порядочность некоторых князей. Всегда находились возмутители спокойствия, которые пытались урвать кусок у соседа или занять Киев. К тому же по лествичному праву удельные князья со смертью правящего родственника смещались в очереди на престол, сменяя и свой удел. При таком положении удельная власть никогда не закреплялась на одном месте, всегда надеясь переместиться на более богатую территорию. Следовательно, у князей с дружиной исчезало чувство родной земли, которую необходимо любить и защищать. Отрыв от земли, как потом еще не раз повторялось в истории, меняло поведение человека, он как бы терял родовую память, становился проходимцем, не чувствуя ответственность за свои действия перед народом (землей, как говорили раньше).

Менялось и отношение народа к такой власти. Стала укрепляться богатая городская прослойка – местные бояре и купечество. Люди хотели постоянства, которое бы обеспечивало спокойное существование. В некоторых княжествах произошел переход к вечевым республикам (Новгород, Псков), в других вече сало играть более важную роль. На юге и юго-западе страны такие формы правления создать не удалось, т.к. богатая Червонная и Киевская Русь стала самым лакомым куском для князей. Плачевно стало положение главного града Руси Киева, который все чаще подвергался разорению разных враждебных сил, да и сама городская знать творила беззакония, убивая и выгоняя непонравившихся князей.

Показательна здесь история правления великого князя Юрия Долгорукого, известного основателя многих городов Северо-Восточной Руси. Всю свою жизнь этот князь пытался занять Киев, подстрекал к войне разных родственников, будоражил всю Русь, постоянно пребывая в военных походах, разоряя землю, которую пытался при этом объединить. Удивительно, как честолюбивые князья того времени, пытаясь объединить страну, только еще больше ее разоряли. А главное, что вопрос не мог решиться просто силовым захватом. Для такой сверхзадачи не хватало одной земной жизни. Захватил бы все властолюбивый князь Юрий, умер бы и все началось бы снова, т.к. за власть стали бы бороться его 11 сыновей или множество других родственников.

Менее богатые и удачливые граждане также не хотели терпеть княжескую войну, приносившую разорение и смерть. Многолюдная Киевская Русь стала пустеть, люди бежали на более безопасные окраины, на север и северо-восток, в Залесскую Украину (именно так географически именовалась тогда Северо-Восточная Русь). Процесс этот, по эффекту исторической инерции, происходил постепенно. Осваивать Залесье начали еще с 9 века, когда были основаны самые древние города: Ростов, Муром, Суздаль и другие. В этих местах, заселенных финно-угорскими племенами, еще долго жило язычество (даже в 14 веке в летописях упоми-

нается уничтожение священных дубрав), ассимиляция со славянами шла несколько сотен лет. По началу развитие Северо-Восточной Руси шло по сходному с другими княжествами принципу: оно постепенно усиливалось и обособлялось от центра.

Охватывая весь исторический цикл развития этой части страны, я не перестаю удивляться как премудро все было устроено Творцом. Данная территория как будто специально ждала своего часа, чтобы стать спасительным ковчегом и точкой последующего роста будущей великой России. Здесь было все. Выгодное географическое положение – безопасное удаление от основного театра войны за главные южные уделы, дополнительная защита от кочевников в виде обширных болот и лесов (а леса – это еще и дичь, ягоды, грибы, строительный материал), наличие крупных рек (Клязьмы, Оки, Волги и др.), по которым осуществлялась торговля, переброска войск, миграция населения (не забудем, что эти реки также были источником пресной воды и рыбы). И что самое интересное – эти места относятся к уникальному для северной Руси природному (ландшафтному) району, отличающемуся наличием плодородных серых лесных почв, более мягким климатом, лесостепной растительностью (чередование остепненных лугов с широколиственными дубовыми лесами) [10]. Именно благодаря «Владимирскому ополью» (как официально именуется этот ландшафтный район), княжество имело надежную кормовую базу и поэтому могло вести самостоятельную политику. Переселяясь в Рязанские и Ростовские земли, «южане» могли получать привычные (как у себя в черноземной зоне) богатые урожаи, платя дань, снабжая города и обогащая тем самым свой удел. Археологические раскопки последних лет показали, что к 12—13 веку по плотности населения Залесская Русь не уступала богатому югу. [11]

Пока все силы князей были устремлены к главному вождьенному городу – Киеву, Ростовское княжество постепенно росло и укреплялось. Удивительно, но первыми князьями этой благодатной земли стали известные русские святые, сыгравшие важную роль в истории Руси: св. Ярослав Мудрый, а затем князь-страстотерпец Борис Владимирович. В становлении княжества, как самостоятельного удела большую роль в конце 11 – начале 12 века сыграл еще один выдающийся князь: Владимир Мономах. Однако, отсутствие «своего» князя, находящегося на престоле в Киеве, негативно сказывалось на управлении и организации Ростовского княжества, которое неоднократно подвергалось набегам Волжской Булгарии и враждебных княжеств. Так что все прелести феодальной раздробленности испытала и эта окраинная земля. Бог явно имел особый промысел о Северо-Восточной Руси: плеяда талантливых и знаменитых руководителей здесь никогда не переводилась. Кто знает, может еще духовный труд Ярослава Мудрого, стал залогом будущего культурного расцвета этой земли, давшей таких великих святых, как преподобный Сергий, святитель Федор Ростовский, прп. Кирилл Белозерский, св. Никита Столпник, прп. Димитрий Прилуцкий, св. Петр и Феврония Муромские, а позже и целым рядом тверских и московских святых и многих, и многих других, принесших свет Православия далеко за пределы своего княжества. В Переславле-Залесском, как и Суздале к 15 веку было по 5—6 монастырей, это при населении в 3—5 тысяч человек! Конечно не все были праведниками. Время было контрастное, параллельно святости обитала злоба и ненависть. Как и в наше время человеку было свойственно падать и подниматься.

Окончательное перенесение центральной власти на Северо-Восток оформилось после смерти Юрия Долгорукого его сыном св. Андреем Боголюбским (тоже святым), который уже не покидал свое княжество, оставив в деградирующем Киеве своего наместника. При нем Владимир обретает новое административное и духовное значение, начинается грандиозное каменное строительство во Владимире и Боголюбове. Расцвет княжества пришёлся на время правления князя Всеволода Большое Гнездо (1176—1212 гг.), старшинство которого признавалось практически всеми русскими княжествами. Вплоть до 1238 года (нашествия Батые) Владимирское княжество было самым влиятельным на Руси. Удачные военные походы не только на соседние княжества, но и в Волжскую Булгарию и Литву обогатили Владимир. В Новго-

роде более 100 лет сидели только Владимирские князья. Новгород не имел достаточного числа пахотных земель, поэтому зависел от поставок зерна из Владимирского ополья. Поэтому владимирцы, путем торговой блокады, смогли подчинить себе и богатый Новгород, который, впрочем, никогда до конца не терял своей самостоятельности.

Однако, спокойно жить крестьянам долго не пришлось и на этой земле. С покорением Руси монголо-татарами феодальная раздробленность не была преодолена. Более того некоторые властолюбивые князья выгодно для себя использовали военную силу татар. Подкупая ханов, жалуясь на соседей-родственников, эти князья неоднократно наводили на Русь ордынские полчища (например, сын Александра Невского Андрей, пытавшийся отнять власть у своего старшего брата Дмитрия). Никакого понимания родины и своей земли у таких властителей не осталось. В общенациональной беде обострились чувства, обнажилась душа. Подвиг соседствовал с предательством, убийство с самопожертвованием. В многострадальном 13 веке раздробление Руси достигло своего апогея. Галицкое и Волынское княжества попало под власть латинского запада (Польши и Венгрии), Рязань была фактически истреблена татарами, остальные княжества попали под власть Орды и неожиданно возникшего нового сильного государства – Литвы. Новгород, плативший дань Орде, постоянно подвергался нападениям шведов, орденских немцев и той же Литвы. На этом фоне постепенно слабел и погибал главный союзник Руси – Византийская империя. Казалось, что Русь, как и Православная церковь не устоит и окончательно исчезнет. Однако борьба за власть родственников-князей не прекращалась. После смерти святого князя Александра Невского Владимирская Русь распалась на дюжину самостоятельных уделов. К концу 13 века наиболее сильным и самостоятельным княжеством Руси стала Новгородская республика. Здесь опять проявилась забота Творца. Климат к 14 веку стал мягче и теперь Новгород мог сам осваивать землю под пахоту. Хотя для многолюдной республики продовольствия все равно не хватало, поэтому и в 14 веке уже Московские князья выбивали из республики черный бор (дань серебром) привычным путем – продовольственной блокадой. Однако, простое население продвигалось дальше на север, подальше от ордынского ига и большой политики.

Заметим, что русское общество осознавало всю пагубность княжеских междоусобиц. Бог давал явные предупреждения Руси, что если князья не будут жить в согласии, то их постигнет разорение от язычников. Так, за полвека до нашествия Батыя обострились отношения с половцами. В 1185 году русское войско, возглавляемое Игорем Святославичем, было наголову разбито половцами во главе с Кончаком. Это событие стало поводом к написанию самого известного лирико-эпического произведения средневековой Руси: «Слово о полку Игореве». Позже были написаны и другие знаковые эпические литературные памятники, например «Слово о гибели земли Русской», где также говорилось о княжеских «котожах» (ссорах) и междоусобной брани, которая символично именовалась болезнью («*А в ты дни болезнь крестьяном от великаго Ярослава и до Володимера*»).

Но не будем забывать, что данная эпоха была отмечена не только негативными явлениями. На Руси наблюдался культурный и экономический расцвет. Вообще феодальная раздробленность всегда наступала одновременно с интенсивным экономическим ростом, развитием городского общества и расцветом культуры. Именно эти успехи позволяли феодалам быть сильными и самостоятельными. Даже нашествие татар хоть и замедлило, но не остановило развитие русской цивилизации. В условиях татарского ига князья все же могли себе позволить содержать собственное войско, периодически воевать с соседями и строить новые города.

Необходимо подвести некоторые итоги. После великого объединения восточно-славянских племен и всеобщего христианского просвещения страна постепенно вверглась в междоусобную брань, которая вспыхивала с новой силой после смерти очередного великого князя. По ряду причин менялось поведение власти и народа. В какой-то момент люди, обязанные защищать землю и народ, посчитали эту землю своей собственностью. Власть, обладающая

военной и законодательной силой, легко могла подчинить себе мирных смердов. Вся страна была поделена на княжества, которые состояли из уделов и волостей. Мирное население, проживающее теперь на «чужой» земле, стала заложником положения. Несомненно, изъятие земли знатю было первым шагом к закрепощению сельских жителей. Вполне логичным и естественным стало дальнейшее усиление знати за счет ущемления прав земледельцев. Невозможно было отказаться от такого соблазна, тем более что значительная часть земледельцев была личными холопами господина. Со временем и сами крестьяне, сначала имеющие договорные отношения с землевладельцем, держащие «ряд» (порядная запись) через общину, стали забывать свою свободу. Пользование землей и повинности стали восприниматься ими как обязанность («*всякое сделье сделати и пашню пахати на того, за кого в крестьянах он живёт*»), ряды забывались, законы все больше ограничивали свободу крестьян, все это вело к дальнейшему произволу вотчинников и землевладельцев. Договорные отношения долгое время сохранялись только на окраинах страны (при расширении Московского княжества), где влияние знати и князя было минимальным.

Но тут надо сделать уточнение. С развитием Руси возникало все большее число городов. Городское население сильно отличалось в своих правах и в своем поведении от сельского населения. На селе люди, как свободные, так и зависимые были обременены множеством забот, на участие в политических баталиях не было ни времени, ни сил, да и возможности из-за своей обособленности и удалённости от центра.

Все политические силы были собраны в городе. Здесь от власти кругами расходился остальной городской люд: бояре, дружина, княжеские холопы, ремесленники и мастера, купцы, посадские люди. Не забудем и о духовной власти – монастырях, митрополичьих и епископских палатах, книжарнях, свечных, пекарнях и т. д. Все эти люди были тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Власть влияла на горожан, а горожане на власть. Вечевой принцип вынесенный из еще недавней родовой общины не забывался и в экстренных случаях часто применялся даже в столичных княжеских городах. Но разрастающийся город все больше зависел от материального снабжения. Парадоксально, но город, не имевший возможности себя прокормить, определял хозяйственную жизнь удела. Земля в то время определяла богатство и независимость человека. Поэтому большинство горожан имели свою землю за городом. Наиболее влиятельные бояре и князья владели целыми волостями. Причем это были не только деревни с пашнями и пастбищами, а вообще все земное пространство: поля, луга, леса, болота, реки и озера.

В волостях сидели наместники (представители различной городской власти: боярской, княжеской, митрополичьей) – волостные старосты, набиравшиеся обычно из местных наиболее уважаемых поселян, основной задачей которых был своевременный сбор дани и отсылка ее в город. В свою очередь в городе сельские жители могли приобрести необходимые в хозяйстве товары, прежде всего кузнечные изделия, ткани, гончарную посуду и т.д., сбыть свой товар (мед, рыбу, муку и т.д.), получив за него серебряные деньги, требующиеся для главной самой тяжелой годовой дани – ордынской. Также город имел оборонительное значение.

Однако со все большим раздроблением уделов взаимовыгодные связи между селом и городом стали разрушаться. В междоусобной войне страдало прежде всего сельское население. Удаленные деревни не имели защиты и полностью выжигались вместе с полями, скот угоняли, жителей, которые не успели сбежать в лес, уводили в плен, где они превращались в холопов. Те же счастливицы, которые сумели уцелеть, не знали, чем кормить многочисленную семью зимой и весной. Основная защитная функция власти перестала работать, т.к. и само понятие родины и своей земли стало исчезать. Деревня воспринималась только как источник ресурсов.

Села, особенно крупные, были самодостаточны, имели свое общинное управление, своего кузнеца и попа. Политические свары городской знати отпугивали людей, желавших спокойствия и надежности. А широкие необъятные пространства Руси позволяли достаточно легко покинуть обжитое место и переселиться в более спокойные места. Так и происходило, осо-

бенно поток беженцев усиливался во время очередного ордынского набега. Благо помягчавший климат позволял теперь осваивать север, куда князья и ханы добраться пока не могли. Движение начиналось еще с низовьев Днепра из обедневшего и растерзанного войной Киевского княжества, из Галицкого и Волынского (тут к вышеперечисленным проблемам прибавлялось еще и притеснение православного населения католиками), бежали и из Рязанского и Муромского княжеств, оказавшихся на острие атаки ордынцев, южнее земля вовсе опустела и стала называться соответствующе: Дикое поле. Позже при всеобщем оскудении южных княжеств на север переселялись и бояре, и даже обедневшие князья.

Дробление на уделы привело к обмельчанию и самой власти, не помышляющей уже о национальных бедах всей Руси. Обедневшие русские князья, напуганные татарской силой, могли решать только местячковые задачи, направленные на попытку удержания своей власти. А рожали в княжеских семьях исправно и многочисленным сыновьям, внукам, племянникам требовались свои уделы. Бесконечно такое положение продолжаться не могло.

В этих условиях в выигрыше оказался только Новгород, который ни разу не был разграблен Ордой (хотя и платил ей дань), не дробился на уделы, т.к. управлялся городской знатью, имел обширные и богатые ресурсами территории на севере и востоке. Косвенным подтверждением расцвета Новгородской республики является грандиозное каменное строительство, развернувшееся в 13—14 вв.: кремль в Пскове и Новгороде, крепость Копорье и множество храмов и монастырей, до сих пор поражающие туристов своим размахом и количеством. Строилось это благолепие в том числе и в самые тяжкие годы ордынского порабощения.

Глава 1.8. Возвышение Московского княжества

Политика Москвы в XIV – XV вв.

Наконец, стали появляться центры, собирающие вокруг себя силу. Владимир, разделивший судьбу Киева, не был способен на возрождение, хотя номинально являлся столицей еще долгое время. За возрождение Руси взялись молодые княжества: Тверское и Московское, скрытые от татар лесами и болотами и в тоже время стоящие на крупных реках с оживленной торговлей. Их возвышение связано с деятельностью волевых, талантливых и при этом святых князей. Их выдающиеся способности и смелые действия определили дальнейшую судьбу государства.

Объединение шло различными способами, но чаще всего применялся привычный силовой захват, естественно, что остальные удельные князья были против усиления соседа, т.к. это грозило утерей их власти и богатства. Естественно и то, что оба этих княжества сцепились между собой. За Тверью было лествичное право, по которому выходило править тверским князьям, а за Москвой дерзость и сила буйного князя Юрия Даниловича. К тому же возвышению Москвы способствовал брак Юрия с сестрой хана Узбека – Кончакой, в результате чего Юрий получил титул гургана, родственника Чингизидов. Но, как уже доказывалось не раз, одной междоусобной бранью невозможно было объединить Русь. Жестокие и дерзкие действия князей привели к взаимной войне, к новым жертвам и новым страстотерпцам, в том числе страстотерпцам-князьям тверского дома.

Необходимо было придумать новые способы усиления княжества, более разумные и дальновидные. Этим занялся брат князя Юрия, погибшего бездетным, Иоанн Калита. Этот умный князь запомнился не ратными подвигами, а созидательными делами и хитроумными планами по усилению княжества. Не забудем и о его сподвижниках, и о народе, без участия которых успех был бы невозможен.

Прежде всего князь Иоанн наладил хорошие доверительные отношения с ордынским ханом Узбеком. Каждый важный поступок князя предварительно обсуждался с ханом и делался с его разрешения. Таким образом, была сведена к минимуму угроза наказания и последующего опустошения княжества ордой. Позже так же вел себя и Симеон, сын Иоанна Калиты. Это, кстати отличало Московских князей от Тверских, которые вели себя возможно и более патриотично, но и более легкомысленно. Тут важен был не просто подкуп беков, эмиров и хана, а именно демонстрация дружбы и полного повиновения. Восток – дело тонкое.

А главное, чего добился Иоанн – сбора дани Москвой с других княжеств, при этом гарантировалось соблюдение сроков и размера уплаты. Это было новшество, т.к. раньше сбор дани осуществлялся различными княжествами самостоятельно. Это был шаг к обретению независимости, который начал осуществлять еще св. Александр Невский, добившейся у ханов сбора дани русскими князьями, а не татарскими чиновниками, что позволило сохранить домонгольскую политическую и административную систему – Русь признавалась улусом, но не частью Орды. Однако после смерти св. Александра Северо-Восточная Русь раздробилась на 12 княжеств. Каждое княжество самостоятельно отправляло дань в орду. Из-за различных причин (война, мор, неурожай и др.) уплата происходила нерегулярно и неполно. Ослабевшие княжества не справлялись с этой задачей, что вызывало недовольство в Орде. Москва же бралась отрегулировать этот процесс. Орде это было выгодно, монопольное право на сбор ясака было дано. Таким образом, все большее число княжеств стало попадать в сферу влияния Москвы.

Конечно, не вся собранная дань шла в Орду, часть оседала в Московской казне. Княжество богатело, появлялись новые возможности, покупались новые волости у обедневших князей, покупалось молчание татарских баскаков, приставленных следить за Русским улусом. При этом политика Москвы была жесткой, послаблений в дани не было, основное условие выполнялось. Памятным было безжалостное разграбление Ростова в 1328 году, за счет которого Мос-

ковское княжество серьезно обогатилось. И это был далеко не единичный случай. Обезопасил себя Иоанн и от тверского князя Александра, косвенно повлияв на его казнь в Сарае.

В самом же Московском княжестве, постепенно расширяющимся, царил образцовый порядок. Суд за тяжелые уголовные преступления перешел от крупных вотчинников к княжеской администрации. Личные владения князя также значительно расширились. Именно с Иоанна Московские князья начали именовать себя: «Князь великия всея Руси», имея ярлык только на Владимирское великое княжение. Интересно, что понятие Русь в этом титуле постоянно менялось в сторону увеличения площади. Таким образом, усиление княжеской власти в уделе тормозило и сводило на нет феодальную грызню за землю. Было предотвращено и разделение княжества сыновьями Иоанна. Столица не разделялась между сыновьями, а отдавалась в кормление всем наследникам. В завещании выделялся старший сын, которому должны были подчиняться все родственники. Нарушив лестничный принцип, московские князья стали переходить к новому типу престолонаследия: от отца к сыну. Надо сказать, что процесс перехода оказался не быстрым и занял не одно поколение. Тяжело русские князья отрекались от завещаний отцов. Только благодаря железной воле митрополита Алексия, боярам и конечно Богу, междоусобица не началась в начале правления Дмитрия Донского. Но позже Москву поразила тяжелая многолетняя междоусобная война 1425—1453 гг. Подобные смуты происходили еще и в середине 16 века, после смерти Василия III.

Удачно шел и захват северных территорий, где основным конкурентом являлась Новгородская республика. Торговля мехами приносила весомый доход. Сам по себе мех был некоей мерой, денежной единицей, как золото и серебро. Продолжительное (около 40 лет), относительно тихое и мудрое правление князя Иоанна, позволяло сконцентрировать в княжестве огромные силы, как материальные, так и духовные.

Да неприятно и тяжело сознавать какими способами Москва добилась усиления. Но цель оправдывала средства. Можно было гордо воротить нос от поганых татар, разглагольствовать о любви к родине, о мире и союзе или нападать на соседа в надежде урвать кусок пожирнее. Но глобальных задач это не решало. Надо было действовать и зачастую жестко. Можно уважать князя Иоанна за его дальновидность. Взяв на себя этот тяжкий крест, терпя проклятия в свой адрес соплеменников и потомков, он уверенно строил будущее московское царство и, кстати, не забывал и о духовной составляющей, строя храмы, творя щедрую милостыню, привлекая в княжество митрополитов.

К тому же активно использовались и мирные способы расширения: покупка волостей, династические браки, приглашение бояр на службу из других княжеств. Крестьянам и множеству не прекращающих приходить из разоренных княжеств переселенцам князь давал землю и послабление в налогах, льготы на несколько лет. Были такими льготниками и ростовские беженцы, осевшие в Радонеже, а среди них семья отрока Варфоломея, в последствии знаменитого подвижника.

Возвышение княжества не прекратилось и после смерти Иоанна. Его дело продолжил сначала сын Симеон Гордый, а потом митрополит Алексий (крестник князя), фактический правитель Москвы и воспитатель князя Дмитрия Донского. Именно при нем произошел следующий важный шаг в укреплении княжества – по воле темника Мамай (фактического хана распадающейся Орды), ярлык на великое Владимирское княжение переходил по наследству московскому князю, то есть все Владимирское княжество становилось наследственной вотчиной Московских князей (произошло это где-то в 60-х гг. 14 века). Это было сделано в удачный момент, когда в Орде началась «великая замятня» (смута). Мамай был согласен на такой невыгодный договор, для своевременной финансовой поддержки, необходимой для удержания собственной власти. И опять долго и тяжело привыкали к такой действительности конкурирующие с Москвой княжества: Тверское и Суздальское. Пришлось выбивать согласие силой, а затем и династическими браками. Жена Дмитрия Евдокия была дочерью Суздальского князя.

В этот спор вмешалась даже Литва, все больше угрожающая существованию Владимирской Руси. Но процесс роста и усиления Москвы был уже неостановим. Из той же Литвы, к слову сказать состоящей на 3 четверти из русских княжеств, на службу Дмитрию переходили не только бояре, но уже и князья со всем домом (дружиной и холопами), например, будущей герой Куликовской битвы князь Дмитрий Боброк-Волынский. И не только русские, но и татарские князья, враждебно относящиеся к власти Мамаю, например, князь Серкиз. Битва на Воже и Куликовом поле стало проверкой на прочность всех многолетних трудов Москвы, сумевшей собрать всех Владимирских князей в Переславле-Залесском в 1371 году и создать антиордынский союз.

Но далеко еще было до полного освобождения Руси от ига и междоусобных противоречий. Орда была еще сильна, были совершены ошибки и московскими князьями, с запада угрожала стремительно расширяющаяся Литва. Из дальнейших событий видно, что разгром Мамаю только помог воцарению нового хана – Тохтамыша, который сразу же решил восстановить влияние Орды, разорив Москву. Куликовская битва важна прежде всего, как психологическая победа, невозможная без промысла Божьего и духовной поддержки святых отцов. Значительную роль в укреплении Москвы сыграл не только митрополит Алексей, но и преподобный Сергей Радонежский, исправивший главную ошибку князя Дмитрия – раздор с князем Олегом Рязанским, княжество которого благодаря своему расположению защищало Залесскую Русь от Дикого поля и Орды. Симфония светской и духовной власти (при чем не официальной, т. к. Сергей не был епископом, но всеми признавался как национальный духовный лидер) принесла свои плоды.

Отметим, что в современном представлении Ордынское иго преподносится как однозначно негативное явление, как катастрофа. Но если подробно разобраться, то оказывается, что главной проблемой были не татары, а собственная политическая система, которой были присущи постоянные междоусобицы из-за усиливающейся феодальной раздробленности. В таком положении нас могли захватить и печенеги, если бы они не имели к 13 веку тесных культурных и династических связей с Русью (собственно раньше такую цель они и преследовали, но тогда Русь еще была способна постоять за себя). Присоединение к монгольской империи изменило ситуацию. Политическая карьера зависела от воли хана и его сподвижников. Многим князьям это было выгодно. Обычно самые властолюбивые и жестокие князья использовали татарские войска для захвата власти. Так что Русь постепенно влилась в политическую орбиту империи. Нельзя отрицать те страшные насилия, чинившиеся ордынцами во время Батыева нашествия, но это было единожды, все последующие набеги совершались всегда с русскими дружинами одного из княжеств. А смута, начавшаяся в Орде, которая в конце концов уничтожила империю, разорвав ее на отдельные государства, совсем не радовала русских князей: было неясно кому служить, к кому ехать в Сарай и не убьют ли тебя там при очередном дворцовом перевороте. Эти волнения расшатывали княжескую власть и на родине. Необходимо было создавать новую систему управления.

Отдельно хочется сказать о Великом Литовском княжестве. История его становления схожа с другими странами. Пассионарный рывок, захват огромных территорий, принятие одной мировой религии в качестве официальной, период феодальной раздробленности, затем либо смерть, либо новая консолидация общества. С последним Литве явно не повезло. Литовские князья долго засиделись в язычестве. Но при этом население тех многочисленных русских княжеств, за счет которых Литва и стала крупной европейской державой, уже давно исповедовало Православие. По началу в политическом и хозяйственном плане на этих захваченных русских уделах ничего не менялось. Также, как и во Владимирской Руси крестьянствовали, беспрепятственно молились в храмах и монастырях, в городах правили князья, ходили в походы. Понятно, что война одних русских княжеств с другими, никого не смущала в те времена. Княжеств было много, и все они включались в более крупные объединения: Орда, Литва, Новгород, Владимир.

Опасность уничтожения русских уделов в Литве как сложившихся православных культурных центров, возникла в конце 14 века, после принятия Кревской унии, с признания католичества государственной религией. То отчего избавил Новгород святой Александр Невский в 13 веке, всплыло на юге и западе Руси в веке 15.

Но на самом деле Литва тем самым подписала себе смертный приговор. Поясним. После смерти великого литовского князя Ольгерда, началась борьба за власть его родственников. В итоге выявилось два основных претендента: сын Ольгерда Ягайло и его племянник Витовт. Эти два князя всю жизнь соперничали друг с другом, то мирясь, то ссорясь. В это время на западе Польша переживала тяжелый политический кризис, за престол велась настоящая гражданская война с участием соседних государств: Австрии, Венгрии, Немецкого ордена. Все эти страны были католические. Религиозно и культурно схожие. Литва же была ближе к Руси, Литовские князья были на половину или четверть русскими. Ягайло, например, знал только русский язык, его мать была сестрой тверского князя. И вот в чьих-то влиятельных кругах (скорее всего это был монашеский орден) появилась идея позвать на польский престол Ягайлу, обвенчав его с Польской королевой Ядвигой. Основным условием Польши был переход будущего короля и его народа в католическую веру. По сути Ягайло жертвовал всей Литвой ради польской короны. Литва должна была объединиться с чуждым ему культурно государством, а на самом деле влиться в него. Смешно, но сама власть короля в Польше была настолько ограничена местным дворянством, шляхтой, что создается впечатление будто литовского князя просто одурачили, купили за стеклянные бусы. Прошло конечно еще много времени, прежде чем началось реальное объединение Литвы и Польши в одно государство и притеснение православного населения. Витовт самостоятельно правил Литвой до 1430 года. Потомки Ягайлы являлись одновременно правителями Польши и Литвы, но это еще были отдельные титулы. Литва постепенно перенимала обычаи Польши, была сформирована своя литовская католическая шляхта, также начавшая борьбу за получение больших привилегий. Только при правнучке Ягайлы Александре в 16 веке начинается заметное притеснение православных, которые начинают облагаться особой десятиной в пользу католического прихода. Притеснению способствовала Флорентийская уния и отделение Литовской митрополии от Русской. А слияние Польши и Литвы в Речь Посполитую произошло только в 1569 году. С этого момента притеснения русского православного населения уже не прекращалось вплоть до 18 века. При этом в Сейм (главный орган власти, принимавший основные решения) входила не только шляхта и магнаты, но и католическое духовенство.

Судьба русского бесправного крестьянского населения была плачевна. Многие русские дворяне в 16—17 веках приняли католичество и ополячились. При шляхетской демократии, все земли бывших русских княжеств принадлежали католической знати, имевшей практически неограниченные политические и гражданские права. Эти обширные владения польских магнатов назывались латифундиями. Местное православное население перешло к ним в холопы. Французский инженер Боплан, очевидец тех событий, говорил, что положение крестьян здесь *«хуже, чем положение галерных невольников»* [цитата по 12]. Гнет православных приводил к нескончаемым крестьянским и казачьим бунтам и восстаниям, которые в 17 веке переросли в освободительную войну Богдана Хмельницкого. Успех казаков объяснялся поддержкой большинства православного населения в юго-восточной части страны, поддержкой Москвы и татар, и наличию Запорожской сечи – части Дикого поля, куда польские каратели ходить не осмеливались.

Но с принятием Переяславской рады, присоединения левобережной Украины, спокойствие для этих многострадальных краев еще не наступало. Война Москвы велась не только с Польшей, но и с Турцией, и с Крымским ханством. Что говорить – регион этот был всегда стратегически важен и поэтому война вспыхивала тут и в последующие века, вплоть до нашего времени.

Но вернемся к Москве. Реальное объединение, подготавливающееся в сложном 14 веке, произошло только при Иване III, внуке Дмитрия Донского во второй половине 15 века. Объединение Руси отрицательно повлияло на удельную и городскую власть, сельская местность от этого скорее выигрывала. Главное – прекращалась разорительная гражданская война, наступало спокойствие и мир. Местячковый образ мышления уходил в прошлое, заменяясь на строгую административную форму подчинения центру. Княжество Московское превращалось в новое царство. К концу его правления почти вся Северо-Восточная Русь была объединена. Особенно важным событием было присоединения Новгородской республики. Весь бассейн верхней Волги с богатой торговлей был в руках Москвы. Дальнейший захват Казани и Астрахани внуком Ивана III Иваном IV – это логичное завершение захвата всего волжского пути, как главной торговой артерии региона.

Со времен Дмитрия Донского не прекращался поток переходящих на службу к Москве бояр и князей. Они приходили со всем своим имуществом, с дружиной, слугами и скотом. Это укрепляло государство, но увеличивало плотность и численность населения, в том числе и знати. Приходящие князья и бояре были безземельными, их владения были захвачены другими, что и являлось причиной перехода на службу к Москве. Следовательно, ценность земли, особенно богатой – с пахотой, заливными лугами, крупными деревнями, возрастала, т.к. ее не хватало. Великому князю Московскому всегда приходилось думать о дележе земли. Новопришедшим за службу надо было отдавать в кормление волости, а тут еще плодились и собственные родственники. Все это лишний раз провоцировало к дальнейшему расширению княжества, путем захвата, покупки земли и через брачные союзы.

Таким образом, с одной стороны государство постоянно расширялось и богатело, с другой всегда ощущало острую нехватку богатой земли. Нехватка объяснялась еще и суровым климатом, из-за чего годной для обработки земли было мало. При этом захватывались земли не пустые, а со своим населением и знатью, которой тоже надо было дальше жить. Вспомним, что расширение Московского княжества в 14—16 вв., шло в основном за счет северных малоплодородных земель. Южные плодородные регионы, захватить оказалось гораздо сложнее. На юге сталкивались интересы многих сильных государств: Литвы, Крымских татар, Османской империи, с которыми Москве справиться было тогда еще сложно. Постепенное многолетнее отвоёвывание небольших участков у Дикого поля шло за счет казаков и служилых людей. Строились военные базы, мощные крепости, остроги, окруженные засечной чертой. Земли эти почти каждое лето на протяжении 200—300 лет подвергались нападениям крымских татар и других степных племен, которые продвигались далеко на север, достигая даже Тулы. Правительству приходилось тратить огромные средства на строительство крепостей. Огромных денег стоило Василию III строить крепости из кирпича, по самым передовым итальянским технологиям на южных окраинах страны. До сих пор можно лицезреть плоды этих многолетних трудов: кремль Коломны, Зарайска, Тулы и Нижнего Новгорода. Много позже сюда приходил мир и первое население состояло из семей той же засечной стражи. Основная цель набегов был захват населения (ясыря) для продажи на невольнических рынках в Турции. По сведениям Турецких историков угонялось до 10000 человек в год [13]. Набеги прекратились только в 18 веке, после Азовских походов Петра Великого и захвата Крыма Екатериной Великой.

Судебник 1497 года

И все же центральная и северная часть Московского государства с конца 15 века оказалась в совершенно новой для себя ситуации, наступило мирное существование, многолетняя гражданская война наконец прекратилась. Как же жилось тогда русской деревне, улучшилось ли ее положение? Попробуем разобраться в этом, проанализировав основной документ того времени – Судебник Ивана III 1497 года.

Власть новообразованного Московского царства столкнулась со множеством проблем, связанных с пережитками феодальной раздробленности. Для их преодоления приходилось

постепенно усиливать централизованную власть. Местное самоуправство необходимо было пресечь новым сводом законов (для чего отчасти судебник и был написан), поставлением своих людей по всем волостям, земельным переделом (за службу московскому царю давались в кормление волости, то есть земля). Поэтому с расширением государства стал происходить значительный рост административно-управленческого персонала – служилых людей. К ним могли относиться люди совершенно разного происхождения. Так, появились дьяки, а по сути чиновники, которые уже с середины 15 века стали ведать великокняжеской казной, составляли письменные указы, писали завещания и т. д. Сначала, это были грамотные княжеские холопы, но со временем их значение и влияние серьезно возросло. В судебники упоминаются добрые люди, как свободные граждане. К ним относились дети боярские, составлявшие разряд свободных служилых людей, занимавшие низшие и средние должности в армии и системе управления и получавшие за свою службу земельные пожалования, а также волостные крестьяне, сидевшие на черных землях. Последние избирались общиной, являясь представителями местного самоуправления. Обычно это были уважаемые и зажиточные крестьяне. Также появились недельщики – представители исполнительной власти, занимающиеся различными поручениями, в том числе исполнением судебных решений, наказаниями и т. п.

Переход бесправных холопов в служилую категорию, стал частым явлением. Холопы получали права и иногда волю, а государство новых служащих. Отпуск холопов распространялся прежде всего на верхушку административно-хозяйственного аппарата, военную дружину и одиноких женщин.

Несколько пошатнулась и церковная власть. Церковь, как крупнейший землевладелец имел свой епископский суд, но наиболее серьезные преступления (душегубство, разбой) рассматривались уже только судом княжеским.

Боярский суд над холопами также серьезно ограничивался. Судебник 1497 года признавал всех, в том числе и холопов, субъектами права, могущими искать и отвечать по суду. Это было выгодно власти, т.к. судебные пошлины увеличивали великокняжеский доход. Хотя, конечно, о каком-либо реальном равноправии между боярами и холопами здесь говорить не приходится. Самоуправство феодалов вызывало недовольство зависимого населения, дело иногда доходило до убийства господина. Это обусловило появление 9 статьи судебного о государственном убийце, который подлежал смертной казни. Власть защищала представителей господствующего класса для предотвращения смут и волнений. [14]

Отметим также, что рост служилого населения увеличивал и расходы на их содержание. Эту проблему переложили на крестьян. В волостях все служилые люди, несущие государственную службу (волостели, дворецкие, слободчики, приказчики, посольские и т.д.) находились на содержании населения, которое предоставляло им так называемый корм. *«А кто будет волостель на Кривондине волости, ... корму... имели на Рождество Христово со шти деревень десятеро хлебов, да полоть мяса, да мех овса, да воз сена; а тищу его... пятеро хлебов, да полоть мяса, да острамок (полвоза) сена, да полмеха овса; а доводчику... с деревни хлеб, да часть мяса, да зобня (кошель, лукошко) овса»*. Кормление давалось на определенный срок, обычно на год. [14]

Однако сами волостели не были правомочны без обращения в вышестоящую инстанцию решать никакие дела, связанные с правовым положением холопов. При этом в судебных делах должны были участвовать представители посадских людей и черных крестьян. *Лучшие* или *добрые* люди представляли население не по выбору, а по своему положению в местном обществе. Участие в судебном разбирательстве представителей общины ограничивали произвол волостелей, что способствовало укреплению единой централизованной системы судебного аппарата. [14]

Показательна для того времени 65 статья, которая говорит о том, что *холоп, попавший в плен к татарам и бежавший из плена, становится свободным, освобождаясь от холоп-*

ства своему презьшему господину. Возвращение пленных было одной из важнейших забот Русского государства: в 16 веке, существовал даже специальный налог – *полоняничные* деньги – для выкупа пленных. Эта статья характеризует государство с определённой стороны. При междоусобных бранях все захваченное у противника считалось законной наградой и приобретением, в том числе и холопы, как ценный товар. Чужая человеческая жизнь за годы гражданской войны, при постоянных набегах и плене обесценивалась. Раздробленные и разоренные княжества не имели сил оберегать наиболее незащищенные слои населения. Угнанные холопы возмещались другими, захваченными в иных битвах. Происходила постоянная миграция населения, что негативно сказывалось на сельском хозяйстве, приходившем в упадок. Что говорить, если беженцы вынуждено покидали плодородные южные регионы и Владимирское ополье, уходя дальше на север. Спокойствие оплачивалось тяжелым трудом на бедной земле, однако жизнь была дороже.

Но при объединении княжеств в единое сильное государство ситуация изменилась. Теперь любой житель страны, в том числе и самый бесправный, стал цениться гораздо больше, появилась возможность его выкупа. Сбережением народа власть четко очерчивала границы своего государства, есть свои, а есть чужаки: поляки, свеи, татары, османы и т.д., что резко отличалось от удельного сознания, когда русские делились по местности, а не по национальности: киевляне, тверичи, владимирцы и т. д. Феодалные уделы превращались в волости, подчиненные центру, русские люди стали осознавать себя единым народом. Принципы ведения войны изменились, основная масса населения перестала испытывать на себе набеги и стало прочнее сидеть на земле. Для восстановления сельского хозяйства необходим был труженик, уверенный в завтрашнем дне. Надо было создать условия, при которых жизнь крестьян находилась бы в максимальной безопасности. Само холопство (а самый главный источник холопства тогда был военный захват) стало невыгодно государству. Масса нищих холопов, переживших войну, не могло приносить пользу государству, платить дань и производить товар.

Властью были ограничены и права горожан, которые лишались политической власти. Ликвидировалось городское вече в захваченных Новгородской и Псковской республиках. Конечно сам вечевой принцип не исчез, он применялся в сельских общинах, купеческих и ремесленных сообществах, в общем везде, где не было политики. Все общегосударственные задачи решались в боярской думе при участии царя.

Правда в критические моменты власть вспоминала о вече, как о всенародном собрании призванном помочь в делах государственных. Для решения глобальных проблем царь собирал земский собор. Такой «собор примирения» был впервые собран Иоанном Грозным в 1547 году, где рассматривался вопрос отмены кормлений и злоупотреблений чиновников на местах. Но регулярность и практика созыва, порядок формирования, состав земских соборов долгое время не были регламентированы. Наиболее часто земские соборы созывались в царствование Михаила Федоровича. При чем важное место здесь занимало духовенство. В 1547 и 1551 годах одновременно с земскими собирались и церковные соборы. Земские соборы сыграли важную роль в становлении русского царства, особенно в Смутное время.

О боярских землевладениях

И все же сам феодальный порядок менялся очень медленно. Общество, как и сама власть не могла быстро отказаться от привычного строя, тем более, что часто для этого не было достаточных причин. Но следует уточнить, что понимать под феодальным строем. Историк М. Н. Покровский выделял следующие признаки феодализма: господство крупного землевладения, тесная связь землевладения с политической властью, особые взаимоотношения между землевладельцами, подчиняющиеся строгой иерархии. Академик Тихомиров при этом также подчеркивал, что феодальные землевладельцы обладали иммунитетными правами, которые заключались в запрете проезда по его территории княжеских слуг, свободе от налогов и пошлин, судебными привилегиям и возможностью отвечать на суде перед самим князем. [15]

Если рассматривать феодализм в таком смысле, то Москва победила раздробленность, но не феодальный строй. Став центром, Москва повысила свой собственный статус, но не отказалась от удобной системы взаимоотношений. Собственно, если ты являешься лидером в системе, то зачем ее менять? Это рискованно. Вместо удельных самостоятельных княжеств, теперь существовали свои уделы у братьев и родственников великих московских князей. Хрупкость такой системы всегда оголялась при смене политической власти, когда с большим трудом престол занимали законные, хотя и малолетние сыновья великих князей, а не их братья. Наиболее драматичные события развернулись в борьбе за престол Василия Темного и его родственников в середине 15 века, когда по стране прокатилась настоящая гражданская война, повторившая в лучших традициях междоусобицу прошлых веков.

Удельный строй на более мелком «боярском» уровне вообще не менялся вплоть до 17 века. Как уже было сказано, дача земли в корм или награду за службу, была основным способом содержания знати и вообще всех служилых людей в Московском княжестве. Следовательно, почти вся наличная земля распределялась между крупными землевладельцами: князем и его родственниками, боярами и служилыми людьми, а также монастырями. Крупные владения бояр назывались «боярщиной». К 16 веку определились два основных вида владения землей: поместье и вотчина. Первое давалось на определенный срок, возможно пожизненно, но затем возвращалось князю, а второе передавалось по наследству. На практике, однако, такое деление часто становилось условным. Случалось, когда землевладельцы пытались перевести поместье в статус вотчины, а бывало и наоборот – власть лишала опального боярина его наследственных вотчин.

Как уже говорилось, крупные землевладельцы часто приобретали иммунитетные права от князя по обельным и тарханским грамотам, то есть освобождались от княжеских поборов и повинностей. По этим грамотам можно судить о сложной системе поборов существующих в те века: ям и подвода (обязанность давать подводу или платить вместо этого особую пошлину), тамга и восминичье (торговая пошлина на товары с мытом и костками – на торговых людей), множество хозяйственных повинностей (давать корм и помещение для ночлега княжеским слугам, содержать дороги, участвовать в строительстве крепостных стен и т.д.). Однако существовали и такие пошлыны, которые приходилось платить даже с иммунитетными правами – так называемую «дань неминуемую». Не будем забывать, что Русь более 100 лет была под татарским гнетом, а также вела множество различных войн – все это увеличивало налоговую нагрузку на подчиненные территории, поэтому «дань неминуемая» могла осуществляться довольно часто и чувствительно, как для самого феодала, так и для проживающего на его земле населения.

Для боярщины существовала своя устоявшаяся хозяйственная система. Центром являлся боярский двор с жилыми хоромами и примыкающими к нему хозяйственными постройками: поварни, житницы, хлев, ледник и т. д. На таком дворе жил либо сам владелец, либо его доверенное лицо – посельский, приказчик или ключник. Они заведовали всем хозяйством. Также во дворе или в непосредственной близости от него жила основная прислуга: холопы и дворовые люди. Они обрабатывали боярскую пашню и имели собственный огород. Часто поблизости от боярского двора размещался храм, возведенный на деньги феодала. Из таких боярских дворов позже возникали дворянские поместья и крупные села. К селам тянулись различные деревни, починки и хутора, населенные крестьянами. Именно крестьянское хозяйство, являясь преобладающим, и определяло богатство всей вотчины. Заметим, что помимо собственно крестьянской пашни было много общей неразделенной земли, которую использовали совместно крестьяне и землевладелец: луга, озера, болота, выгоны и т. д. Крестьяне жили обособленной общиной, несмотря на то, что проживали на земле боярина, имели своего выборного старосту, который взаимодействовал с боярской властью, вместе с ним участвовал в суде и других делах боярщины. [15]

Положение крестьян в таких землевладениях определялось старинными обычаями (по старине), как это неоднократно отмечается в летописях. Изменение этих обычаев всегда вызывало недовольство крестьян. Понятно, что, проживая на чужой земле, крестьяне несли определенные повинности. Сохранилось много свидетельств таких повинностей для монастырских крестьян, о чем речь чуть ниже, т.к. разумеющие грамоту монахи всё фиксировали в учетных книгах. Очевидно, что подобные тяготы несли и боярские крестьяне. Как и в монастырях, с крестьян на земле боярина собирали оброк, чаще всего в натуральной форме, в виде продуктов питания, кормов, сена, ягод, рыбы и т. д. Другой формой повинности был ручной труд в пользу землевладельца— много позже названный «барщиной», сюда могла входить не только обработка боярской пашни, но и общественные работы – рытье канав, устройство изгородей, рубка леса и т. д. Насколько тяжело было выполнять эти повинности, можно судить лишь косвенно. Логично было бы предположить, что тяготы неодинаково влияли на крестьян в различных вотчинах и в различные периоды истории. Они становились ощутимыми в сложные времена войн, моровых поветрий и голода и вполне сносными в периоды расцвета и благоденствия.

Землевладельцы старались сохранить и преумножить своё хозяйство, поэтому им было выгодно задерживать крестьян в пределах своих владений. Крестьяне еще не были закрепощены, но свобода их уже была сильно ограничена. Закрепощение происходило путем предоставления кредитов. Понятно, что задолжавшие землевладельцу крестьяне не могли уйти, пока не выплатят долг. Со временем должников стало так много, что их даже в летописях стали выделять в определенную категорию крестьян-серебренников. Наличие таких должников встречается в грамоте еще 13 века, где вдова князя Дмитрия Константиновича подарила Суздальскому монастырю два села «с серебром и животом», то есть с задолжавшими ей крестьянами. Положение серебренников было хуже обычных крестьян. [15]

Также существовал ряд пошлин за выход из имения. Крестьянин, пожелавший покинуть землевладельца, должен был заплатить пожилое, что-то вроде полного расчета с хозяином, что сделать было не всегда просто. Также существовали особые свадебные пошлины, которые затрудняли выход крестьян в случае брака, такая пошлина называлась «выводная куница». А вообще с новобрачных взимали еще и «новожениный убрис». Исследователи последних лет также склонны утверждать, что землевладелец имел право забирать себе вымороченное хозяйство крестьян, при условии, что умерший крестьянин не имел наследников, так называемую «беззадчину». [15]

О церковных землевладениях

Особое место в молодом Московском царстве имела Православная церковь. Со второй половины 15 века и до конца 16 века резко усиливается роль крупных монастырей, обладающих обширными территориями. Из религиозных, экономических и политических соображений центральная власть предоставляла Церкви широкие льготы и права. В конце 15 века в церковном обществе стало оформляться два противоборствующих взгляда на дальнейшее развитие Православия на Руси. Прежде всего это касалось взглядов на смысл иночества и характер монастырской жизни. Вопрос состоял в том, должна ли Церковь иметь обширные владения и пользоваться земными благами. Часть церковных иерархов, так называемых «нестяжателей» отрицала права Церкви и монастырей на земельные владения, полагая что иноки не должны отвлекаться на хозяйственные заботы, а вести аскетический образ жизни, концентрируя внимание на духовном совершенствовании. Другой лагерь, признающий необходимость владения земными благами, возглавлял известный церковный деятель Иосиф Волоцкий, поэтому его сторонников называли «иосифлянами». Они исходили из практических и административных соображений. Основную задачу монастырей Иосиф видел в подготовке церковной иерархии, для чего Церкви нужно было обладать собственным хозяйством, независимым от воли светской власти. Из-за совершенно противоположного понимания монастырской аскезы, различным был взгляд и на другие стороны церковной жизни. Если иосифляне были

сторонниками тесной связи церковной и государственной власти, то нестяжатели, напротив, требовали их разделения и совершенной независимости друг от друга. Как известно, на соборе 1503 года победила партия иосифлян, что стало эпохальным событием для будущего развития всей Русской Православной Церкви. Монастырь самого Иосифа Волоцкого, расположенного под Волоколамском, стал быстро расширяться, обрастая новыми волостями. Иосиф имел тесные связи с великокняжеским престолом, связь эта не потерялась и после смерти основателя монастыря. На протяжении целого века Иосифо-Волоцкий монастырь находился под особым покровительством Василия III и Иоанна IV.

В наше время принято отрицательно относиться к мировоззрению и деятельности иосифлян, схожими, как полагают, с католическим. Однако надо понимать, что земные блага Иосифа вовсе не собирался использовать в корыстных целях. Просто его виденье церковной деятельности было более приземленным и отвечающим жизненным реалиям 16 века. Он не видел ничего греховного в том, чтобы воспользоваться земными благами для прославления Христа и утверждения его Церкви на земле, в рамках набирающего силу и значительно расширяющегося Русского царства. Именно с учениками и последователями Иосифа Волоцкого связаны важнейшие достижения всей русской культуры последующих 16—17 веков: исправление книг и книгопечатанье, борьба с еретическими и оккультно-философскими учениями, канонизация русских святых, строительство уникальных монастырских архитектурных комплексов. Именно они смогли осуществить первый полный перевод Библии на славянский язык (Геннадиева Библия) и создать первую русскую энциклопедию – 12 томов Великих Миней-Четий новгородского митрополита Макария.

К тому же движение нестяжателей в русской Церкви никогда не угасало и сильно влияло на общественное мнение и после своего проигрыша. В церковной среде, как и в любом крупном сообществе, была заметная дифференциация по многим параметрам, в том числе и по степени влиятельности монастырей. На ряду с крупными и богатыми обителями, на Руси существовало и множество малых нищенствующих монастырей. Сторонники нестяжательства постоянно напоминали о себе, будоража общественность своей деятельностью. Так, в 1531 году состоялся суд над известными сторонниками этого религиозного движения: Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым. Тюрьмой для последнего не случайно стал именно Иосифо-Волоцкий монастырь. Однако, суд и постоянная опала на нестяжателей не могла быть эффективным средством защиты интересов иосифлян. К сожалению, идеи Иосифа на практике осуществлялись не всегда так, как предполагалось. Слишком соблазнительным оказалось владение землей, это развращало церковных иерархов, что не могло не влиять на общественное мнение. Дискуссия по этому поводу на Руси никогда не прекращалась. Нестяжателями становились многие известные святые, уходящие не только от мира, но и из монастырей. Чувствуя в них силу и правду, к ним тянулся народ, что способствовало широкому распространению идей нестяжательства на Руси, где сложилась своя традиция и практика. Неслучайно одними из самых почитаемых святых в народе неизменно были юродивые – нищие и убогие люди.

Все крупные монастыри старались получить на свои вотчины тарханные и несудимые грамоты, предоставляющие иммунитет. На такую монастырскую землю путь княжеским людям был закрыт. К тому же проживающее население платило дань не государю, а монастырскому наместнику. Так, в тарханных грамотах обычным были фразы от лица великого князя *«хто у них в тех сельцах и в деревнях учнет жить людей, – и тем их людям не надобе моя, великого князя, дань, ни ямьские деньги, ни подводь, ни посошная служба, ни мыт, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен не косят»* (Копийная книга, №33 [16]). Монастырю предоставлялось и право суда. Например, в Волоцком монастыре в жалованных селах вотчинникам разрешался суд, довод, раздвинское (налог на свадьбу). В сущности, крупный монастырь был отдельным государством в государстве. Он имел своих служилых людей, крестьян, ремесленников и т. д. При этом своих людей часто не хватало и нанимались работники со стороны. Так, вот-

чины Волоцкого монастыря к концу 16 века разделялись на 6 приказов, во главе каждого стоял поселский старец, ответственный за хозяйство. До наших дней дошли книги высева, ужина, умолота, сбора и расхода хлебов и сена с точными подсчетами. По этим подсчетам можно судить о размерах монастырских хозяйств. Так, в Волоцком монастыре в 1592 году было высеяно 6658 четвертей, а ужато ярового хлеба 16045 четвертей, накошено сена 2060 копен сена. Стадо всего монастыря состояло из 385 лошадей, не считая коров и мелкий скот. Несмотря на большое хозяйство монастырь в основном торговал воском, а не сельскохозяйственными продуктами, активно скупал рыбу, приправы и мед. На покупку рыбы в 1579 году было затрачено 350 рублей – сумма очень крупная. Очевидно такие расходы были обусловлены тем, что монастырь кормил не только монахов, но и обслуживающий их люд: ремесленников, слуг, а также многочисленных паломников и гостей и т. д. [15]

Естественно, что монастырские крестьяне, как и крестьяне других крупных землевладельцев, к 15 веку платили оброк и выполняли ряд натуральных повинностей. Величина оброка была везде различной. В Волоцком монастыре в 1595 году оброк составлял «за четверть солоду 2 гривны, за осьмину пшеницы 5 алтын, за полосьмины конопель 2 алтына» [17]. Оброчные деньги давали значительный доход, например, в 1579 году было собрано 198 рублей 26 алтын. Дополнительно взималась плата за овчину и дрова, иногда за нити, сыры и масла. Были распространены и пошлины: въездное, за сбор кур и за поярки, праздничные и судовые пошлины, животинные и соляные явки. Землю обрабатывали крестьяне, принадлежащие монастырю и долго проживающие на его территории (так называемые детеныши), а также пришлые арендаторы. Часто практиковалась сдача земли в третнюю и четвертную аренду. С арендаторов-крестьян собирали свой налог, например, дача «третной ржи из снопа» для монастыря. Так, в 1592 было собрано 2060 копен мерных двусаженных. Очевидно жизнь арендаторов была тяжелее детенышей. Однако, можно предположить, что долго проживающие в монастыре арендаторы, их дети и внуки постепенно переходили в разряд монастырских крестьян. Интересно, что оброк даже внутри одного монастыря был различным и зависел от «старинности», то есть чем раньше та или иная волость относилась к монастырю, тем меньше она платила. [15]

На торговлю монастыри также получали льготы и право беспошлинного провоза. Так, Кириллов-Белозерский монастырь вел большую торговлю солью – до 10 тысяч пудов в год. Троицкая обитель беспошлинно провозила каждый год до 300 возов. Это положительно отражалось на проживающих в монастырских волостях крестьянах. Интересно, что торговали не сами монахи, а в основном крестьяне. Монастырские крестьяне, наряду с царскими часто упоминаются в летописях тех лет, как основные торговцы, теснившие частных владельцев. Так, в середине 16 века таможенные откупщики жаловались, что в селах Кимрах и в Рогачеве в лавках торгуют монастырские крестьяне, «*тутошные жильцы*», солью, рыбой и всяким товаром и на торгу хлебом и животиною. [15]

Расширение вотчин происходило и за счет мелких собственников земли: мелких обедневших дворян и служивых людей. В некоторых случаях взамен земли вкладчик получал деньги или оставлял за собой право владеть деревней до своей смерти, оставляя землю как бы в наследство. Иногда монастыри забирали землю в счет долга. Например, подобным образом поступили при сделке между Волоцким монастырем и задолжавшим обители 205 рублей князем Дмитрием Немовым, который завещал село Локныш. Но наиболее крупными вкладчиками (как землями, так и деньгами) были высшие представители власти: великие князья и их ближайшее окружение. Примечательно, что наибольшие приобретения осуществлялись в годы волнений и смут. Академик Тихомиров объясняет это тем, что неопределенность политического положения и неуверенность за свои вотчины создавали наиболее благоприятную среду для расширения влияния монастырей, игравших важную роль в политической жизни страны. [15]

Чем же можно объяснить такую тесную связь власти и Церкви? В политическом отношении: крупные монастыри всегда стояли за централизацию власти, следовательно, они представляли интересы Москвы на периферии, тем более, что митрополичья кафедра к тому времени уже давно обосновалась в столице. Например, немалую роль в укреплении Московского княжества на севере, сыграл Кирилло-Белозерский монастырь. Мощные крепостные стены многих крупных монастырей говорят о том, что в беспокойное время они выполняли и оборонительную функцию. Позже монастыри часто использовались властью как место ссылки попавших в опалу людей. В социальном отношении: к середине 15 века крупные монастыри стали типично аристократическими – большинство монахов – представители знатных родов, которые не теряли связь с миром и активно влияли на своих родственников, приближенных ко двору. Часто монахами были и ближайшие родственники великих князей. В дальнейшем некоторые князья отправляли в постриг своих жен: Василий III и Иоанн IV. В религиозном отношении: нельзя забывать и то, что князья были глубоко верующими людьми, несмотря на совершаемые ими грехи. Они часто гостили в монастырях, имели там свои подворья, духовников, устраивали пышные паломничества, участвовали в крестных ходах и церковных таинствах. Церковная жизнь была неотъемлемой частью всего средневекового русского общества, в том числе и высших кругов.

Ситуация в отношении церковных вотчин стала меняться в конце 16 века. 20 июля 1584 года, уже при последнем потомке Рюрика – Федоре Иоанновиче, вышел приговор Церковно-Земского Собора об отмене церковных тарханов и запрещении покупки монастырями новых вотчин. Было несколько причин принятия властью такого решения, прежде всего экономических. После продолжительной и разорительной Ливонской войны и опричного террора в стране наблюдалась «порука» – то есть тяжелейший экономический кризис, из которого власть старалась выйти путем усиления налогового бремени и закрепощением крестьян. При этом в самом тяжелом положении оказались в первую очередь центральные и северо-западные регионы Руси. Цены возросли в несколько раз, многие пашни были заброшены, а местное население мигрировало на окраины. Естественно в таком положении государство было вынуждено обратиться к внутренним церковным ресурсам. Никакая «религиозность» слабовольного царя Федора Церкви в данном случае помочь не могла. За столетие в монастырских вотчинах скопилось зажиточное крестьянское население, которое было избавлено от налогов и платило только феодальную ренту. Экономический кризис провоцировал уход крестьян в монастырские вотчины из поместий мелких служилых людей, что приводило к разорению хозяйств последних. Терпеть такое положение государство больше не могло. Теперь для пополнения казны налогами стали облагать и монастыри, а выморочные земли стали поступать государству, *«в службу служилым людям земли прибавливати»*, т.е. пополнять фонд поместных земель. Дарить их монастырям приговор запретил. Таким образом, приговор способствовал закабалению крестьян вымороченных земель в пользу помещиков. При этом отдельно были выделены торговые люди, платившие казне дань. Их закон ограждал от закабаления, запрещая *«держатъ за собою в закладчиках»*. [18, 19]

Заметим, что имевшиеся на 1584 год у монастырей земли отняты не были, прошло еще 180 лет, прежде чем власть решилась на этот шаг. Однако отмена иммунитетов все равно больно ударила по хозяйству монастырей, а, следовательно, и по положению монастырских крестьян. Помимо феодальной ренты, с сел начали собираться и «полонянничные денги» – то есть государственные дани. Из-за обеднения обитателей стал быстро расти и монастырский оброк. Сборы «по старине» стали отменяться, все волости начали платить одинаковый оброк. Так, в Волоцком монастыре к 1592 году оброк наиболее старой волости – села Осташкова вырос в 4 раза и составлял 150 рублей [20]. Новый общий оброк для всех волостей был установлен старцем Мисаилом Безнином в 1595 году. Увеличение налогов негативно повлияло на уровень жизни монастырских крестьян и спровоцировало их волнения в конце 16 века. [15]

Заключение к главе

Таким образом, в период с 15 по 17 века происходили сложные разнонаправленные процессы развития русского государства, которые неоднозначно влияли на все слои общества, в том числе и на крестьян. С одной стороны, централизация власти привела к возвышению значимости управленческой верхушки (царя, его родственников, думных бояр, советников, дьяков и т.д.), отняв некоторые права (прежде всего суда) у феодалов (удельных князей и их бояр, иных крупных землевладельцев и даже у Церкви), образовав новый быстро растущий класс служилых людей, состоящий из представителей различных сословий. Происходило постепенное изживание полного холопства. Холопы переходили в служилое, крестьянское, городское и ремесленное сословие, приобретая права и волю.

С другой стороны, опираясь на господствующий класс (высшее сословие и служилых людей), власть усилила его права на землю, наследования движимого и недвижимого имущества. Поместное землевладение возникло в Московском княжестве как система вознаграждения за военную и гражданскую службу, что отчасти объяснялось недостатком наличных средств у казны, чтобы оплатить услуги служилого и высшего сословия. При этом подаренная царем земля не всегда была собственностью феодала, закреплённую за ним по наследству. Земли отдавались и во временное кормление, а проживающее здесь население было свободным и только временно записывалось за помещиком.

Были и частновладельческие помещики, имеющую собственную благоприобретенную землю. Эта земля поначалу обрабатывалась нанятыми вольными людьми или собственными холопами. Крестьяне, проживающие на этой земле, поначалу не относились к имуществу феодала. Они могли переселяться в соседние княжества, имели право выхода (то есть свободного перехода от одного землевладельца к другому). Однако землевладельцам это было невыгодно – для кормления с земли требовался труд крестьян, необработанная земля мало, что значила. А переход крестьян в другое княжество затрагивал не только интересы мелкого феодального собственника, но и князя, который в лице ушедших терял плательщиков дани. Землевладельцы стали ограничивать выход крестьян, устанавливая невыгодные для них сроки выхода и обязанность уплаты всех долгов. Первоначально это относилось к наиболее зависимым от землевладельца категориям – старожильцам (давно проживающие на земле феодала), серебрянникам (бравший займы у феодала), половникам (самая бедная категория крестьян, бывших холопов или обедневших горожан, обычно своей земли не имевших).

Правда власть пыталась ограничить произвол феодалов, оставляя возможность свободного перемещения крестьян. Так в Судебнике 1550 года в статье о крестьянском переходе прямо определяется, что, кроме платежа за «пожилое» и за «повоз», других пошлин нет. То есть для свободного перехода крестьянина не требуется никаких расчётов с господином, кроме двух пошлин; господин не имеет никакого права удерживать крестьянина, заплатившего эти две пошлины. *«А дворы пожилые платят в полах за двор рубль два алтына, а в лесах, где десять верст до хоромного (строевого) леса, за двор полтина да два алтына. А пожилое имати с ворот, а за повоз имати с двора по два алтына; а опричь того на нем пошлин нет»* [цитата по 14]. Судебник препятствовал насильственному обращению крестьян в холопы и разрешал крестьянский переход, если даже господин оплатил долги крестьянина. Также закон предоставлял крестьянским общинам право самоуправления, раскладки податей и надзора за порядком. Выборные представители крестьянских общин должны были участвовать в следствии и судопроизводстве. Наместники ни по суду, ни до суда не могли взять под стражу крестьянина без согласия общинных выборных начальников, старост и целовальников. [14]

Конечно, не все соблюдали закон и противоправные действия в отношении крестьян происходили. Служилые люди, злоупотребляя своим возросшим положением, практиковали лихоимство, мздоимство, фабрикацию дел и многое другое. Вспомним, что именно невыносимое поведение служилых людей привело к созыву первого земского собора 1547 года, и вынудило

власть принимать меры. Власти было крайне невыгодно притеснение крестьян, потому что при всей строгости некоторых наших царей установить полный контроль над огромной страной никогда не удавалось. Границы государства всегда были прозрачны. Недовольные произволом крестьяне могли без особого труда покинуть контролируемую территорию: уйти на север к берегам Белого моря, на юг в казачество в Дикое поле, на восток в Сибирь. Пожалуй, только перенаселенные западные рубежи не подходили для мигрантов, там Русь соседствовала с Речью Посполитой, где положение православного крестьянства было гораздо хуже.

Некоторое облегчение крестьяне имели при освоении новых захваченных земель. Отметим, что все эти годы страна все более расширялась. Фактически после взятия Казани и Астрахани, Россия стала империей, включающей в себя разные культуры. Ее политический вес в Европе сильно возрос. Для таких крупных военных операций государству понадобилось перестраивать армию, создавать первый профессиональный род войск – стрельцов. Широкое развитие в 16 веке получило и казачество, как особое сословие.

Глава 1.9. Смутное время и правление новой династии

Централизация власти привела и к негативным явлениям, которые дорого обошлись стране. Превозношение государя привело, к гордыне, к чувству вседозволенности и безнаказанности, тем более что военные и политические удачи как бы подтверждали правоту царя, его богоизбранность, не терпящую критики. Симфония духовной и светской власти нарушилась. Несогласие митрополита Филиппа с царем, привело духовного главу к смерти. Гонениям подвергались и иные духовные лица. Что уж говорить об обычных людях, которые в разное время подвергались притеснениям, пыткам и массовым убийствам (например, при Новгородском погроме 1569 года). А глядя на царя, менялось и его окружение. Думные бояре, боясь впасть в немилость, потакали и подражали своему правителю. Опричники (состоящие из представителей знати и служилых людей) получили различные привилегии, в том числе землю. Беззакония из городов переходили и в деревню, где опричник мог вершить собственный суд. Но беззаконное время это длилось не долго, опричнина быстро доказала свою несостоятельность, просуществовав всего 5—7 лет.

«Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый венценосец, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, впадает в другую крайность, в послабление, вредное государству» писал историк Н. М. Карамзин [цитата по 21]. Не будем вдаваться в подробности царствования Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, т.к. это не относится к поднятой теме. Отмечу только, что любые кризисы, волнения и тем более войны, особенно внутренние, гражданские никогда не обходили стороной русскую деревню. Села, снабжающие город, поддерживающие власть знати и царя, всегда подвергались разорению и ограблению для собственного обогащения и ослабления врагов.

По-варварски повели себя не только поляки, шведы и крымские татары, уничтожая целые города и монастыри, но и русские казаки. Не забудем, что в преддверии Смутного времени случился страшный голод 1601—1603 годов, когда резкое похолодание уничтожило все посеы. Снова процитируем Карамзина [цитата по 21]: *«15 августа жестокий мороз повредил как зеленому хлебу, так и всем плодам незрелым... не видели всходов ни осенью, ни весной: все истлело и смешалось с землей. Между тем запасы изошли, и поля уже остались незасеянными. Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах; убедил духовенство и вельмож продавать хлеб из своих запасов также низкою ценой. И все же в сие время изверги копили, берегли хлеб в надежде продать его дороже!.. Гибло множество в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумертвые, падали и издыхали на площадях. Приставы ездили по Москве из улицы в улицу, подбирали мертвых... в те два года и четыре месяца было ими схоронено 127 тыс. трупов. Пишут, что в одной только Москве умерло 500 тыс. человек.»* (цифры явно преувеличены, население Москвы в первой половине 17 века не превышало 30—40 тыс. человек [22, 23]).

Власть пыталась помочь населению, но беда была слишком велика. Как следствие по стране прокатилась волна голодных бунтов, направленных против знати, удерживающей продовольствие в своих руках. Справедливый гнев быстро переходил в открытый грабеж и жестокие убийства. Особенно сильные бунты происходили на юге страны.

Всего в Смутное время, включая голодные годы, погибло от трети до половины всего населения страны! В описях, проведенных при царе Михаиле, упоминается множество пустых деревень, из которых крестьяне «сбежали» или «сошли безвестно куда», или были побиты «литовскими» и «воровскими людьми». Во многих местах и через 20 лет после окончания Смуты было меньше людей, чем в XVI в. По данным переписей, в Новгородской земле в 1620 г. жило вдвое меньше людей, чем в 1582 г., и в 10 раз меньше, чем в 1500 г.! [24]. В вотчинах

Троице-Сергиева монастыря площадь пашни сократилась в 10 раз. В Замосковье в середине XVII в. распаханная пашня составляла не больше половины земель, учтенных писцовыми книгами [25]. Также были потеряны и огромные территории: Смоленск, Северские и Черниговские земли, Карелия и Финский залив. Сельское православное население в этих землях стало притесняться.

После Смуты новой династии еще долгие годы приходилось восстанавливать силу и честь самодержавной власти. В первые годы правления Михаила Федоровича постоянно заседали земские соборы, решавшие важные государственные вопросы. Восстановлению самодержавия опять, как и во времена митрополита Алексия, поспособствовала Православная Церковь. Вернувшийся из плена патриарх Филарет, являющийся одновременно и отцом царя, стал фактически соправителем сына. Симфония духовной и светской власти была восстановлена. В остальном социальная структура государства никак не изменилась, все сословия 16 века сохранились и в 17-ом.

Служилое и боярское сословие продолжало укрепляться, что происходило привычным путем раздачи земли царем. Новая волна крупных раздач опустевшей земли произошла в царствование Василия Шуйского в 1610 году «за московское осадное сиденье царя Василия Ивановича» и в царствование Михаила Фёдоровича в 1619 году «за московское осадное сиденье королевича приходу».

Продолжилось и закрепощение крестьян. Рассмотрим основной документ 17 века: Соборное уложение 1649 года, которое действовало до 1832 года, то есть без малого 200 лет.

Одной из главных задач Уложения была борьба с крестьянскими побегам, что прежде всего говорит о существовании и размахе данной проблемы [26]. Значительно расширился круг родственников беглых крестьян, подлежащих возврату вместе с ним. Исключалась возможность получения крестьянами убежища, за укрывательство полагался штраф 10 рублей. При чем крестьянин возвращался с имуществом, то есть крестьянин частично оставался еще объектом права (хотя и сам имел право судиться с обидчиками, и быть ответчиком в суде). Срок сыска беглых увеличивался с 5 лет, до 10, а затем бессрочно, отменялись урочные годы. [27]

В то же время землевладельцы имели право закреплять за своими вотчинами и поместьями вольных людей при наличии у них отпускных грамот [28]. Существовал также наём. Крепостной крестьянин мог наняться на работу по договору к другому землевладельцу, причем новый владелец должен был отпустить крепостного после истечения срока найма [27].

Уложение закрепляло потомственную крепостную принадлежность, распространяя ее на членов семьи крестьянина. Заинтересованность феодалов в возвращении крестьян и увеличении их численности была продиктована не только хозяйственными интересами. Одним из решающих факторов служило то, что значение феодальных владений определялось не количеством их земельной собственности, а количеством крепостного населения. К примеру, Уложение запрещало выбирать к губным делам целовальников, подьячих и сторожей из вотчин и поместий, насчитывавших менее 20 крестьян [27].

Именно с 17 века богатство знати стало окончательно измеряться не казной (которая быстро таяла или обесценивалась при неблагоприятных событиях, например, при голоде, когда хлеб стоил десятки рублей), не землей (которая сама по себе, необработанная и заброшенная не могла принести доход), а душами (то есть количеством тружеников, обрабатывающих землю, платящих различные подати и кормы, обслуживающих своего господина). Чем больше человек имел крепостных крестьян, тем более он был богат и влиятелен. Это хорошо усвоил Чичиков из известного произведения Николая Гоголя.

Соборное Уложение включало в себя две формы прикрепления крестьян к земле: прикрепление к поместью и прикрепление к вотчине. В обоих случаях крестьянин выступал как органическая принадлежность земельного имения. По сути, судьба крестьянина соответствовала правовой судьбе поместья или вотчины, к которой он был прикреплен.

Анализ норм Уложения 1649 года, касающихся крестьян, показывает, что они во многом носили сословный характер, власть пыталась четко отделить крестьянское сословие от остальных категорий населения. Так, была запрещена крестьянская собственность на посадах и связанная с нею торговая и промысловая деятельность крестьян в пределах посадов [27]. К тому же Уложение отсекало возможности перехода из крестьянской среды в посадское население. [28]

Но не будем забывать о двух важных положительных факторах в отношениях между слугой и господином, о которых уже упоминалось: 1. Господин старался сберечь и приумножить свою собственность, что вынуждало его содержать в нормальных условиях и крестьян на своей земле. Благополучие феодала напрямую зависело от работоспособности и благополучия крестьян-работников. Умный землевладелец понимал, что строгостью и страхом эффективно работать не заставишь, иначе все разбегутся. 2. Христианское мировоззрение не позволяло знати считать смердов ниже себя, во Христе все равны. Вот что говорится по этому поводу в важном литературном памятнике 16 века Домострое: *«Домочадец (в том числе слуг) своих учи страху Божию и всякой добродетели и сам так же поступай, тогда вместе от Бога получишь милость. Во всякой службе кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу все исполняет – того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьем одарить и всякую просьбу его исполнить»*. [цитата по 29]

И более того, господин должен печься о душах подвластных ему людей: *«Если же нерадив ты в этом – слуг держишь, а заботы о душах их не имеешь, и только поручаешь им дела, так или иначе служить тебе, еду и одежду и всякую службу справлять, – тебе самому за души их отвечать в день Божьего Суда»*. [цитата по 29]

Естественно это не отменяло телесных наказаний за провинность, что не избегала даже жена с чадами. Надо понимать, что нравы и представление о добродетелях были несколько иными, чем сейчас. Все решалось личностями, господа, как и смерды, были разными. Но все же общие понятия предполагали заботу о подвластных. Отметим также, что переписанный протопопом Сильвестром текст Домостроя содержал в себе отрывки гораздо более ранних работ («Измарагда», «Златоуста», «Златой цепи» и др.). Автор фактически только систематизировал и оформил сложившиеся морально-этические нормы поведения, существовавшие на тот момент уже несколько столетий. Следовательно, Домострой имел важное общественное значение в допетровской Руси.

Не знаю кто первый сказал, что русский народ имел рабскую психологию и был очень терпелив и послушен, но история дает нам множество примеров, опровергающих это утверждение. На притеснения последовала реакция. Закон нарушался либо открыто, либо скрытно. Скрытный способ – это побег. Бежали часто, хотя и не всегда удачно. На побег решались только совсем доведенные до отчаянья люди или одинокие бобыли и молодцы, которые искали иной доли. Благо необжитых направлений вокруг было достаточно. Территория страны постоянно увеличивалась. Беглые крестьяне и холопы 16—17 веков органично вливались в ряды казаков, серьезно усиливая влияние последних на жизнь государства. Именно казаки стали основной бунтарской силой на Руси, которую поддерживали наиболее угнетенные слои населения: крепостные крестьяне и посадские люди. Бунты эти были весьма опасны для власти и вели к дестабилизации государства, что в итоге негативно сказывалось на всех. Напомню, что в кровавой резне Смутного времени участвовали не только интервенты, но и казаки (летописи того времени казаков особо не отделяли от воров, татей и разбойников).

Само казачество, как самостоятельная политическая и социальная сила зародилась на окраинах русских княжеств еще в 15 веке (предшественниками можно считать Новгородских ушкуйников, громивших волжские торговые города). На юге в Диком поле в ответ на угнетение крестьян Польшей и Литвой, и на севере, на Вятке, в ответ на угнетение со стороны Новгородской республики и Москвы. Взаимодействие власти с вольным казачеством было разным:

от сотрудничества до войны. Власть как на Руси, так и в Речи Посполитой пыталась легализовать казаков, загоняя их в сословные рамки. В Речи Посполитой это привело к продолжительной войне и присоединению Украины к России. А в нашем отечестве, благодаря единому вероисповеданию и предоставлению широких прав (прежде всего, вольности и земли) казачество в итоге к 18 веку стало отдельным классом общества. По сути казаков можно считать бывшими смердами, которые смогли отвоевать свои права и доказать государству свою жизнеспособность, самостоятельность и пользу.

Самое масштабное крестьянское восстание 17 века произошло в 1667—71 годах под предводительством донского казака Степана Разина. Причин было много: прошедший в 1654—55 годах мор и вызванный ею голод, закрепощение крестьян, общее экономическое ослабление государства, повышение налогов и др. Многие крестьяне бежали на Дон, становясь там беднейшими, в отличие от оседлых, казаками, которых называли голутвенными (т.е. голытьбой). Именно такие казаки чаще всего примыкали к бунтам и грабежам в центральной России.

Войска Разина взяли Астрахань, Камышин и Царицын, где казнили дворян. Разин объявлял людей свободными, что способствовало быстрому увеличению его армии, в основном за счет бедняков, крестьян и некоторых малых поволжских народов (марийцев, чувашей и др.). Численность его армии по разным оценкам достигала 200 тысяч человек [30]. Жестокие расправы с обеих сторон и размах бунта (а по сути настоящей крестьянской войны) показали, что страна находилась в глубоком кризисе.

Вспоминая эффект исторической инерции, несложно понять откуда взялись преобразования Петра I. Именно тогда в середине 17 века произошел настоящий раскол общества. Когда знать стала чураться народа. Многие нерешенные проблемы 17 века привели в последствии и к революции 1917 года. Сама личность Петра Алексеевича, его детские травмы, его воспитание и его последующий образ жизни наглядно показывают в каком тяжелом духовном, политическом и социальном кризисе находилась страна. Петр довершил правовой и духовный раскол общества. С 18 века между народом и знатью образовалась непреодолимая культурная пропасть.

Защита интересов знати, увеличение служилого сословия, содержание стрельцов, военные расходы, различные непредвиденные беды тяжким бременем ложились на самые низшие слои населения. Отдельной катастрофой 17 века является религиозный раскол. Невозможно переоценить его тяжкие духовные последствия, нерешенные до сих пор. Причиной духовного кризиса явилось нарушение хрупкой гармонии церковной и царской власти. Алексей Михайлович стал активно вмешиваться в церковные дела. Именно тогда произошла окончательная победа светской власти над религиозной. До поры до времени царь был религиозным, но не по долгу, а по собственной воле, уже тогда патриарх стал полностью подчиняться ему. То, что его сын Петр отбросил показную религиозность – это следствие его воспитания и сложившегося отношения к церковной власти. Показателен здесь короткий период правления Софьи, борьба Милославских с Нарышкиными, сопровождавшаяся бунтами, насилием и убийствами, в том числе родственников Петра. Где был патриарх? Почему его слова и его действия не повлияли на стрельцов, которые воспитывались в православной вере, в почитании Церкви и ее иерархам? Петр лишь логично довершил начинания отца, упразднив патриаршество и, тем самым, убрав любую возможность ограничения собственной власти.

Почитание церковной власти в народе было также поколеблено. После раскола в стране появилось множество старообрядцев, не признающих патриарха и его епископов, а зачастую и царскую власть. В ответ правительство жестоко преследовало еретиков, убивая и ссылая их. Особо ревнивые в вере сами сжигали себя и уходили в тайгу. Гонения различной силы и интенсивности продолжались аж до 1905 года! Жертвами этих религиозных преследований стали сотни и тысячи людей разных сословий: бояре, священники, монахи, крестьяне, купцы и т. д. Фактически на нелегальном положении оказались целые сообщества людей, населявшие

обширные земли. Сложились целые старообрядческие края: Гуслицы под Москвой, Керженцы на Поволжье, Поморье на Русском Севере, некрасовцы на Дону и т. д. В России стала существовать другая Россия, со своими традициями, культурой и религией. По переписи 1897 года в Российской империи насчитывалось 2 204 596 старообрядцев. [32]

Итак, подведем итоги. К концу 17 века окончательно завершилось закрепощение крестьян, которые стали прикрепляться не к земле, а к личности, к определенному помещику. Право перехода крестьянина от одного владельца к другому в Юрьев день (26 ноября), прописанное в Судебнике 1497 года было полностью отменено уже в Соборном уложении 1649 года. Феодал получил право отчуждать своих крестьян (то есть продавать, закладывать, дарить и т.д.) без каких-либо ограничений. Крестьянин, таким образом, становился собственностью дворянина. Реформы Петра I закрепили данное положение.

Все эти негативные процессы не могли не повлиять на жизнь русской деревни. В итоге к началу 18 века окончательно оформились все сословия, просуществовавшие до революции. Крестьянство в силу различных исторических процессов также имело свою внутреннюю классификацию. Не все крестьяне имели одинаковые права и обязанности. Жизнь их сильно различалась не только из-за различного юридического статуса и земельно-имущественных отношений, но и из-за личных качеств, талантов и способностей.

В заключении можно отметить, что становление русской деревни происходило путем вынужденной и добровольной миграции русских из центральной Европы на восток и север. Вышеописанные исторические события говорят о том, что русское село формировалось в суровых условиях, обусловленных, как негативными социальными факторами (нападения внешних врагов, междоусобная брань, закрепощение и пр.), так и неблагоприятными природными явлениями (суровый климат, бедные почвы и пр.). Тем более удивительно, что вопреки всему русское крестьянство смогло не только сохраниться, но еще и освоить огромные пространства, расширив русский мир до громадных размеров. Это говорит о том, что наши предки отличались завидной тягой к жизни и труду, не унывали в бедах и упорно отстаивали свое право на существование в жестоком мире.

Несомненно, положительную роль в становлении средневековой русской деревни сыграло Православие, которое привнесло в жизнь русских крестьян высокий бытийный смысл, помогло морально справиться с имеющимися горестями и преобразила культурную жизнь человека. Это утверждение может показаться странным, учитывая, что церковная иерархия средневековой Руси принимала активное участие в закрепощении крестьян, особенно после победы иосифлян. Однако, надо понимать, в какое время жили и творили церковные деятели. Мир уже давно находится в падшем состоянии, поэтому проявление греховности соседствуют с раскаянием, прозрением и подвигами, такова главная особенность духовного развития любого человека и общества в целом. Именно поэтому и сама Церковь не считает признанных святых безгрешными людьми. Святость и безгрешность не одно и то же. Святыми в Православии называются те люди, которые вопреки своей падшести смогли стяжать в себе Святой Дух, достигнуть духовного совершенства и преобразить мир вокруг себя, быть выше того общества, в котором они жили. При этом поведение различных святых нужно оценивать по-разному. Здесь нет какого-то универсального образца, нельзя перекладывать подвиг одного святого на действие другого, потому что нельзя вырывать его поведение из контекста происходящих вокруг событий. Здесь важен именно конечный результат. Например, смиренное поведение мучеников совсем не подходило для благоверных князей, защищавших *«землю Русскую и веру христианскую»* с оружием в руках. Стал бы святым Александр Невский если бы смиренно уступил крестоносцам? Когда солдаты пришли к пророку Иоанну Предтечи и спросили, что им делать, святой не сказал им отказываться от службы и становиться пацифистами. Он лишь сказал: *«никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем»* (Лук. 3:14). Служение Богу может быть разным и не нам судить средневековых святых.

Тяжелым и мучительным был путь христиан в преображении человечества. Заслуги средневековой русской Церкви могут показаться наивными и незначительными, однако глупо было бы требовать от людей другой эпохи безупречности и соответствия современным представлениям о справедливости и любви. Собственно говоря, то, что нам сейчас кажется диким работорговля, закрепощение и смертная казнь – это заслуга средневековья, которое постепенно двигало развитие человеческой культуры в нужном направлении, более соответствующим евангельским истинам.

Как верно заметил публицист Сергей Худиев, современных либералов не смущает, что президент США Томас Джефферсон, ратующий за равноправие всех людей, был рабовладельцем и принимал участие в геноциде индейцев. Его заслуга была в том, что он смог, вопреки общественному мнению и существующей обстановке, призывать людей к построению более совершенного общества, признавая ужасающее положение угнетаемых наций. Его идеи позже были подхвачены другими политическими деятелями, которые уже смогли осуществить их на практике. Почему же у нас тогда должно быть иное отношение к христианству? [32]

В конце концов историю, как и всю жизнь в принципе, следует воспринимать цельно. Святые разных эпох – это ступени, ведущие к Богу. Все они взаимосвязаны и имеют строгую иерархичность – одни ниже, другие выше, но все они нужны, все вместе они образуют лестницу спасения. Именно в их соборности, в их единстве и проявляется весь смысл и назначение человечества, призванного стать святыми и богоподобными. Именно все вместе они и составляют Вселенскую Церковь.

Часть II. Жизнь русской деревни

«Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил, здоровья и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастье ваше руководствует ко благосостоянию всего государства»

(пожелание Н. И. Новикова «поселянам» на новый 1770 год в журнале «Трутень»)

«Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей».

(М. В. Ломоносов)

«Ясно, что этому самому могущественному из всех народов, так основательно исследующему свои жизненные условия и с такой преданностью думающему о том, как их улучшить, должно принадлежать будущее этого мира»

(немецкий статистик Е. Ресле)

Глава 2.1. Различные категории крестьян XVII – XIX веков

Так как страна, несмотря на все перипетии истории, все возрастала и укреплялась, то с нею развивалось и крестьянство. Сформировалось несколько категорий крестьян, которые серьезно различались друг от друга по своему положению. При чем русская деревня существовала не только в России, но и в Речи Посполитой (в части великого княжества Литовского), где русское православное население сильно притеснялось. Такое положение сохранялось вплоть до середины 17 века, пока ряд катастрофических событий не ослабил это государство. Итак, разберем основные категории крестьянства, сложившиеся к началу 18 века.

Как известно самыми крупными землевладельцами на Руси были: князь (царь), бояре (дворяне) и Церковь. Следовательно, и крестьяне, проживающие на этих землях, подразделялись на государственных, крепостных (помещичьих) и монастырских (церковных). Теперь разберем более подробно все разновидности этих категорий.

Государственные крестьяне

Сам этот термин появился поздно, только при Петре Первом, который разделил в 1724 году все население империи на податное и не податное сословие. До этого крестьяне, принадлежащие князю (царю), назывались по-разному. Все они несли разные повинности – тягло. Тягловые крестьяне платили определенную подать государству (в денежном или натуральном виде), кормы представителям власти на местах (различным служилым людям: судным дьякам, посельским, сборщикам налогов и т.д., позже все они стали называться государственными чиновниками) и выполняли иные обязанности: городское дело (восстановление зданий после пожара, строительство инженерных сооружений: каналов, земляных валов и др.), военное ополчение и, наконец, княжчина (тоже самое, что у помещичьих крестьян называлось барщиной, т.е. даровой сельскохозяйственный принудительный труд в пользу землевладельца). При этом все государственные крестьяне считались свободными, хотя и прикрепленными к земле.

В разряд тяглых входили и черносошные крестьяне, земля которых составляла их собственность. Они могли продавать ее или отдавать в залог и ренту. Покупщик, правда, обязан был еще дополнительно «обелить» участок, т.е. заплатить общинные пошлины и выполнять общинные обязанности. Исторически сложилось, что черносошные крестьяне жили преимущественно на малоосвоенных окраинах страны с суровым климатом, особенно в Сибири и на Русском Севере. Это было логично, т.к. государству сложно было эффективно управлять дикими окраинами, которые к тому же не приносили дохода от сельского хозяйства, ценность такой бедной земли была фактически нулевой, поэтому власть была только рада, что нашлись люди, готовые облагородить тайгу и жить в таких суровых условиях. За свободу и земельные права крестьяне платили тягло, в основном в виде денег или корма (при чем далеко не всегда сельскохозяйственного, а, например, в виде дичи, рыбы, ягод). Особой данью считался ясак – сбор пушнины, которая очень ценилась. Выделялась даже отдельная категория ясачных крестьян, которая платила налог исключительно пушшиной. Представителями ясачных крестьян были народы севера и Поволжья.

Но суровые климатические условия и бедная земля еще не говорит о том, что черносошные крестьяне жили бедно. Окружающая их природа с лихвой компенсировала тяжелый земледельческий труд. Люди занимались сбором ягод и грибов, ловлей рыбы, охотой, пушным промыслом, бортничеством, изготовлением различных товаров. Долгие зимы приучили русского крестьянина не к лени, как считают некоторые обыватели (крестьяне никогда не сидели без дела, подробнее об этом в главе 2.3), а к альтернативному труду, к развитию предприимчивости. Северяне, не знавшие крепостного права, стали заниматься торговлей, причем не только внутренней, но и внешней – с другими государствами (до начала 18 века единствен-

ный выход к морю был именно на Севере с портом в Архангельске), что способствовало развитию и первых фабричных производств. Также занимались ремеслами: невозможно переоценить сколько уникальных ремесел зародилось в этих местах: мезенская и пермогорская роспись, резьба по бересте, дереву и кости, чернение по серебру, вышивка, кружевоплетение, гончарное производство и многое другое. Отдельной сферой деятельности была архитектура: это не только удивительные по практичности и красоте крестьянские избы и хозяйственные постройки, но и поражающее воображение деревянное храмоздательство. Все эти факты говорят, что черносошные крестьяне имели силы и средства для обживания и преобразования своего края. Это значит положение их было вполне сносным, а свобода почти неограниченной.

Тяжелее положение государственных крестьян было в Литве, где основной рентой земли была панщина (барщина), дополнительными налогами облагались православное население, хотя в Литве до слияния с Польшей свободным считалось практически все население княжества. Тем более представителями реальной власти в Речи Посполитой были именно помещики (шляхта), а не король. Так что крестьяне одновременно являлись казенными и помещичьими.

Однако после Петровских реформ положение государственных крестьян стало постепенно ухудшаться. Земельные наделы крестьян сокращались, в то время как повинности росли. Не забудем и о постоянном увеличении численности населения, что также вело к малоземелью, увеличению плотности и уменьшению ресурсов. На том же Русском Севере, где земля была малопродуктивной, это также почувствовали: многие обедневшие крестьяне в 18—19 веке стали заниматься отходничеством (т.е. зимой уходили из деревень в город или к помещику для выполнения различной работы за плату). В Сибири эта проблема так остро не стояла, т.к. обширная территория еще была мало заселена.

Реформы Петра вполне объяснимы. Имея имперские амбиции, царь мечтал расширить страну и выйти к морю для ведения торговли на мировом уровне. Корабль тогда считался наиболее эффективным и быстрым средством передвижения и перевозки товара. Собственно, это была не новость, уже при Рюрике существовал водный торговый путь из «Варяг в Греки». Но морская навигация 18 века требовала совершенно иной подготовки кадров и иных транспортных средств. А еще корабль стал эффективной боевой машиной, серьезно влияющий на ход войны. Так вот, для достижения своих целей Петру требовалась современная армия и флот. Для подготовки к войне и ее ведению и для иных грандиозных планов царя, требовалось множество средств и рабочих рук. Все это легло тяжелым грузом на податное население страны, и больше всего на крестьян. Были увеличены налоги. Царь старался сделать своими (государственными) как можно большее число крестьян. Например, за счет беглых помещичьих крестьян. Этот процесс негласно поощрялся властью. Черносошные, сибирские пашенные и другие окраинные крестьяне также переходили в число государственных, как и сельские жители захваченных территорий (Прибалтики, Правобережной Украины, Белоруссии, Крыма, Закавказья), бывшие крепостные конфискованных имений шляхтичей Речи Посполитой, а также часть служилых людей (например, однодворцев, населяющих в основном западные и юго-западные окраины империи и несшие пограничную службу) и другие. [33]

Армии также требовались даточные люди. С 1705 года Петр ввел в России рекрутскую повинность для всех слоев населения с пожизненным сроком, в результате чего уже к 1708 году численность войск возросла с 40 тысяч до 113. Позже от этой повинности стали постепенно освобождаться наиболее влиятельные сословия: дворяне (в 1736 году срок службы ограничился 25 годами, при этом одного брата освобождали, а с 1762 дворяне от этой повинности были освобождены полностью), купцы (за это платили особый денежный взнос), мещане (могли заплатить отступные, дать взятку для перехода в купеческое сословие или договориться о замене), почетные граждане, дети церковнослужителей и т. д. Только крестьяне никогда не освобождались от рекрутской повинности. Отметим, что пожизненный срок службы для крестьян был заменен на 25 лет только в 1793 году, до 15 лет срок службы сократили только

1860-х годах, до 7 лет с 1874 года. В низших сословиях выбор лица для прохождения службы определяла община. Кстати, любой призывающийся на службу (даже крепостной) имел право на замену, договорившись с купленным человеком или наемным добровольцем. [34]

Вскоре начали появляться интересные гибриды солдата и селянина. Пожизненная служба вынуждала власть обустраивать жизнь солдат, что было удовольствием не дешевым. Тут было два варианта сотрудничества, либо человек принадлежащий к военному сословию, за льготы и права, обязывался служить, но находился на самообеспечении (как казаки), либо государство брало солдата на полное довольствие, однако он, помимо военной службы, обязан был заниматься и сельскохозяйственными работами.

Сначала такие военные поселения стали появляться на окраинах страны, особенно на юге и юго-западе, у Дикого поля, откуда исходила постоянная военная угроза. Поселенное войско несло в основном пограничную службу, в свободное время занимаясь сельским хозяйством. К таким солдатам-крестьянам относились и бывшие однодворцы, украинские служилые люди, стрельцы, пушкари, засечные стражи, казаки, пашенные солдаты и драгуны. Первые регулярные войска такого рода были образованы еще в 1640-х. Жители засечных городов и сел в 17 веке состояли в основном из людей, этой категории. Позже в 18 веке, когда граница отодвинулась далеко на юг, «старых служб служилые люди» участвовали в комплектовании и содержании ландмилиции (тоже военная категория служилых людей, но расположенная уже в глубине страны и по сути выполняющая надзорные и полицейские функции), платили подушную подать, отбывали постоянную, подводную и дорожную повинности, имели земельные наделы по 10—30 десятин, а некоторые даже собственных крепостных. [35]

Пашенные солдаты и драгуны в 17 веке имели свои поселения и на северо-западных окраинах, в Олонецком и Старорусском уезде (в 18 веке на этих территориях они были переведены в категорию тягловых крестьян), их часто использовали не только для несения пограничной службы, но и в дальних военных походах. [36]

На Украине часть потомков однодворцев и слободских казаков в 1765 году были переведены в особую категорию войсковых обывателей. Они также принадлежали военному сословию, участвовали в комплектовании армии и военных сборах. В 1837 году они были переданы в гражданское управление, тогда их насчитывалось довольно много: около 400 тысяч. В 1866 году эта категория была упразднена. [37]

Особое место в российской истории занимают военные поселения, образованные Александром Первым (а не графом Аракчеевым, как многие полагают, он изначально был против них, однако позже стал основным исполнителем воли императора) и существовавшие с 1810 по 1857 годы. К концу 18 века все существующие военные поселения были упразднены и вошли в состав казачьих войск, либо слились с населением городских и казенных селений. Но в эпоху наполеоновских кампаний Александр задумался над возвращением такой формы поселений, для подготовки многочисленного военного резерва. Вместе с тем император старался сэкономить средства на их содержании, а также улучшить положение нижних чинов и дать им во время службы возможность оставаться в семье. Многие советники и генералы были против этой идеи, экономическая выгода представлялась весьма спорной и неоднозначной. На деле бывшие солдаты оказались плохими земледельцами, поэтому позже в категорию военных поселян стали просто переводить местных государственных крестьян.

Для их содержания и перевода в военное сословие тратились огромные средства: строились типовые жилые дома, административные здания, дороги и т. д. Само положение таких солдат было никак не лучше других государственных крестьян. Жизнь шла строго по уставу, работали без устали, весь день протекал под надзором начальства, даже дочери выдавались замуж по назначению начальника, а не родителя. Многие крестьяне активно сопротивлялись переводу в военное сословие, стали происходить бунты и беспорядки в 1817 году в Новгородской губернии, в Южном Буге, в 1819 в Таганроге, в 1830—31 годах в военных поселениях

проходили крупные холерные бунты, в которых дело дошло до убийства офицеров и врачей. [38, 39]

Служба офицеров была также незавидна, кроме обучения поселян маршировке и фронтовой службе, офицеры обязаны были руководить земледельческими работами, наблюдать за домашним хозяйством поселян и отвечать за каждое упущение своих подчинённых. Сами офицеры находились под постоянным надзором вышестоящего начальства. При этом им запрещалось переходить в другие полки. Одним словом, плохо было всем. Военные поселения показали, что данная форма себя не оправдала, служить и крестьянствовать одновременно получалось плохо, неэффективно и накладно. Тяжелы были условия жизни, смертность превышала рождаемость. Хозяйственная диктатура государства оказалась провальной, но, чтобы это осознать потребовалось почти 50 лет!

Еще одним видом государственных крестьян были дворцовые, по аналогии с дворовыми людьми у помещиков. Как видно из названия данные крестьяне принадлежали лично царю и членам его семьи. Сначала основной обязанностью дворцовых крестьян было снабжение великокняжеского (царского) двора продовольствием. Для управления этими крестьянами в 16 веке был учрежден Дворцовый приказ. С расширением страны, росло и число дворцовых крестьян. К началу 18 века уже насчитывалось около 100 тысяч дворов. Одновременно с этим шла и раздача таких крестьян, в основном царским родственникам, фаворитам и ближайшим сподвижникам. Но такая раздача восполнялась отнятием тех же крестьян у опальных дворян и за счет присоединенных территорий. [40]

До начала 18 века управлялись дворцовые волости приказчиками и иными представителями власти, затем практиковалось и местное самоуправление через общины. С 16 по 18 века дворцовые крестьяне платили денежный и натуральный оброк, снабжали двор дровами, продовольствием и выполняли иные повинности. С 18 века наиболее важным стала денежная рента, поэтому с 1753 большинство было переведено только на денежный оброк. В целом положение этого вида крестьян было лучше остальных, они имели большую свободу, могли заниматься торговлей и ростовщичеством, многие стали зажиточными. В 19 веке выход в мещанство и купечество дозволялся лицам мужского пола при уплате выходных денег за всех членов семьи, женщинам – через замужество. В 1797 дворцовые крестьяне были преобразованы в удельных, проживающих на землях, принадлежащих императору и его семье. К тому времени их насчитывалось уже 467 тысяч. [41]

При росте численности обозначилась та же проблема, что и у других категорий крестьян – обеднение от малоземелья. Власть пыталась бороться с этим, передавая в пользование казенные земли или покупая у помещиков, но на деле эти меры не принесли никакого эффекта, достаточно земли было только на окраинах империи, особенно на севере и востоке.

Дополнительную напряженность вносил передел земли после каждой ревизии, то есть в центральных губерниях удельные крестьяне не получали землю по наследству. Пытались делить и за счет многоземельных крестьян, однако это вызывало недовольство последних. К тому же местное начальство в целом неохотно шло на какие-либо изменения. Более успешным оказалась временная аренда земли у помещиков и зажиточных крестьян.

Помимо этого, власть пыталась повысить эффективность хозяйствования селян. Для этого в 1830-х близ Петербурга было открыто Земледельческое училище. Департамент уделов распространял использование улучшенных пород скота, семян, садовых растений. Кстати говоря, именно удельные крестьяне по настоянию департамента первыми стали массово использовать в хозяйстве картофель. Все это имело положительный эффект, хотя и не очень заметный, т.к. руководителями начинаний на местах были чиновники, не обладающие нужными знаниями.

С 1820-х принимались и систематические меры для распространения начального образования среди крестьян. Меры эти заключались в учреждении удельных и частных училищ. Кре-

стьяне неохотно отдавали детей в школы; поэтому ученики принудительно набирались сельскими властями. За недостатком подготовленных учителей, преподавание было поставлено весьма неудовлетворительно и ребёнку приходилось учиться очень долго (до 8 лет). К 1861 году в удельных имениях насчитывалось 376 приказных училищ и 1885 частных; в первых – учились 11400 мальчиков, во-вторых – 16800 мальчиков и 9560 девочек. [41]

Совершенно иным представлялся другой тип государственных крестьян – приписные, которые существовали в период 17 – середина 19 веков. Часть дворцовых, экономических (бывших церковных) и некоторых иных государственных крестьян вместо уплаты подушной подати приписывалась к фабрикам и заводам. Особенно широкое распространение такого типа крестьян началось в 18 веке, когда государству срочно потребовалась большая и дешевая сила для открывающихся крупных мануфактур и заводов, особенно в сфере тяжелой промышленности, на Уральских заводах Строгановых. Обычно прикреплялись без определенного срока, то есть навечно. Положение этих крестьян было тяжелым, контроль императора над приписными людьми был минимальным, они фактически являлись крепостными заводчиков и промышленников, как заводские и посессионные крестьяне. Невыносимые условия жизни вызывали побег и бунты. Многие уральские и сибирские рабочие присоединялись к крупным восстаниям, например, Емельяна Пугачева. От обязательных заводских работ на уральских горных заводах приписные крестьяне начали освобождаться только по указу 1807 г. Затем этот тип был упразднен и крестьяне перешли в категорию посессионных, окончательно освобожденных после 1861 года. [42]

Несколько слов скажем и о ямщиках. Страна была обширной, для эффективного управления требовалось множество дорог и людей их обслуживающих. Ямщики не были в полном смысле крестьянами, но относились к тягловому населению и были выходцами из села. Они исполняли особую ямскую повинность (извоз людей, грузов, почты), изначально выбирались общиной тех селений, где располагались почтовые станции и постоялые двory. За службу им выплачивалось жалованье, при этом община брала на себя обработку земли ямщиков и уплату податей. Также ямщикам позволялось заниматься и частным извозом, если это не мешало государственной службе. Ясно, что при таких выгодах в крестьянской среде всегда находились добровольцы. Часто ямская служба переходила по наследству потомкам. В 17 веке ямщики относились к служилому сословию, а в 18 веке переведены в государственные крестьяне. До отмены в 18 веке ямской повинности, ямщиков селили в особых поселениях, созданных при почтовых станциях – ямы. А с 18 века они селились в особых слободах при городах. Им также выделялась государственная земля для сельскохозяйственной обработки. [43]

Таким образом, видно, что владение крестьянами было выгодно власти. Прямые подати и иные повинности пополняли казну и обогащали государство, поддерживали промышленность и обеспечивали продовольственную безопасность властной верхушки. Крестьянство являлось доступным и эффективным ресурсом страны. Власть не гнушалась отнимать крестьян как у помещиков, так и у Церкви. Проведенная в 1764 году секуляризация церковных земель, дала государству тысячи новых рабочих рук и огромные площади земли, бывшие церковные крестьяне стали называться экономическими, т.к. ими заведовала коллегия экономики. Петр и последующие императоры стремились создать мощное государство, опирающееся на самодержавную власть. Все слои населения должны были поддерживать и развивать огромный государственный механизм, каждый должен был выполнять свою задачу в соответствии со строгой сословной иерархией. На 1719 год по данным первой ревизии государственных крестьян насчитывалось 1,049 млн. человек (то есть 19% от всего земледельческого населения страны), а по 10-й ревизии 1858 года уже 9,345 млн. человек (45,2% земледельческого населения) [44]. Государство пыталось по-своему заботиться о своих крестьянах (особенно дворцовых, живших лучше других), но положительный эффект был незначительным. Этому способствовали как непродуманная политика, нежелание местной власти что-то менять, так

и сопротивление самих крестьян. А более пристальный контроль власти приводил и к совсем плачевным результатам, как в военных поселениях. К середине 19 века все острее стало обозначаться проблема малоземелья и обеднения крестьян, особенно в центральных губерниях, требовалось кардинальное исправление ситуации.

Но положение государственных крестьян по сравнению с крепостными было заметно лучше. Они обладали широкими юридическими правами (выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью, движимым и недвижимым имуществом), считались свободными, хотя и прикреплялись к государственной земле (но при этом имели право совершать земельные сделки), им разрешалось вести розничную и оптовую торговлю, в связи с чем была возможность перейти в купеческое или мещанское сословие, открывать фабрики и заводы. С 1801 года они также имели право покупать и владеть на правах частной собственности «ненаселёнными» землями (то есть без крепостных крестьян). Конечно, и здесь крестьяне жили неодинаково, что зависело от множества факторов. Некоторые были бедными и безземельными (в 1840 году до 325 тысяч душ). Положение стало ухудшаться в основном из-за перенаселенности центральных губерний, именно здесь жило наибольшее число безземельных крестьян всех категорий. [45]

Крепостные крестьяне

Еще одним крупнейшими землевладельцами в России являлись представители высшего сословия – дворяне-помещики, которые также имели своих крестьян, называемых крепостными. Численность крепостных крестьян была значительной. По 10 ревизии, проведённой в 1857—59 гг. с целью подготовки реформ в империи насчитывалось 23 069 631 таких человек, что составляло 34% от всего населения [46]. Они проживали в 52 губерниях и областях из 65 имеющихся. Наибольшее число крепостных было в центральных губерниях, например, в Смоленской и Тульской – 69% от общего числа населения. В Польше, Прибалтике, Финляндии, на территории Средней Азии и современного Казахстана крепостных практически не было. [47]

Основным отличием крепостных крестьян от государственных было в том, что исполнять повинности и платить подати они должны были помещику, а не государству. Косвенно на них ложилась и государственная нагрузка, т.к. помещик обязан был платить налоги за своих крестьян и исполнять иные обязанности (например, рекрутскую повинность). Положение оглядалось еще и тем, что в действующем законодательстве отсутствовало точное определение повинностей крестьянина по отношению к помещику, что вело к злоупотреблению последних. Государственного контроля не было никакого. Царь исходил из того, что помещик, имея обязанности перед государством, являясь добрым христианином и исходя из личной выгоды, будет сам хорошо заботиться о своих крестьянах и содержать в порядке свое хозяйство. Все это вело к произволу помещиков, пытавшихся за счет крестьянского труда, обеспечить себе безбедную жизнь и положение в обществе. Поэтому положение крепостных было намного тяжелее государственных крестьян. Они не имели ни собственной земли, ни личной свободы. Как говорил В. Ключевский: «Закон всё более обезличивал крепостного, стирая с него последние признаки правоспособного лица» [цитата по 48]. При этом право владения крестьянами с 1746 года закреплялось исключительно за дворянами, другие сословия, в том числе и Церковь этого права лишились. Но и здесь была своя классификация.

Помещичьи крепостные подразделялись на барщинного, оброчного и смешанного типа. Основной повинностью барщинных крестьян была отработка барщины (принудительный труд в пользу помещика). Как говорилось выше, объем и продолжительность работ не были регламентированы законом, поэтому в разных поместьях и в разных уездах эти работы сильно отличались. Правда Павел I в 1797 году издал манифест, в котором запретил эксплуатировать крестьян более 3-х дней в неделю, но в реальности исполнение этого манифеста исполнялось не всегда. Помещик практически неограниченно распоряжался судьбой крестья-

нина: с 1747 мог продать в рекруты, с 1760 года ссылатъ в Сибирь, с 1765 года отправлять и на каторжные работы, имел право наказывать, в том числе и розгами. [49]

Оброчные крестьяне барщину не отработывали, но платили оброк – денежную или натуральную дань. Соответственно смешанный тип – это оба вида повинности, распределенные в разной степени. Крестьянин мог подать прошение помещику с просьбой об изменении повинности. В целом оброчные крестьяне были более предприимчивыми, т.к. они не всегда связывали свою деятельность с сельским хозяйством, заработать на оброк можно было и другими способами, многие из них занимались ремесленничеством, торговлей, отхожими промыслами и другим. Были и такие умники, которые сдавали землю помещику в субаренду и неплохо зарабатывали на этом. Причем денежный оброк иногда был дифференцированным, в зависимости от финансового положения крестьянина или даже распределялся крестьянами самостоятельно через общину.

Положение крепостных, как уже говорилось, зависело от личности помещика. Как писал П. Пестель *«У самых добрых господ они совершенным благоденствием пользуются. У самых злых они в совершенном злополучии обретаются. Между сими двумя крайностями существует многочисленное количество разнообразных степеней злополучия и благосостояния»* [цитата по 50]. Поэтому крестьяне далеко не всегда стремились выйти из крепостной зависимости, боясь лишиться покровительства своих господ. Помещики в сложных ситуациях помогали крестьянам выдачей хлеба, скота и денег. Расходные ведомости, хранящиеся в Государственном архиве Курской области свидетельствуют о том, что наиболее часто безвозмездно или в ссуду крестьянам предоставлялся скот. Были конечно случаи и жестокого обращения, и эксплуатации крестьян. Например, в той же Курской губернии, проживала помещица О. Брискорн, которая перевела все население на барщину, затеяла строительство суконной фабрики, беспрестанно наказывала не только взрослых, но и малолетних крестьян. Ухудшение жизни привело к высокой смертности людей в ее поместье. А другой помещик Синельников, устроил в своем поместье тюрьму, где держал 17 человек, в том числе детей. [51]

Но в целом надо признать, что в критических ситуациях помещики почти всегда помогали крестьянам. Это объяснимо не только добрым расположением и моральными качествами первых, но и здравым смыслом, т.к. ухудшение жизни крестьян вело к снижению их тягоспособности, а значит и к деградации всего поместья. К тому же государство обязывало помещиков заботиться о своих крестьянах, что не всегда являлось формальностью.

В целом с 1760-х гг. отмечался массовый перевод крестьян с барщины на оброк, особенно в Нечерноземье, что было вызвано экономическими причинами: реформами в сфере торговли и промыслов, частыми неурожаями, ростом промышленности. Из-за неблагоприятных климатических условий и экстенсивного сельского хозяйства крестьяне, особенно в Нечерноземье, не могли обеспечивать себя достаточным количеством хлеба для нормальной жизни. Так, во второй половине 18 века в среднем для Европейской России на едока приходился 21 пуд хлеба при норме потребления в 24 пуда. В беднейшей группе крестьянства (35,9% дворов) наблюдался недостаток в 5,6 пуда, а в средней (48,9% дворов) – 4,1 пуда. [1384]

Интенсификация сельского хозяйства при быстром росте населения не могла исправить бедственного положения и единственным эффективным способом справиться с проблемой оказался оброк – то есть переход крестьян на неземледельческие занятия (отходничество, промыслы, торговля и т.д.). Это было выгодно как помещикам, так и самим крестьянам. Первые могли поддерживать и развивать свое имение, вторые – развивать новые навыки, получать известную долю свободы действий, а также иметь сторонний заработок и поддерживать свое хозяйство. Оброчные крестьяне часто уходили в город на заработки, получая временный паспорт (письменный отпуск) у помещика. Адекватные помещики не только не препятствовали отходу, но и часто принуждали своих крестьян к нему. Так, в инструкции кн. М. М. Щербатова содержится следующее требование: *«Понеже крестьянин, живши дома, большой себе прибыли*

получить не может и для того не токмо отпускать, но и принуждать их ходить в работы, и всегда, когда крестьяне потребуют паспортов, прикащику им немедленно давать». [1384]

Еще до отмены крепостного права, по указу «о вольных хлебопашцах» от 1803 года, крепостные крестьяне могли выкупать себя и членов своей семьи, или просто получать вольную за какие-то заслуги, что зависело от воли помещика. Чаще всего вольную давали за выкуп для получения быстрой прибыли, особенно если помещик остро нуждался в деньгах. Много зависело и от личных качеств и взаимоотношений барина и крепостного. Выделялась даже особая категория заделных крестьян, которым помещики платили за работу по соглашению деньги или продукты.

Другой крупной категорией крепостных были горнозаводские крестьяне, по аналогии с приписными, только принадлежали они не государству, а горнозаводчику или промышленнику. Возникли они в 17 веке с началом развития горной промышленности на Урале, в Карелии и Алтае. Но настоящий расцвет данного вида эксплуатации крестьян начался с правления Петра I. С развитием производства в России заводы и фабрики стали появляться в поместьях всех губерний. Изначально крестьяне и мастеровые люди, работающие на заводах, были государственными, но постепенно они переходили в крепость от заводчика, который скупал вместе с заводом и рабочих. За переработку хозяин предприятия должен был платить, но также имел право жестоко наказывать провинившихся. Уже Никите Демидову Петром было дано разрешение наказывать батогами и плетью, сажать в оковы. Положение как горнозаводских, так и приписных крестьян было тяжелым, помимо заводской повинности они занимались и сельскохозяйственными работами. Поэтому нередко происходили бунты, жалобы и побеги. При восстании Пугачева многие крестьяне данной категории переходили на сторону самозванца. Екатерине II во избежание повторения бунта пришлось заняться улучшением жизни горнозаводских крестьян. Манифестом 1779 года были точно определены обязанности крестьян на заводе, позже запрещены наказания. Но все это относилось только к приписным крестьянам.

Соотношение крепостных и государственных крестьян на заводах было различным. В 1811 году все заводы были разделены на казенные (здесь трудились в основном приписные крестьяне), владельческие (принадлежащие по праву дворянства и переходящие по наследству, здесь трудились в основном крепостные) и посессионные (это были частновладельческие заводы с ограничениями, получающие помощь от государства, владельцами были не дворяне). Происходила постепенная замена приписных крестьян на «непременных работников», то есть на профессиональных рабочих. Причем набор таких работников происходил подобно рекрутскому и из той же крестьянской среды. Положение их тоже было не завидным, они обязаны были отработать 30 лет, их дети – 40 лет на заводе. В сущности, они были освобождены только после 1861 года. [52]

На подобию дворцовых, выделялись и дворовые крепостные (дворня). Они селились в усадебном доме или в непосредственной близости от него (например, в людской) и использовались в качестве прислуги. Количество их зависело от размера усадьбы и богатства помещика, но обычно не превышало нескольких десятков человек. В штат обычно набирались самые лучшие из сельских крепостных (оценивались разные способности в зависимости от поставленной задачи), это были кучера, кормилицы, няньки, дядьки, гувернантки и т. д. Положение их полностью зависело от личности барина. Дворня первой страдала от деспотизма злого барина и первой же пользовалась благами по милости доброго. У дворовых «случались» незаконно-рожденные дети от господ, но были случаи и замужества (все помнят историю про Прасковью Жемчугову в замужестве графиню Шереметьеву). Дворня, вышедшая из крестьянства, быстро теряла свой первоначальный облик, становясь как бы отдельным сословием. Дворовые люди часто получали образование, помещиками создавались целые крепостные театры, музыкальные и художественные школы. Иногда помещик зарабатывал на этом, продавая или отдавая в наем крепостного, обучившегося какому-нибудь ремеслу. Многие известные актеры,

архитекторы, музыканты, художники, выученные таким образом прославились на всю страну: Алексей Миронов, Андрей Воронихин, Тарас Шевченко, Михаил Щепкин, Орест Кипренский, Василий Тропинин и многие другие.

Процентное отношение числа дворовых к общему числу крепостных поднялось с 1829 г. по 1857 г. с 4% до 7%. В 1858 вышел указ о запрещении помещикам переводить крестьян в дворовые люди. При освобождении в 1861 г. дворовые не получали земельный надел. [53]

Итак, можно констатировать, что в целом крепостным помещичьим крестьянам жилось хуже, чем государственным. Крепостной был самым бесправным человеком в России, жизнь его практически полностью зависела от воли и расположения помещика. Сам факт обладания душой человеческой, как вещью, было вопиющей несправедливостью и антихристианским явлением. Но такая ситуация не считалась в то время чем-то возмутительным. Конечно, периодически возникали бунты, совершались побег, тема освобождения крестьян постоянно поднималась в высшем обществе, но реальных шагов не предпринималось до тех пор, пока сложившаяся ситуация в экономическом плане не стала слишком отяготительной для страны. Сами крестьяне воспринимали свое положение нормальным. Крупные бунты, крестьянские войны с уничтожением помещиков и чиновников, происходили редко. Обычно восстания были связаны с конкретными действиями и имели конкретные требования, связанные с облегчением положения, но не с полной отменой крепостной зависимости.

К тому же некоторым смягчающим буфером между крепостным и помещиком была крестьянская община. Община имела много прав, могла самостоятельно распределять оброк, предлагать рекрутов, жаловаться и др. Община защищала крестьян от произвола феодала, являлась реальной силой и могла диктовать свои условия. Если государство слабо контролировало действия помещиков, то тоже можно сказать и про контроль над общиной. Общины не было у горнозаводских крестьян, поэтому их положение оказалось хуже и поэтому они чаще всего и бунтовали, выдвигая самые радикальные требования.

Интересно, что крепостные охотно уходили в рекруты. Служба в армии была одним из главных механизмов освобождения населения от крепостной зависимости. Люди, ставшие солдатами, переходили в военное сословие, передавая свой статус жене и детям, которые также были обязаны служить. При этом солдаты освобождались от всех государственных податей и повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми, имели право владеть землёй (из податных сословий это допускалось только для определённых категорий лиц со специальными разрешениями). Они составляли особую категорию отставных солдат, могли записаться в какое-нибудь податное сословие, а в случае дряхлости или неспособности к труду получали небольшую пенсию. Всего с 1796 по 1858 гг. через службу в армии в качестве нижних чинов прошло 2034,1 тыс. человек, среди которых крепостных было примерно 1017,1 тыс. человек, то есть каждый второй. [54]

В армии люди получали образование, становились грамотными, что помогало лучше устроиться в жизни после отставки. Многие отставные солдаты охотно селились в городах, устраиваясь сторожами, дворниками, надзирателями и т. д. Те же, кто возвращался в деревню, часто становились общинными писарями, попадали в дворню. Также государство предоставляло льготы помещикам, селившим в своем поместье семьи отставных солдат.

Таким образом, армия являлась важнейшим элементом развития социальной мобильности крестьян, способствуя формированию свободных от крепостничества людей, не платящих налоги и имевших право свободного выбора места жительства и занятий.

Церковные крестьяне

Третьим крупным землевладельцем в России была Православная Церковь. Крестьянами владела патриаршия, митрополичья, архиепископская и епископская кафедра, а также крупные монастыри. Церковные земли находились в основном в центральной России и на Русском

Севере, где часто использовался наемный труд половников (черносошных крестьян, которые арендовали церковные земли, отдавая плату продуктами).

В целом положение монастырских крестьян было сходно с иными категориями, они также выполняли повинности, отработывали монастырщину (аналог барщины) и платили оброк. Положение их было различным и зависело от церковной администрации, монастырского начальства и принятого устава. Дополнительную напряженность во внутренние взаимоотношения внес и церковный раскол. Многие из монастырских крестьян, настроенных против никоновских реформ, участвовали в бунтах, в том числе в восстании Степана Разина.

Духовный упадок знати и царя в конце 17 века, описанный выше, привел к значительному снижению влияния Церкви на светскую власть. Можно выделить следующие важные исторические этапы отстранения Церкви от власти: 1). Учреждение монастырского приказа, ограничивающего церковные суды, переводя их в государственные – 1649 г. 2). Реформы патриарха Никона с участием царя Алексея – 1650-60-е гг. 3). Борьба за власть Милославских и Нарышкиных, Хованщина – 1680-е гг. 4). Преобразования Петра, которые не поддерживались Церковью и, наконец, упразднение патриаршества и учреждение Священного Синода 1700—20 — е гг. 5). Законодательная подготовка секуляризации церковных земель Елизаветой Петровной и Петром III – 1750-60-е гг. 6). Фактическая секуляризация церковных земель Екатериной II в 1764 г.

По донесению Святейшего Синода 1762 года в России насчитывалось 954 монастыря, в которых находилось 11 153 монашествующих, они владели вотчинами, к которым было приписано 769610 крепостных душ мужского пола. При этом земли эти располагались в основном в центральных губерниях, то есть наиболее ценных и густонаселенных. Синод постановил упразднить 418 монастырей. Из оставшихся монастырей 226 стали получать денежное содержание от государства. Оставшиеся 310 монастырей объявлялись выведенными за штат, следовательно, должны были переходить на самообеспечение и добровольные пожертвования. Все приписанные к монастырям крестьяне переходили в категорию экономических, т.е. государственных. [55]

В итоге на 1810 год во всей Российской империи осталось только 452 монастыря [56]. В отношении сибирских монастырей, учитывая их малое число и особое значение в деле освоения Сибири, правительством были предприняты гораздо более мягкие меры. [57]

Итак, отметим, что до 1861 года существовали различные категории крестьян, которые имели различное положение и правовой статус. Государству было выгодно иметь собственных крестьян, их численность в течении 17—19 века только росла. Серьезное увеличение государственных крестьян произошло после секуляризации церковных земель в 1764 году. К середине 19 века почти половина всех крестьян были государственными. Крепостными (помещичьими) была только треть всех крестьян. Обеспечение дворянства богатством в виде земли и крепостных было важной задачей власти по укреплению страны. Влияние дворянства на власть серьезно возросло в эпоху дворцовых переворотов. Чтобы обеспечить себе поддержку и лояльность общества, императорам (а чаще императрицам) приходилось всячески ублажать знать, давая ей все больше привилегий. Это способствовало окончательному закрепощению помещичьих крестьян и беспорядочному их существованию. Но надо сказать, что зависимое положение крестьян мало влияло на быт и культуру русской деревни. Помещику, а тем более государству, не хотелось влезать во внутреннюю жизнь крестьян. Их больше интересовало своевременное исполнение повинностей и уплата оброка. Абсолютное большинство землевладельцев понимало, что от благополучия крестьян зависит их собственное благополучие. Поэтому широко был распространен принцип невмешательства, который, к слову сказать, частью общества трактовался как аморфность и неповоротливость власти и помещиков. Тем не менее, помещики редко экспериментировали в своих хозяйствах, а иногда сами учились у опытных и умелых крестьян.

Глава 2.2. Развитие общественной мысли в XVIII – XIX веках по отношению к крестьянству

Разберем культурные процессы, происходившие в стране в 18—19 веках, без этого невозможно приступить к описанию жизни дореволюционного крестьянства, с которым связано множество мифов, преувеличений, неясностей и откровенной лжи. Проклятый «крестьянский вопрос» всегда живо обсуждался обществом, как в 19 веке, так и в веке 20-м и даже в 21-м. Меня всегда поражало множество противоречивых мнений, которые при этом подкреплялись фактами. В душе всегда было сомнение, невозможно было определить, как же жила русская деревня – хорошо или плохо? Одни «эксперты» убеждали, что крестьяне прозябали в нищете, рабстве и варварстве, умирали от голода и эпидемий, и только советская власть сумела кардинально изменить их положение. Другие бранили большевиков и восхваляли царя, говоря, что крестьяне не голодали и жили богато, на что первые язвительно вспоминали «хруст французской булки» (в смысле, что каждый крестьянин ел такие булки по утрам). Что и говорить, спор о жизни и судьбе народа в кругах интеллигенции был не менее ожесточенным и в 19 веке.

Из-за этой вечной перебранки, которую начал еще Радищев в 1790 году, я очень хотел бы, насколько это возможно равнодушному обывателю, без эмоций наиболее объективно и обоснованно описать жизнь русской деревни. Только на основе подлинных исторических документов 18—19 веков можно с уверенностью судить об этом сложном времени. Тут встает важный вопрос: что из себя представляют эти документы, действительно ли они имеют научную ценность и можно ли на них полагаться? Спросим даже шире: а интересовалась ли вообще наука и общество 18—19 веков русским народом, русской деревней?

Начнем издалека. Как уже говорилось выше, глобальные исторические процессы приводили к различным результатам, как отрицательным, так и положительным. Царствование Петра I было очень неоднозначным. С одной стороны, был совершен огромный технологический рывок, появилась современная армия и флот, страна стала империей. С другой стороны, произошел глобальный культурный разрыв внутри общества, обострились сословные разногласия. Знать перестала идентифицировать себя с народом, с русской культурой, а власть, совершив ряд роковых ошибок, привела империю к глубокому политическому кризису.

Но остановимся лишь на одном аспекте петровских реформ: образовательном. Именно с реформ Петра I Россия вступила в эпоху Просвещения. Удивительно, но на протяжении столетий на Руси не существовало ровно никакой системы образования. Можно, конечно ссылаться на монголо-татарское иго, дескать страна боролась за независимость, не до того было. Но и до нашествия, благие начинания Ярослава Мудрого после его смерти стали забываться. Долгое время единственными очагами образования оставались крупные монастыри и города. Исключительной грамотностью отличалось и население Псковской и Новгородской республик. Однако, после захвата Новгорода Москвой и последующего его разорения при Иоанне Грозном, грамотность этого древнего города снизилась до московского уровня. В относительно благополучные 15—16 века Московским княжеством не было открыто ни одного учебного заведения. Только в 1682—87 гг. была основана Славяно-Греко-Латинская академия. Создал ее Симеон Полоцкий, учитель царских детей и выходец с Украины и Литовского княжества, многое перенявший у католической европейской культуры. Первыми преподавателями в академии были иностранцы – греки братья Лихуды. И все же такие скромные по масштабам начинания дали огромные плоды, выходцами академии стали знаменитые ученые, писатели, политические деятели: Михайло Ломоносов, Федор Поликарпов, Антиох Кантемир, Дмитрий Виноградов и др.

Но по-настоящему образованием в России озаботился только Петр. В 1701 году он придал Славяно-Греко-Латинской академии статус государственной, основал школу математиче-

ских и навигационных наук, морскую академию и множество других учреждений, ввел обязательное образование для дворян и духовенства, утвердил проект положения Академии Наук, основанного в 1725 году уже после его смерти. Все это способствовало развитию образования и науки в стране. Хотя сам процесс просвещения затянулся на многие годы.

Важным аспектом просвещения являлось осознание обществом своей роли в истории человечества. Именно это историческое пробуждение вело к развитию великой и уникальной культуры. Возможно вся русская культура 18—19 вв. – это постоянный поиск России себя, своего места в мире, своей глобальной цивилизационной задачи. В этом поиске рождались великие произведения искусства, сделавшие нашу культуру уникальной и неповторимой. При чем основным источником, вдохновляющим отечественных творцов русской культуры, был русский народ.

Конечно, и без всякого просвещения и образования, Русь много веков сознавала себя целостным и самодостаточным государством. Без этого сознания невозможно было существовать. От всех людей требовался патриотический подвиг, без твердой веры в себя и в свое дело не совершилось бы ни Ледовое побоище, ни Куликовская битва, ни стояние на Угре. Но могло ли средневековое общество заняться изучением собственной культуры? Могло ли оно заглянуть в себя? Очевидно, нет. К тому же периодически возникающие междоусобицы до основания колебали национальное самосознание. Видимо, то была молодость народа, которая не любит анализировать свои действия. Культура только творилась, она еще не была сформирована окончательно. Наверное, для взгляда на себя нужно было созреть и измениться, чтобы рассмотреть собственную родную культуру со стороны и объективно оценить ее. А такое стало возможно только в 18 веке. Да и то, вдумчивое изучение себя происходило очень долго, не прекратилось даже после революции. Чем больше мы становились другими, тем больше замечали ценного в родной культуре.

Эту культурную метаморфозу с полным отречением от своей самобытности и последующим постепенным приходом к собственной национальной идее можно проследить в отношении к историческим архитектурным памятникам. Кто-то сказал, что Русь – это страна зодчих, варяги называли нашу страну Гардарикой (страной городов). Отметим важную особенность. Архитектура выгодно отличается от других видов искусства своей демонстративностью. Памятник зодчества невозможно игнорировать как другие виды искусства: музыку можно не слушать, картину не смотреть, книгу не читать, а вот пройти мимо здания по улице и не заметить его – невозможно. Таким образом, архитектура, имея громадный культурологический потенциал, постоянно воздействовала на психику человека. На нее возлагалась глобальная задача, она выражала общую идею, целое мировоззрение, чувство прекрасного той или иной эпохи.

Сложно сказать бережно ли относились наши предки к архитектурным шедеврам своего времени. Однако, они смогли сохранить для нас великолепные домонгольские храмы Владимирского княжества. Важным фактом, доказывающим заботу об этих храмах, была их последующая роспись. Известно, например, что Успенский собор 12 века, спустя 300 лет расписывали лучшие художники того времени – Андрей Рублев и Даниил Черный. Правда, известны примеры и серьезных перестроек и даже сноса исторических памятников в то время. Здесь можно вспомнить царствование Ивана III, при котором весь кремлевский архитектурный комплекс был полностью перестроен. Отметим при этом, что власть не заботилась о сохранении особого «русского архитектурного стиля». В Москву приглашались итальянские и византийские зодчие, Новгород чаще нанимал немцев. Конечно, создавались новые шедевры архитектуры, но за образцы часто брались заграничные памятники. При чем это характерно не только в эпоху возвышения Москвы, но и в самое древнее время, когда Русь активно впитывала в себя Византийскую культуру. Знаменитые владимирские соборы помогали строить немцы. Однако это не значило, что мы слепо копировали «западные» аналоги. Формировался свой националь-

ный стиль, который при этом был очень гибок и разнообразен. В разных регионах были свои архитектурные особенности: новгородский, псковский, московский, владимирский. В течении времени стиль также менялся: например, раннемосковская архитектура сильно отличалась от шатровых церквей 16 века. Последний допетровский стиль, который был успешно воспринят и переработан русскими – барокко.

В 17 веке, как я уже говорил, Россия подверглась не только серьезному военно-политическому воздействию европейских стран, но и культурному. В этом плане мы тесно взаимодействовали с нашим основным соперником и врагом – Речью Посполитой. За долго до Петра, еще при его отце Россия стала активно перенимать польскую латинскую культуру. Заслуга Петра I в том, что он изменил направление культурной экспансии, взяв за основу наиболее прогрессивную протестантскую культуру северной Европы. Думаю, что это было меньшее зло. Агрессивная политика Польши и в целом всего католичества много веков угрожала нашей стране. Иезуитская прелесть, внешние компромиссы могли склонить нашу знать к принятию униатства, тем более что такие прецеденты уже случались с русскими княжествами: Галицко-Волынским, Литовским, в свое время Риму поддалась даже Византия.

Протестантизм же не преследовал таких глобалистских целей, «схизматики» (Православные) были не врагами, а безмерно далекими варварами. Возможно империалистическим амбициям мешала разрозненность протестантских церквей. В любом случае наиболее могущественные протестантские государства поработали Новый свет прежде всего экономически, а не культурно. Религиозные вопросы отходили на второй план. Угроза униатства здесь не стояла, слишком далеко протестанты отошли от Православия.

И все же такое «крутое» навязывание европейской культуры стало настоящей национальной трагедией. Критиковали царя не за цели, а за средства их достижения. Отныне дворянство потеряло свою национальную идентичность. Быть русским – стало значить быть варваром. Прозападные идеи надолго определили вектор политического и культурного развития страны. Сразу же поменялось отношение и к архитектуре: стали строиться именно «аналоги», копии европейских религиозных и гражданских зданий. Прежняя архитектура стала презираться. Сам Петр принимал в этом активное участие. Он решил навсегда покинуть Москву и построить себе новую столицу по голландскому образцу. Вплоть до середины 19 века Санкт-Петербург был прекрасным, но типичным европейским портовым городом.

Последующие императоры продолжили дело Петра. Каждой эпохе присущ был свой архитектурный стиль, но все это были европейские стили, русское своеобразие было надолго забыто. При Елизавете началась галломания (подражание всему французскому), любимым стилем был Рококо, при Екатерине и ее внучке Александре – классицизм и ампир, при Павле – неоготика и т. д.

Казалось бы, что всё дореволюционное – это всё старина, и что там всё гармонично и стройно, а уничтожением памятников архитектуры занимались исключительно большевики. Но это оказалось не так. Старинную архитектуру стали разрушать гораздо раньше. Наибольшим вандализмом в 18 веке отличилась Екатерина II. С немецкой педантичностью и циничным хладнокровием были перестроены целые города. Великие древние города Руси безжалостно «европеизировались», улицы спрямлялись, формировались прямоугольные и веерные кварталы, всё «лишнее» сносилось. Был утерян уникальный облик древнерусского Новгорода, Костромы, Пскова, Твери, Владимира и т. д. Под угрозой оказался храм Покрова на Нерли, игумен Боголюбского монастыря собирався разобрать его на строительный материал, но из-за отсутствия денег идея не была воплощена [58]. Однако храм все-таки смогли испортить последующим поновлением: в 1803 году на старом каменном куполе была сооружена луковичная глава с железным покрытием, а в 1877 году все фрески внутри были уничтожены [59]. В Переславле-Залесском во время реставрации Преображенского собора 12 века в 1893—94 гг. древние фрески были сняты мелкими кусками, уложены в ящики и укрыты в холодном

сарая в беспорядке. В 1895 году Археологическая комиссия признала фрески незаслуживающими дальнейшего сохранения [60]. В Москве в Спасо-Андрониковом монастыре Спасский собор, древнейший храм за пределами кремля, был также подвергнут некачественной реставрации. Поврежденный еще в 1812 году, он требовал срочного восстановления. В 1846—50 гг., по проекту архитектора П. Герасимова, были перестроены паперты, устроены два придела с севера и юга от собора, устроен шатровый верх над ним и произведены значительные перегородки внутри здания. Архитектурная ценность этого редкого для Москвы памятника 15 века была признана только после тщательного обследования и обмера в 1934 году. Первоначальные формы собору были возвращены лишь после реконструкции 1959—60 гг. Примеры неудачных «реставраций» и поновлений можно найти практически в любом древнем городе Руси.

Помимо неудачных реставраций и перестроек повсеместно наблюдалось игнорирование цельных исторических ансамблей. В древних кремлях и монастырях возникали яркие и величественные «новоделы» в современном стиле (то есть в основном в стиле классицизма), вносящие дисгармонию в весь сложившийся веками историко-культурный ландшафт. К древним храмам пристраивались современные колокольни, в древних кремлях в современном стиле строились храмы, реальные училища, казармы и иные административные здания. Не пожалели даже Успенский собор во Владимире, пристроив к нему в 1810 году колокольню со стрельчатыми готическими проемами и голландским шпилем, окна самого собора были растесаны, сооружены контрфорсы, установлена четырехскатная крыша.

Такое отношение еще можно было бы объяснить ветхостью зданий, пожароопасностью старой деревянной застройки, если бы не сохранились до наших дней великолепные памятники древнерусского зодчества. Умели мы качественно и красиво строить и до Петра, как религиозные сооружения, так и гражданские (вспомним неповторимые каменные терема-палаты бояр и купцов в Москве, Суздале, Гороховце и других городах). Но оставим на время архитектурный экскурс.

В первой половине 18 века научное сообщество в России было представлено в основном иностранцами, пропагандирующими идеи Просвещения, которые, естественно, превозносили всё европейское и презирали всё русское. Хотя Петр и тяготел больше к математике и навигации, но аналогично европейским у нас стали развиваться и гуманитарные науки. Смешно, но отечественной историей сначала занялись иностранцы (коих в российской академии наук было абсолютное большинство). Естественно, их историографические труды были полны ошибок, заблуждений и намеренной лжи. Всем была памятна речь академика Герхарда Миллера о «Происхождении и имени российском» 1749 года, вызвавшая недовольство русских академиков – Ломоносова, Крашенинникова и Попова. Именно тогда зародилось утверждение, что славяне, пригласившие на княжение варягов, будто бы не были способны к объединению и образованию государства. В ответ историографией занялись русские ученые, самым известным из которых был Ломоносов. В наше время неоправданно забыт другой ученый, приложивший много трудов в этом направлении – Василий Никитич Татищев. Он первым составил глобальный историографический труд «История Российская» (он писал его всю жизнь где-то с 1720-х до 1750 г.), где попытался описать всю историю нашего государства с древнейших времен. Его работу много критиковали, как современники, так и потомки. Собственно, о Татищеве мы чаще всего вспоминаем в связи с критикой Карамзина.

Но мало, кто представляет с какими сложностями столкнулся этот чиновник-губернатор. Мало того, что не хватало информации (например, Ипатьевская летопись была обнаружена много позже, только в 1809 году), проблематично было даже ее описать. В России еще не было сформировано собственного научного языка (и литературного, кстати, тоже). Поначалу он описывал историю в стиле Нового времени, но позже перешел на летописную форму изложения. Отдельной проблемой был перевод иностранной литературы о России. Конечно не имея специальной подготовки и занятый на государственной службе Татищев не мог написать полно-

ценный исторический труд, однако он заложил основу для будущих профессиональных историков, сумевших завершить начатую им работу по пробуждению национального самосознания. Каждый последующий историограф вносил весомый вклад в науку, обнаруживая неизвестные ранее древнерусские источники информации (В. Н. Татищев – Русскую правду и Судебник Ивана Грозного, М. М. Щербатов – синодальный список Новгородской летописи, Воскресенский свод и др.)

Важным моментом являлся сбор и анализ иностранной литературы о России (так называемой «Россики»). Во-первых, взгляд со стороны имел свои преимущества, т.к. автор не являлся носителем русской культуры, то есть не испытывал мешающих анализу эмоций и заблуждений. Во-вторых, в Европе была совершенно иная летописная традиция. Русскому летописцу, например, было совершенно не важно, как выглядел князь, главное было, что он сделал – в какие походы ходил, какие грады основал и т. д. Европейские исследователи, имея развитую университетскую школу, смогли серьезно обогатить отечественную историографию. Конечно, большинство авторов имели собственные заблуждения, не понимали Россию, и анализировали ее с точки зрения своей культуры. Встречались и откровенные лжецы, мошенники и проходимцы. Но не все были такими. Есть несколько авторов, которые сумели предугадать и Смутное время, и революцию 1917 года задолго до их наступления. Например, английский дипломат Джайлс Флетчер, проживший в Московии около года, в 1591 году написал сочинение «О государстве Русском», где предсказал два важных события – убийство царевича Дмитрия и гражданскую войну. Он имел хорошее образование того времени, окончил Итонский колледж, занимался в Кембридже, был доктором гражданского права. Вот что он писал, между прочим, о проблеме образования в России в 16 веке: *«Что касается до их свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов для развития их дарований воспитанием и наукой. (...) Отчасти причина этому заключается и в том (как было замечено мною выше), что образ их воспитания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство»*. [цитата по 61]

Проблема была в том, что эти труды не были известны в нашей стране, а часто и запрещались. Попытка издания трудов того же Флетчера в 1848 году, привела к отставке историка О. М. Бодянского. Сочинение на русском языке (сильно смягченное цензурой) появилось в России только в 1905 году. Но отечественные исследователи об этом знали и старались заполучить иностранную литературу. Надо сказать, что им это отлично удавалось. В библиотеке почти каждого образованного дворянина такая литература встречалась и была представлена довольно широко. Наверное, поэтому так успешно и в короткий срок Санкт-Петербургской библиотекой была собрана отдельная коллекция Россики, насчитывающая к концу 19 века 230 тысяч единиц хранения [62].

Вопросы крепостного права, деспотичности самодержавия, технологической и гражданской отсталости поднимались иностранцами еще за 100 лет до петровских реформ. Обогадив историографию, Россика безусловно повлияла и на общее развитие культуры в стране. У неравнодушных дворян возникло чувство неполноценности. Начитавшись такой литературы, видя примеры из собственной жизни, подтверждающие позицию иностранных критиков, и сравнивая ее с европейской жизнью, они уже не могли объективно воспринимать действительность, поверив в собственное варварство. И хотя это негативно сказывалось на жизни общества и даже на государственной безопасности, это было первое обращение элиты к народу. Наиболее известным критиком власти и крепостничества стал Радищев А. И., написавший в 1790 году повесть «Путешествие из Петербурга в Москву», он же стал и первым политическим заключенным. Именно с его помощью общество стало живо обсуждать тяжелое положение крепостных

крестьян. Влияние его повести безмерно. Не всегда разделяя политические взгляды Радищева, почти все считали его честным человеком и борцом за свободу (так считали почти все известные писатели начала 19 века: Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин и последующие революционеры: А. И. Герцен, Г. В. Плеханов и др.). Самокритика смогла пробудить российскую интеллигенцию, что повлияло и на развитие обратной реакции – критики западной точки зрения.

Вообще, интересно, что чувствовало дворянство, смело критикующее императора за тиранию и крепостничество, имея при этом собственных крестьян? То, что российское мироустройство складывалось не одну сотню лет, то что это была налаженная и отработанная система, которая в целом устраивала даже и крестьян и что не так-то просто взять и отменить крепостничество – общество еще не догадывалось. А главное – что взамен? Экзальтированные молодые люди, подобострастно смотрящие на революционную Францию, умели только критиковать, но не смогли что-то предложить. Все их проекты были слабы, неполноценны, субъективны, а главное – далеки от реальности, не хватало ни жизненного опыта, ни возможности практического применения. Крах декабристов, дошедших до прямого насилия, разочаровал общество. Западные идеи стали не популярны и не так смелы. Потерпев фиаско в 1825 году, интеллигенция постепенно обратилась к народничеству (почитанию народа) о чем речь позже. Дворянство 18—19 вв. находилось в очень странном положении. Оно было культурно оторвано от родины, но не признавалось и западом. Пытаясь нарушить сакральную связь между царем и народом, интеллигенция не находила поддержки нигде. Крестьяне никогда не понимали её идей, царь видел в них угрозу, а Европа считала всех русских чуждыми им дикарями. Русский интеллигент оказывался заложником собственного положения. Как говорил В. О. Ключевский: *«В Европе видели в нем переодетого по-европейски татарина, а в глазах своих он казался родившимся в России французом. В этом положении культурного межеемка, исторической ненужности было много трагизма, и мы готовы жалеть о нем, предполагая, что ему самому подчас становилось невыразимо тяжело чувствовать себя в таком положении»*. [цитата по 63]

В конце 18 века появился другой выдающийся историк и писатель – Николай Михайлович Карамзин. Сложно переоценить его роль не только в историографии, но и во всей отечественной культуре. Карамзин сумел удачно реформировать русский язык, обогатив его словами-кальками, избежав прямого заимствования из других языков. Причисляя себя к просвещенному европейскому обществу, он, тем не менее критиковал преклонение перед западом: *«Мы, погнавшись за блестящею наружностью других наций, оставили все то, чем Бог и натура хотели отличить нас от других народов земли, оставили, забыли самих себя и сделались во всем учениками, не будучи мастерами ни в чем»* [цитата по 64]. Добившись успехов на литературном поприще Карамзин, был назначен императором придворным историком (исключительный случай для России, ни до ни после такой должности при дворе не существовало) и полностью погрузился в эту область науки. Он первым среди наших ученых сумел, наконец, обобщить всю отечественную историю с древнейших времен.

Удивительно как плоды труда одного человека озаренного высшей идеей, передаются другим и освещают их собственный путь. Не было бы Татищева, не состоялся бы и Карамзин. А если бы Пушкин не прочел его главный исторический труд «История государства Российского», то не было бы поэмы «Руслан и Людмила», и вообще не было бы того Пушкина, которого мы знаем.

После окончания отечественной войны, когда в высшем обществе пробудилось национальное самосознание и патриотизм, выход в 1818 году главного исторического труда Карамзина имел исключительный успех. Вот как вспоминает об этом А. С. Пушкин: *«Три тысячи экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего*

Отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили». [цитата по 65]

Пожалуй, начиная еще с Ломоносова, наше искусство тесно переплетается с историей. Еще в 18 веке появились художественные произведения, связанные с отечественной историей: героическая эпопея М. М. Хераскова «Россиада» 1779 года, поэма «Владимир Возрожденный» 1785 года, патриотические пьесы Я. Б. Княжнина «Рослав», «Вадим Новгородский». Зачастую писатели, одновременно являлись и учеными-историками, и этнографами. Традиция эта сохранилась аж до конца 20 века (яркий пример: писатель-фольклорист Д. М. Балашова, выпустивший много этнографических научных трудов). Практически все известные писатели в той или иной степени занимались отечественной историей. Не избежал этого и А. С. Пушкин, тщательно исследовавший историю восстания Емельяна Пугачева, и Л. Н. Толстой, интересующийся отечественной войной 1812 года и многие другие. Не только в литературе, но и в других сферах искусства авторы часто обращались к истории: в опере (первая русская опера Глинки «Жизнь за царя» описывала события начала 17 века), скульптуре, живописи и т. д.

И все же следует отделять научную деятельность от искусства. Наука не могла допустить никакой фантазии, никаких эмоций, в то время как искусство ставило своей целью воздействовать прежде всего на сердце, а не на разум. Весь культурный путь России 18—19 вв. – это мучительный поиск себя, переход от фантастических возрожденческих взглядов к народному реализму. Историография же, как и всякая наука, от фантастических идей пришла к реализму гораздо раньше. Жаль, что общественное мнение ориентировалось больше на мир искусства, а не на науку, и поэтому слава к отечественным историкам часто приходила с трудом и опозданием.

Так, например, высшее общество смотрело на русскую деревню долгое время, вплоть до середины 19 века через полотна художника А. Г. Венецианова, который представлял окружающий мир слишком идеализированным, что было характерно для академической школы того времени, ориентирующейся на идеи классицизма. Поэтичные образы русской деревни были конечно большим достижением в искусстве. Венецианов был одним из первых отечественных художников, обратившим внимание на русское крестьянство. Но все его творчество имело малое научное этнографическое значение, т.к. романтическое восприятие деревни плохо согласовывалось с реальностью. Во второй половине 19 века художники (как и писатели), а с ними и общественное мнение, на которое они имели большое влияние, сконцентрировало свое внимание на изображении социальных проблем крестьян. Остросоциальное направление в живописи возглавило Товарищество передвижных художественных выставок, которое состояло из самых известных русских художников, критиковавших старую академическую школу. Причиной обращения к этой стороне жизни крестьян, было вызвано неудовлетворенностью общества проводимыми царем Александром II реформами. Эта точка зрения была ближе к реалистической, но и в ней были свои недостатки. Занявшись социальными и экономическими трудностями, интеллигенция проглядела то хорошее, что было в крестьянском мире, а главное не обращало внимание на то, что было важнее всего для крестьянина – его религиозное мировоззрение. К более глубокому пониманию народа интеллигенция смогла подобраться только к концу 19 века. И в этом ей помогли уже не служители искусства, а ученые-исследователи.

Возвращаясь к архитектуре, скажем, что в 19 веке, после спада интереса к классицизму начался поиск своего уникального национального стиля, выразившейся сначала в малоудачных памятниках эклектики, представляющим из себя смешение различных элементов, взятых из других законченных стилей. Продолжали неудачно реставрироваться и допетровские памятники зодчества. Подобная ситуация сложилась и вокруг древнерусской живописи. Многие древние иконы находились в плачевном состоянии, никогда не реставрировались, содержались в неподходящих для хранения условиях, либо были неудачно поновлены, а часто просто покрашены новым современным образом. Полноценное признание древнерусской культуры произо-

шло только в начале 20 века, а сохранение и грамотная реставрация, основанная на многолетних исследованиях и глубоком научном анализе драматично совпала с первыми десятилетиями советской власти. В то время как по всей стране жгли иконы, закрывали и взрывали храмы, создавались огромные музеи, куда попадало множество средневековых артефактов. Благодаря уже советским ученым-реставраторам и музейным работникам были сохранены и приведены в порядок многие древнерусские архитектурные комплексы и предметы искусства.

Параллельно с историографией развивалась и этнография. Интерес к крестьянству также возник еще в 18 веке. Правда интерес этот сначала был в основном хозяйственный (хотя некоторые независимые исследователи также занимались сбором фольклора). Первые экспедиции делались чиновниками по заданию государства с целью экономических исследований. В середине 18 века выходил журнал «Труды вольного экономического общества», который значительно обогатил представление науки об особенностях крестьянского сельского хозяйства. Значительного успеха в своих исследованиях добился известный агроном, писатель и ученый А. Т. Болотов, который стал издавать собственный журнал: «Сельской житель. Экономическое в пользу сельских жителей служащее издание» и сотрудничать с «Московскими ведомостями». Много исследований подобного плана делалось и в царствование Александра I, когда проблемы развития сельского хозяйства обострились. Свои наблюдения в 1811 году сделал даже министр финансов Д. А. Гурьев. Вообще надо сказать, что к этнографии ученые приходили разными путями: через историографию, через географию (описание природы), культурологию или экономику (статистику). Например, крупным исследователем русского крестьянства стал даже Фальк И. П., шведский ученый-натуралист, ученик Карла Линнея.

Настоящее развитие этнография получила уже в 19 веке, после издания трудов Карамзина и многих народных произведений великих русских писателей, обративших внимание интеллигенции на крестьянство. В этнографии начала 19 века были и свои первооткрыватели. Наиболее известным этнографом первой половины 19 века является друг А. С. Пушкина, врач по профессии, собиратель фольклора и составитель первого «живого великорусского словаря» Владимир Иванович Даль. Вместе они путешествовали по местам пугачевского восстания. На основе собранных Далем сведений, Пушкин сочинил несколько своих сказок. В. И. Даль также являлся одним из членов-учредителей Императорского Русского географического общества (ИРГО), на ряду с историком П. И. Кеппеном, биологом К. М. Бэрром и другими. Основание ИРГО в 1845 году стало важнейшим событием в отечественной этнографии. В него входили лучшие умы того времени. Общество, поддерживаемое императором, стало систематически собирать этнографический материал, организуя большие научные экспедиции.

Уже в 1846 году И. И. Надеждин выступил с программным докладом «Об этнографическом изучении народности русской», в котором призвал установить «истинный облик народности», т.е. черты культуры, характерные именно для русских и отличавшие их от других народов. Для этого был создан специальный циркуляр (указания по сбору материала). В результате в Общество поступило множество ответов, представлявших собой монографические описания народного быта русских крестьян. Часть материалов издавалось в журнале «Этнографический сборник» (1853—64 гг.). [66]

Отдельными крупными исследованиями со своим циркуляром в конце 1850-х гг. занялось министерство внутренних дел в связи с грядущими реформами Александра II. Эти материалы также были доступны для общественности, издаваясь в «Журнале министерства внутренних дел». В это время издаются сборники статистических сведений по различным губерниям. [66]

В 1864 году при Московском университете было основано Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), которое внесло весомый вклад в развитие отечественной этнографии. В 1867 году обществом была организована этнографическая выставка, которой предшествовала огромная работа по сбору необходимых материалов.

На основе экспонатов был основан Дашковский этнографический музей. Однако, первым этнографическим музеем по праву считается Кунсткамера, разделенная в 1836 году на несколько отделов. [66]

Начиная с 1870-х гг. экспедиции ИРГО уже выходят за границы Российской империи. Исследуются народы Азии, Америки, Океании (популярными тогда становятся очерки Н. Н. Миклухо-Маклая).

Параллельно шло углубленное исследование центральных губерний, Сибири, Урала и Дальнего Востока. Популярно было собирание русского фольклора: песен, примет, сказок, былин и т. д. Продолжателями дела Даля стало множество исследователей: П. И. Якушкин, П. С. Ефименко, П. Н. Рыбников, П. А. Бессонов, Н. Е. Ончуков, Е. В. Барсов, А. Ф. Гильфердинг, А. С. Петрушкевич и многие другие. Именно эта область этнографии оказала наибольшее влияние на русскую литературу. Например, Е. В. Барсов «открыл» для просвещенного общества олонекскую во пленницу Ирину Андреевну Федосову, знавшую около 30 тысяч (!) различных стихов: былин, сказаний, плачей-поэм, причитаний, песен и т. д. Ее материалами воспользовались многие великие русские писатели: Н. А. Некрасов, П. И. Мельников-Печерский, М. Горький, М. М. Пришвин. Ее творчество повлияло на Ф. И. Шаляпина, Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирева.

Особую известность приобрели также сказители русских былин: Т. Г. Рябинин, В. П. Щеголёнок, И. А. Касьянов, Н. С. Богданова (кстати тоже выходцы из богатой талантами Олонекской губернии), ученики и последователи гусельщиков 18 века Филиппа Сизого, Михаила Слепого, Ильи Елустафьева. Эти выдающиеся крестьяне, как и Федосова, выступали в Санкт-Петербурге и Москве, были награждены медалями ИРГО и Академии Наук. Под влиянием сказителя Рябинина Мусоргский написал оперу «Борис Годунов», а Щеголёнок побывал в Абрамцево у Мамонтовых (где Поленов написал его портрет) и в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого.

Вообще вторая половина 19 века характеризуется небывалым ростом общественного интереса к русскому народу. Множество интеллигентов «идут в народ» в качестве учителей. Все искусство преобразуется под влиянием русского крестьянства. Русские зодчие, отойдя от подражания западному, не очень удачно поэкспериментировав в области ретроспективизма и эклектики, смогли найти свой уникальный неорусский стиль в модерне. Этот стиль стал пронизывать всё национальное искусство: музыку, литературу, театр, оперу, изобразительное искусство.

Важную роль в становлении русского модерна сыграли общественные кружки интеллигентов, ставящие перед собой задачу сохранения и развития национальной культуры и искусства. Наибольшую известность приобрели Абрамцевский кружок и центр искусства и просвещения в Талашкино, куда входили видные художники, писатели и композиторы. Эти два центра добились невероятных успехов. Благодаря их деятельности были сохранены, восстановлены и доведены до совершенства многие виды народных промыслов (смоленская вышивка, абрамцевская резьба по дереву, керамика и др.). Не забудем, что кружки эти поддерживались известными русскими меценатами и купцами. Их вложения в развитие русской культуры бесценны.

Центр в Талашкино был основан меценатом и этнографом В. Н. Тенишевым и его супругой М. К. Тенишевой. Помимо развития ремесел Вячеслав Николаевич задался и чисто исследовательской целью: всестороннему изучению русского народа, для лучшей организации государственного управления. В 1897 году он разослал по губерниям России «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России». Для обработки ответов в Санкт-Петербурге было создано Этнографическое бюро, которое действовало до 1901 г. На протяжении 1898—1900 гг. бюро получало материалы от корреспондентов, среди которых были народные учителя, духовенство, представители сельских и волостных властей, чиновники.

Собранные им материалы являются крупнейшим сводом источников по культуре крестьян ряда губерний европейской части России на рубеже XIX—XX вв. [66]

Еще одним интересным направлением стала юридическая этнография, изучавшая нормы обычного права у крестьян, для чего собирался материал волостных судов, описывались гражданские и уголовные дела крестьян.

Этнографические материалы публиковались в «Записках ИРГО», «Вестнике ИРГО», «Этнографическом обозрении», «Живой старине», «Этнографическом сборнике», «Северном вестнике», «Историческом вестнике». В конце XIX в. появились и специализированные этнографические журналы. [66]

Помимо специальных экспедиций и опросов к этнографическим исследованиям можно также отнести путевые очерки и письма различных писателей (критика Радищева и началась с такого очерка), мемуары и личные архивы помещиков и др.

В русской литературе этнографические очерки появились довольно рано, еще в 18 веке, но они не имели особого значения, являясь скорее отрывками из личных дневников, которые любили вести дворяне. После отечественной войны 1812 года эти очерки стали более глубокими. Сторонники самобытного развития России, позже названные славянофилами, стали внимательно изучать народную культуру и быт крестьян. В русском крестьянстве они видели *«ключ нашего национального существования»*, *«разгадку всех особенностей нашего политического, гражданского и экономического быта»*, как писал К. Д. Кавелин [цитата по 67]

Представителями этого философского направления стали известные деятели культуры 19 века: писатели, художники, философы. Перечислим наиболее известных из них: братья К.С. и И. С. Аксаковы, Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский и другие. Их деятельность заметно повлияла на общее развитие русского национального самосознания и патриотизма. Славянофилы-историки (И. Д. Беляев, Ю. Ф. Самарин и др.) заложили основу научного изучения русского крестьянства. Много было сделано ими и для сохранения памятников древнерусской культуры.

Интересно, что формирование упомянутого выше русского общественно-культурного центра в Абрамцево началось еще в 1840-х, когда там поселился писатель-славянофил Сергей Тимофеевич Аксаков, отец Сергея и Константина, известных общественных деятелей. Он оставил очень интересные этнографические произведения: мемуары («Семейные хроники», «Детские годы Багрова-внука»), записки о рыбалке и охоте и сказку «Аленький цветочек». Дом его посещали многие видные писатели и публицисты: Н. В. Гоголь, М. Н. Загоскин, М. П. Погодин и др. По теме охоты с Аксаковым сблизился даже его идеологический соперник еще молодой писатель-западник И. С. Тургенев, также оставивший замечательные этнографические очерки («Записки охотника»).

Особого внимания заслуживает сказка «Аленький цветочек», записанная Аксаковым фактически со слов ключницы Пелагеи, крестьянки, служившей в доме его отца. Сказка написана народным языком в стиле лиричного, напевного сказа. Такой стиль позже использовался и другими писателями: Н. С. Лесковым («Левша»), П. И. Мельниковым-Печерским («В лесах», «На горах»), П. П. Бажовым («Уральские сказы»), В. П. Астафьевым и другими. Вообщем влияние народного фольклора, особенно в форме сказов не прерывалось со времен Аксакова до конца 20 века. Многие из этих писателей были настоящими исследователями этнографами и историками, ведущими научную деятельность. Так Мельников-Печерский был чиновником и много лет занимался изучением и искоренением старообрядчества, ездил в научные экспедиции в Поволжье, Урал, Сибирь и на Русский север.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.